

*Российская академия наук
Институт Соединённых Штатов Америки и Канады*

США & Канада

ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Научный и общественно-политический журнал

2021

№ 6 (618)

Июнь

Основан в январе 1970 года

Выходит 12 раз в год

ISSN 2686-6730

Журнал издаётся под руководством

Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН

Главный редактор

А.Н. ПАНОВ

Редакционная коллегия:

В.Н. Гарбузов (ИСКРАН, Москва, Россия); П.С. Золотарёв (ИСКРАН, Москва, Россия); Е.Г. Комкова (ИСКРАН, Москва, Россия); К.И. Косачёв (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); С.В. Лавров (МИД РФ, Москва, Россия); Л.Ф. Лебедева (ИСКРАН, Москва, Россия); В.П. Лукин (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); М.Г. Носов (Институт Европы РАН, Москва, Россия); О.Г. Овчинников (ИСКРАН, Москва, Россия); А.Н. Панов (МГИМО, Москва, Россия); А.А. Пороховский (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); М.А. Портной (ИСКРАН, Москва, Россия); С.М. Рогов (ИСКРАН, Москва, Россия); С.А. Рябков (МИД РФ, Москва, Россия); В.Б. Супян (ИСКРАН, Москва, Россия); Т.А. Шаклеина (МГИМО, Москва, Россия); Том Грэм (Ассоциация Киссинджера, Нью-Йорк, США); Пан Давэй (Шанхайская академия общественных наук, Шанхай, КНР); Нобуо Симотомаи (Университет Хосэй, Токио, Япония) Анжела Стент (Джорджтаунский университет, Вашингтон, США); Кадзухико Того (Университет Киото Сангё, Киото, Япония).

Номер готовили:

В.С. Аничкина; В.С. Ахонина; М.Ю. Белецкая; А.Л. Коровина; О.Б. Кузнецова;
Е.К. Рогульская (заведующая редакцией); А.С. Степанов; Н.А. Счётчикова.

Москва

© Российская академия наук, 2021
© Институт США и Канады РАН, 2021
© Редакция журнала «США & Канада»
(составитель), 2021

*Russian Academy of Sciences
Institute for the U.S. and Canadian Studies*

USA & Canada

ECONOMICS – POLITICS – CULTURE

2021

No. 6 (618)

June

Published since January 1970

Monthly Publication (12 Times a Year)

ISSN 2686-6730

*The Journal is published under supervision of the Department of Global
Problems and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. PANOV

Editorial Board:

V. Garbuzov (ISKRAN, Moscow, Russia); P. Zolotarev (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); K. Kosachev (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); S. Lavrov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); L. Lebedeva (ISKRAN, Moscow, Russia); V. Lukin (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); M. Nosov (The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); O. Ovchinnikov (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Panov (MGIMO, Moscow, Russia); A. Porokhovskii (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); M. Portnoi (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Rogov (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Ryabkov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); V. Supyan (ISKRAN, Moscow, Russia); T. Shackleina (MGIMO, Moscow, Russia); Thomas Graham (Kissinger Associates, Inc., New York, USA); Pan Dawei (Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China); Nobuo Shimotomai (Hosei University, Tokyo, Japan); Angela Stent (Georgetown University, Washington, D.C., USA); Kazuhiko Togo (Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan).

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2021
© Institute for the U.S. and Canadian
Studies (ISKRAN), 2021
© Editorial Board of "USA & Canada"
(compiler), 2021

Содержание

2021, № 6 (618)

Пороховский А.А. Американский экономический кризис 2020–2021 гг.: циклические и нециклические факторы.....	5
Шведова Н.А. Администрация Дж. Байдена: первые шаги	22
Розанова Н.М. Антимонопольная политика в XXI веке: ответ США на вызовы цифровой экономики.....	37
Поздравление юбиляру	
К 80-летию Михаила Анатольевича Портного	50
Наука и технологии	
Селянин Я.В. Разведсообщество США и искусственный интеллект	52
Экология	
Шлихтер А.А. Климатическая повестка демократов и использование в США природосберегающих технологий.....	71
Публичная дипломатия	
Артамонова У.З. Пандемия <i>COVID-19</i> : вызовы и возможности для публичной дипломатии России и США.....	89
Книжная полка	
Степанов А.С. Место США и коллективного Запада во внешнеполитических приоритетах России. <i>Рецензия на книгу А.К. Боброва «Концептуальные основы внешней политики России»</i>	111
Справки	
Сардар А. Приоритеты деятельности групп интересов в политической практике США	119
Информация для авторов	127

Публикуемые материалы отражают точку зрения авторов, которая может не совпадать с мнением редколлегии журнала.

Любое использование публикаций журнала в коммерческих целях, включая перепечатку или перевод на иностранные языки, без письменного согласия редакции не допускается.

Ссылка на журнал при цитировании или частичном использовании текста публикаций обязательна.

Contents

2021, No. 6 (618)

Porokhovskiy A.A. American Economic Crisis of 2020-2021: Cyclical and Non-Cyclical Factors	5
Shvedova N.A. J. Biden's Administration: The First Steps.....	22
Rozanova N.M. Antimonopoly Policy in the 21st Century: US Response to the Challenges of the Digital Economy.....	37

Anniversary Congratulations

On the 80th anniversary of Mikhail A. Portnoy	50
--	-----------

Science and Technology

Selyanin Ya.V. U.S. Intelligence Community and Artificial Intelligence	52
---	-----------

Ecology

Shlikhter A.A. Democratic Climate Agenda and US Environmental-Friendly Technologies.....	71
--	-----------

Public Diplomacy

Artamonova U.Z. COVID-19 Pandemic: Challenges and Opportunities for Russian and American Public Diplomacy	89
---	-----------

Bookshelf

Stepanov A.S. The United States and the Collective West in Russia's Foreign Policy Priorities. <i>Review of the book "The Conceptual Foundations of the Foreign Policy of Russia" by A.K. Bobrov</i>	111
--	------------

Background Material

Sardar A. Priorities of Interest Groups in U.S. political practice	119
---	------------

УДК 330.33.01

DOI: 10.31857/S268667300015216-7

Американский экономический кризис 2020–2021 гг.: циклические и нециклические факторы

А.А. Пороховский

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

Российская Федерация, 119991 Москва, Ленинские горы, д.1 стр.46;

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН),

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5520-0550>

e-mail: anapor@econ.msu.ru

Резюме. Статистические наблюдения за экономическими кризисами и деловыми циклами в США ведётся с 1854 г. С тех пор экономический кризис 2020-2021 гг. завершил 34-ый деловой цикл. Текущий кризис имеет много общих черт с другими, ранее прошедшими кризисами, но и отличается от них рядом специфических особенностей, обусловленных современным развитием США.

Либеральная американская экономическая модель за всю свою 245-летнюю историю регулярно, с периодичностью пять-десять лет, настраивала своё развитие на новые оборудование, технологии и профессии через экономические кризисы, которые сопровождались ростом безработицы и банкротствами бизнеса, но вели затем к подъёму экономики. Ни развитие экономической теории, ни расцвет информационной эпохи, ни рост могущества государства не смогли “отменить” кризисы и цикличность рыночного прогресса. Циклические факторы не теряют свою силу и в XXI веке.

Однако события последних лет омрачены глобальной пандемией COVID-19, которая в США унесла сотни тысяч жизней американцев разных возрастов и слоёв населения, усилила спад экономики и способствовала громадной безработице. Фактически все сферы экономики и общества оказались под воздействием пандемии. В этом состоит главная особенность текущего экономического кризиса, при котором нециклические факторы играют заметную роль.

В статье последовательно рассмотрены эти и другие процессы, связанные с американским экономическим кризисом последних лет. Обращено также внимание на роль глобальной среды и стремление США сохранить лидерство в мировой экономике. Указывается на решающее значение государства в организации и проведении антиковидной кампании.

Ключевые слова: американская экономика, экономический кризис, деловой цикл, мировая экономика, пандемия COVID-19, роль государства

Для цитирования: Пороховский А.А. Американский экономический кризис 2020-2021 гг.: циклические и нециклические факторы. *США & Канада: экономика политика, культура*, 2021; 51 (6) 5-21. DOI: 10.31857/S268667300015216-7

American Economic Crisis of 2020-2021: Cyclical and Non-Cyclical Factors

Anatoly A. Porokhovskiy

Lomonosov Moscow State University,

1 build. 46, Leninsky Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN),

2/3 Khlebnyy per., Moscow, 121069, Russian Federation.

ORCID; <https://orcid.org/0000-0001-5520-0550>

e-mail: anapor@econ.msu.ru

Abstract: Statistical observations of economic crises and business cycles in the United States have been conducted since 1854. Since then, the economic crisis of 2020-2021 has ended its business cycle. The current crisis has many features in common with other previous crises, but also differs from them in a number of specific features due to the modern development of the United States.

The liberal American economic model throughout its 245-year history has regularly, with a periodicity of 5-10 years, adjusted its development to new equipment, technologies and professions through economic crises, which were accompanied by an increase in unemployment and business failures, but then led to an economic recovery. Neither the development of economic theory, nor the heyday of the information age, nor the growth of the power of the state could “cancel” the crises and the cyclical nature of market progress. Cyclical factors do not lose their power in the XXI century.

However, the events of recent years have been overshadowed by the global COVID-19 pandemic, which in the United States has claimed hundreds of thousands of lives of Americans of all ages and backgrounds, exacerbated the economic downturn and contributed to huge unemployment. Virtually all sectors of the economy and society were affected by the pandemic. This is the main feature of the current economic crisis, in which non-cyclical factors play a significant role.

The article consistently examines these and other processes related to the American economic crisis of recent years. Attention is also drawn to the role of the global environment and the desire of the United States to maintain leadership in the global economy. The author points out the crucial role of the state in organizing and conducting an anti-covid-19 campaign.

Keywords: American economy, economic crisis, business cycle, world economy, COVID-19 pandemic, the role of the state

For citation: Porokhovskiy A.A. The American Economic Crisis of 2020-2021: Cyclical and Non-Cyclical Factors. *USA & Canada: Economics Politics, Culture*, 2021; 51 (6) 5-21.

DOI: 10.31857/S268667300015216-7

ВВЕДЕНИЕ

Двадцать первое столетие преподносит миру все новые сюрпризы, главным из которых пока стала эпидемия COVID-19 [1]; [18]. Однако даже это глобальное событие не смогло предотвратить цикличность развития американской экономики. Наоборот, пандемия усугубила кризисные явления в экономике и обществе, превратившись в решающий нециклический фактор американского эконо-

номического кризиса 2020-2021 гг. [20]; [Acemoglu D. 2021]. Как и прежде в 2007–2009 годах, американский кризис, теперь стартовавший в феврале 2020 г., потянул за собой большинство национальных экономик мира [22]. В результате это способствовало, с одной стороны, подрыву глобализации и устоявшихся глобальных цепочек стоимости, а с другой - росту национального эгоизма и протекционизма, стремлению развитых стран решать прежде всего свои собственные проблемы, игнорируя обязательства перед другими странами или их объединениями и мировым сообществом в целом [Antras P. 2020].

В этих условиях во всех без исключения странах взоры граждан и бизнеса обратились к государству, единственной надежде всех на решение экономических и социальных проблем, обнажённых циклическим кризисом и эпидемией [Appelbaum B. 2020]; [May B.A. 2021]. В очередной раз прагматизм победил либерализм, который всегда настаивал, что рыночный механизм сам по себе «разрулит» любые экономические проблемы, включая выход из кризиса [Ball, et al. 2021]. Ни глобализации, ни цифровизации, ни мощи передовых стран или крупнейших многонациональных корпораций не удалось за всю историю рыночной цивилизации нивелировать цикличность развития, избежать периодических экономических кризисов, внутренне присущих воспроизводству капитала. Вновь на повестку дня академических кругов и политиков высшего уровня турбулентной динамикой цивилизации поставлен вопрос о формировании нового мирового порядка [Bowen R. et al. 2020].

Современный экономический кризис в США имеет много особенностей, среди которых выделяются такие факторы как:

- вызовы американскому лидерству в глобальной экономике;
- циклические факторы, вытекающие из природы экономического делового цикла;
- нециклические факторы, обусловленные общественными тенденциями последнего времени.

Остановимся на рассмотрении указанных особенностей. Вместе с тем нельзя не отметить, что деление факторов носит относительно условный характер, ибо многие явления тесно переплетены и взаимообусловлены, пронизывая экономику и общество.

НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ И ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛЬНОЙ СФЕРЫ

В течение XX века США привыкли к определённому комфорту в мировой экономике. Однако неравномерность развития стран и регионов, обостряющаяся конкуренция в мировом хозяйстве в третьем тысячелетии не прошли для них бесследно. Интернет и информационно-коммуникационные технологии, а также мощное наступление четвёртой промышленной революции не смогли удержать американского непререкаемого лидерства в мире. Как видно из таблицы, доля ВВП Китая в мировом валовом продукте в 2020 г. достигла 18,3%, а доля

США опустилась до 15,9%. И в мировом экспорте товаров и услуг доля Китая превышает американскую почти на 3%. И хотя при подсчётах Международный валютный фонд применяет метод паритета покупательной способности национальных валют, а не их обменный курс, это не сильно меняет расстановку сил в мировой экономике. Не случайно поэтому многие специалисты и политики стали называть XXI век «китайским столетием», имея в виду, что XX век был «американским столетием». Все государства Группы семи также понизили свою роль в мировой экономике, что неизбежно сказалось и на их рейтингах мировой конкурентоспособности [10]; [16]; [17]. Изменение роли США подтолкнуло немало исследователей на анализ исторической судьбы других империй, чтобы Соединённым Штатам сегодня избежать их ошибок [Puri S. 2021].

Таблица

Доля отдельных стран и их групп в ВВП, в экспорте товаров и услуг и населении мира, 2020 г. *, %

Страны	Число стран	ВВП	Экспорт	Население
Развитые экономики	39	42,5	63,0	14,1
Основные индустриальные страны:	7	31,2	32,2	10,1
США		15,9	9,7	4,3
Япония		4,0	3,6	1,6
ФРГ		3,4	7,6	1,1
Франция		2,3	3,4	0,9
Италия		1,9	2,5	0,8
Великобритания		2,2	3,3	0,9
Канада		1,4	2,2	0,5
Страны зоны евро	19	12,0	26,7	4,5
Развивающиеся и со становящимся рынком страны:	156	57,5	37,0	85,9
Китай		18,3	12,4	18,4
Индия		6,8	2,2	18,0
Бразилия		2,4	1,1	2,8
Мексика		1,9	2,0	1,7
Россия		3,1	1,7	1,9

Примечание. ВВП и доля отдельных стран подсчитаны по паритету покупательной способности (ППС) национальных валют.

* ВВП мира: по рыночному обменному курсу валют – 84,6 трлн долл., по ППС валют – 131,7 трлн долл. [1].

Составлено по: World Economic Outlook (April 2021) – Washington, IMF, 2021, p. 106.

До тех пор, пока США будут контролировать мировые финансы и мировые рынки капитала, у них останется мощный козырь влияния на мирохозяйственные процессы в целом и отдельные страны в частности. Американская банковская система и фондовый рынок, а также доллар как самая массовая до сих пор мировая валюта поддерживают гегемонию США, несмотря на то что американская модель глобализации постепенно сдаёт свои позиции. В этом процессе свою существенную роль сыграл экономический кризис 2007-2009 гг., и деглобализация продолжилась кризисным спадом 2020-2021 гг. [Rasin A. 2020]. Происходит изменение конфигурации и структуры мировой экономики по мере движения центров глобального развития, что неизбежно по-новому формирует мировой деловой цикл и по-разному сказывается на национальных экономических циклах и кризисах [Tito M., Wang R. 2021].

Глобальная сфера бросает вызов самим рыночным основам современного капитализма. Оказывается, что традиционный рыночный механизм в мировом масштабе не удовлетворяет отдельные страны и прежде всего США [14]; [15]. Обычно индексы крупнейших фондовых бирж считались надёжным параметром, отражающим состояние экономики и предопределяющим направления инвестиций и движение капитала. Между тем всё больший отрыв финансового сектора от реального процесса производства товаров стал подрывать роль фондового рынка в современном воспроизводстве на национальном и глобальном уровнях, искажая его регулирующую роль [Schlingensmann F., Stuly R. 2021]. Американская модель глобализации предполагала беспрепятственное использование разнообразных мировых ресурсов для своих нужд. Этому способствовала первоначально и повсеместная цифровизация, генератором которой также выступили США. Однако новая глобальная информационная среда не столько укрепила американское лидерство, сколько, во-первых, обнажила его природу и, во-вторых, стимулировала другие страны отстаивать свои национальные интересы в условиях открывшихся новых возможностей [6]; [11]; [14]. В результате в мировой экономике формируется новый воспроизводственный процесс, требующий от Соединённых Штатов нередко чрезвычайного напряжения сил, как экономических, так и неэкономических.

«Китайское столетие» знаменует существенные перемены в мировом хозяйстве. Дело в том, что развитые экономики во главе с США подошли к четвёртой промышленной революции как «сервисные экономики», в структуре которых производство услуг нередко превышает 70% ВВП. При этом производство товаров, или материальное производство, постепенно сосредоточилось в Азиатском регионе, прежде всего в КНР. Причём не только так называемая материальная база цифровизации оказалась под китайским контролем, но и интеллектуальную составляющую высоких технологий теперь не обязательно связывают с западными достижениями. Внутренний рынок КНР постоянно расширяется в соответствии с темпами роста национальной экономики и благосостояния населения. Это означает, что китайская модель развития стала полновесным конкурен-

том американской либеральной модели, успевшей в течение XX века привыкнуть к неоспоримому лидерству в глобальном масштабе. И хотя по-прежнему рыночный механизм остаётся базовым в функционировании мировой экономики и почти всех национальных экономик, меняется структура мирового ВВП, по-другому формируются его пропорции и параметры в ходе воспроизводственного цикла. Так, если в США и странах ЕС в 2020 г. было существенное падение экономики, то в КНР произошло лишь незначительное уменьшение темпа экономического роста [1]; [6]; [7].

Среди внешних вызовов для Соединённых Штатов китайский вызов стал главным. Не имея возможности чисто конкурентными методами сохранить своё лидерство, США не гнушаются ни торговыми войнами, ни тарифными и санкционными барьерами, ни военными и политическими акциями, ни давлением на внутривнутриполитические тенденции развития КНР. Даже эпидемия COVID-19 не сломила китайский напор; жёсткие меры и доверие граждан государству дали свои плоды: страна вернулась к обычной жизни.

Между тем, в мире эпидемия превратилась в решающий фактор неопределённости и нестабильности. Большинство стран не уверены, что смогут преодолеть в 2021 г. последствия эпидемии, хотя само по себе экономическое восстановление возможно и без полного решения возникших социальных проблем. Специфическая задача борьбы с коронавирусом преподнесла *медвежью услугу* сплочённости стран даже в рамках Европейского Союза. Больше всех страдают развивающиеся бедные страны, оказавшиеся последними в очереди на вакцинацию своих граждан. В целом эпидемия лишь обнажила проблемы растущей бедности, неравенства и несправедливости в современном мире, который до сих пор развивался под водительством США. Однако было бы чрезмерным определить их главным виновником переживаемых мировым сообществом проблем. Нельзя забывать, что конкуренция и рынок постоянно *поощряют* победителей и не *щадят* неудачников на всех уровнях экономики – национальном и мировом. Американскому капиталу до сих пор удавалось использовать этот механизм в своих интересах.

ОБЪЕКТИВНОСТЬ ЦИКЛИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

В любой исторический период развития экономики США можно обнаружить множество явлений, которые в разной степени влияют на деловой цикл или отражают его динамику. Между тем, наиболее выразительными индикаторами состояния экономики стали уровень ВВП и показатель занятости трудоспособного населения страны. Играть свою роль также отраслевые индексы производства товаров и услуг, ставки по кредитам коммерческих банков и ставка рефинансирования Федеральной резервной системы, выполняющей роль центрального банка страны. Динамика жилищного строительства, денежных и ре-

альных доходов граждан также выражает качественную сторону воспроизводственного процесса.

Если до Второй мировой войны экономические кризисы выражались в массовом перепроизводстве товаров, падении цен и росте ставок процента по коммерческим кредитам, то в последние десятилетия картина кризиса стала иной. Так как абсолютное большинство товаров производится по заказу, а не на неизвестный рынок, то фактор их перепроизводства ушёл в историю. Теперь кризис – это снижение выпуска как массовое явление, а не перепроизводство. По-другому ведут себя и цены. Поскольку компании стараются избежать затоваривания и заблаговременно из-за падения заказов спроса регулируют объём производства, постольку рыночные цены мало изменяются и сильно зависят от отраслевой специфики, например, в информационной отрасли [6]; [Ball L. et al. 2021].

Статистическое наблюдение за общенациональными экономическими кризисами установлено в США с 1854 г. Комитет по деловым циклам Национального бюро экономических исследований (общественная неприбыльная организация) насчитал с тех пор 34 цикла, каждый из которых завершался экономическим кризисом¹, последний из которых случился в феврале 2020 г. В среднем на каждый цикл пришлось около пяти лет. Однако за средним подсчётом скрывается большой разброс по длительности цикла в разные периоды. Оказалось, что после спада в марте 1991 г. подъём продолжался 120 месяцев до марта 2001 г. Но последний цикл побил этот рекорд длительности: с июня 2009 г. по февраль 2020 г. прошло 128 месяцев, то есть почти 11 лет.

Обычно динамику темпов роста или падения экономики изображают в виде синусоиды – волнистой линии, пересекающей нулевую прямую, означающую отсутствие роста экономики в отмеченный исторический период – месяц, год, квартал. Если вернуться к статистическим данным по экономике США, то легко заметить, что большинство циклов выглядит как правильная синусоида – периоды между высшими точками подъёма и между низшими точками спада примерно равны. Экономике удаётся стихийным образом периодически восстанавливать нарушаемую во время подъёма пропорциональность своей структуры. Дело в том, что конкурентный механизм сам по себе не способен в национальной экономике поддерживать необходимые пропорции между потоками ресурсов, капитала, персонала, между финансовой и нефинансовой частью экономики. Появляются новые технологии и новые отрасли, изменяется спрос на внутреннем и внешнем рынках. Так формируется цикл для текущей пропорциональности, которая с помощью экономического кризиса переформатируется под новые цели и задачи каждой компании, что уже требует новых связей и соотношений в экономике [12]; [14]; [Acemoglu D. et al. 2020]; [Aghion Ph. et al. 2021];

¹Комитет по деловым циклам Национального бюро экономических исследований США. Available at: <https://www.nber.org/research/data/us-business-cycle-expansions-and-contractions> (accessed 18.04.2021).

[Bennett J. et al. 2020]; [Nunn N. 2020]. Кризис насильственным образом вынуждает компании обновлять оборудование и технологии, искать и внедрять новые управленческие схемы, добиваться повышения своей конкурентоспособности.

В последнее тридцатилетие именно информационно-коммуникационные технологии сыграли решающую роль в обеспечении таких длительных циклических подъёмов, в течение которых возникла не только отдельная информационная отрасль, но и произошла цифровизация всей экономики страны. По существу, сложилась новая основа для общественного воспроизводства и для формирования рынка труда с новыми профессиями и новыми траекториями занятости [2]; [3]. Интернет вещей, роботы, искусственный интеллект, социальные и информационные сети и платформы дают ориентиры молодёжи в выборе современных специальностей, бросают вызов всем занятым, вынуждая нередко искать новые рабочие места [7]; [13].

Специфика рецессии 2020 г. состоит и в том, что американская экономика в течение года изменялась импульсивно. Если в постоянных ценах 2012 г. реальный ВВП страны во II квартале упал на 31,4%, то уже в III квартале, по предварительным расчётам Бюро экономического анализа, входящего в структуру Министерства торговли США, он вырос на 33,4%. Но в целом за весь 2020 г. он сократился на 3,5%. Следует заметить, что в предыдущие годы его прирост был незначительным, но вполне удовлетворительным для развитой экономики: в 2018 г. – 3,0%, в 2 019 г. – 2,2%. При этом в I квартале 2020 г. реальный ВВП упал на 5,0%, что и дало основание объявить об очередном циклическом спаде американской экономики. В текущих ценах разброс между падением и подъёмом оказался ещё разительнее. В результате при сравнении темпов роста в IV квартале 2019 и 2020 гг. ВВП вырос на 4,3%, что вошло и в статистику международных сопоставлений², и в анализ современного экономического развития. [10]; [14]; [Andrews P. et al. 2020]; [Beltran D. et al. 2021]; [Dix-Caureiro R. et al. 2021]; [Rasin A. 2020]; [Shambaugh J. et al. 2021]; [Schwab K. et al. 2021]; [Tito M. et al. 2021].

Как выше уже отмечалось, традиционным признаком экономического кризиса стал высокий уровень безработицы. Особенно разительным он оказался в 2020 г. В абсолютных величинах безработица выросла на 10 млн человек. Даже после начала подъёма её уровень сократился всего на 1,6 млн человек. При этом рост занятости носит неустойчивый характер. Так, если до февраля 2021 г. уровень безработицы имел тенденцию к уменьшению, то затем он вновь стал расти. и около 4 млн человек лишились работы. При этом динамика занятости отличается по многим параметрам: отраслям экономики, расовому и половому признакам, территориальному размещению бизнеса. Известно, что сфера услуг преобладает над сферой производства товаров и по числу занятых, и по вкладу в ВВП страны. В кризисный год оказалось, что как раз в сфере услуг больше всего людей потеря-

² BEA News. Available at: <https://www.bea.gov/news/2021/gross-domestic-product> (accessed 19.04.2021).

ли работу, так как резко сократился спрос населения и бизнеса на разного рода услуги. Немало безработных стало в отраслях гостиниц и развлечений – 20%, минимально в финансовых и страховых услугах – около 2%. Правда, до сих пор уровень занятости остаётся довольно низким по сравнению с докризисным временем в таких сферах, к примеру, как кинопрокат и звукозапись (–40,3 %), театральные и спортивные представления (–33,6%), музеи и парки (–24,7%), авиационный транспорт (–20,1%). В целом работоспособное население США превышает 160 млн человек, а общий уровень безработицы в марте 2021 г. приблизился к 6%³.

Высокий уровень безработицы не может способствовать росту эффективности американской экономики, порождает дополнительные социальные проблемы. Среди молодого поколения возникают сомнения в реальности «американской мечты», в способности общества и страны обеспечить их работой или возможностями для проявления предприимчивости в разных сферах жизни [2]; [3]; [4]. Кризис наложил на противоречивые процессы цифровизации, которые никому не добавляют уверенности в будущем [19]. Появляется много новых профессий и специальностей, но пропорционально не растёт число рабочих мест. Людям предлагается так называемая самозанятость без каких-либо социальных гарантий, фрилансеры формируют гигэномику, где свобода выбора становится ширмой свободы возможностей для каждого американца. Хотя информационные технологии способствуют созданию массовых социальных сетей, но одновременно они укрепляют одиночество и снижают человеческое общение, часто заменяя его коммуникацией с роботами. Массовая культура становится всё более технологичной и безразличной к душевному настрою простого человека. Нередко будущее пугает человека, который подозревает искусственный интеллект в любом виде как угрозу самой жизни [23]; [24]; [Bisin A. et al. 2021]; [Davis M. et al. 2021]; [Gorton G. et al. 2020].

Сам по себе процесс трудовой деятельности в производстве товаров и в сфере услуг сильно модифицируется под воздействием цифровизации, что требует адекватной культуры общения персонала, новых принципов управления компаниями. Происходит оценка культуры обрабатывающего производства на основе современных критериев, учитывающих взаимодействие человека и машины и создание кластеров цифровых и традиционных компаний [25]; [26]; [Jang X. et al. 2021]; [Kerr W. et al. 2020]; [Korinek A. et al. 2021]; [Tambe P. et al. 2020]. На первый взгляд может показаться, что молодому поколению **Z** легче приспособиться к быстро меняющимся вызовам и обстоятельствам, чем опытным работникам с устоявшимися привычками и глубокими традициями. На деле оказывается, что у каждой группы свои проблемы, которые приходится решать в новых условиях по-своему. При этом как раз молодёжь чаще нуждается в поддержке и

³ Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/blog/2021/04/02/the-employment-situation-in-march> (accessed 25.04.2021).

помощи [3]; [4]; [13]. В период экономической рецессии указанные процессы об-нажаются особенно остро.

Уровень и динамика производительности труда напрямую характеризуют состояние экономики. При прочих равных условиях рост производительности означает и рост ВВП, и рост благосостояния населения. Между тем кризис 2020–2021 гг. нанёс свой удар по производительности. По данным Бюро статистики труда Министерства труда США, впервые после кризиса 2007–2009 гг. в 2020 г. многофакторная производительность упала на 1,7%, а количество отработанных часов уменьшилось на рекордных 6,5%. При этом просто производительность труда в несельскохозяйственном секторе выросла на 2,5%. Однако выпуск на единицу капитала снизился на 6,4%. Также сократился общий выпуск частного сектора на 4,2%. Как видно, производительность труда отдельного работника даже выросла при сокращении общей занятости, но эффективность экономики упала из-за рассогласования факторов развития многофакторной производительности и экономики в целом⁴.

Сфера услуг превратилась в один из важных циклических факторов рассматриваемого экономического кризиса. Как уже отмечалось, реальный ВВП США в 2020 г. снизился на 3,5%. Но производство товаров выросло на 3,9%, а объём услуг уменьшился на 7,3%. Непосредственно свой вклад в сокращение реального ВВП отрасли и подотрасли внесли по-разному. Так, к примеру, доля ресторанного, гостиничного и пищевого бизнеса в 3,5% составляет 0,76 процентных пункта, сферы искусства и отдыха – 0,43, здравоохранения и социальной помощи – 0,42, транспорта и складского хозяйства – 0,40. При этом сельское хозяйство, коммунальная служба, федеральное правительство, финансы и страхование и особенно информационная отрасль сыграли положительную роль, сократили уменьшение ВВП в целом на 0,49 процентных пункта⁵. Это означает, что конфигурация формирования послекризисной структуры и пропорциональности американской экономики происходит в необычных условиях не только из-за пандемии *COVID-19*; главное здесь – особая роль сферы услуг и неопределённость в мировом хозяйстве. [9]; [10]; [11]; [Bennet J. et al. 2020].

В самом начале экономического кризиса 2007–2009 гг. Совет экономических консультантов при президенте вскрыл в 2008 г. назревшую проблему обновления инфраструктуры страны. Только в дорожной сети США насчитывается более 600 тыс. мостов различной значимости, многие из которых нуждаются в ремонте. Причём около 70% всех грузов в стране доставляются грузовиками [21, Ch.6] Прошёл целый деловой цикл, но проблем с инфраструктурой не уменьшилось и теперь уже администрация президента Дж. Байдена объявила о выделении гигантских средств – более 2 трлн долл., в том числе на модернизацию

⁴. Bureau of Labor Statistics. Available at: <https://www.bls.gov/mfp> (accessed 23.03.2021).

⁵ BEA_ News. Available at: <https://www.bea.gov/news/2021/gross-domestic-product> (accessed 19.04.2021)

инфраструктуры. Следует заметить, что федеральное правительство несёт главную ответственность за состояние ключевых дорог США. Вместе с тем не все в стране разделяют оптимизм относительно способности правительства выполнить свои программы [5].

ПАНДЕМИЯ ВСЕМУ ГОЛОВА

Так сложилось, что в текущем экономическом кризисе циклические факторы предопределяют в основном параметры времени и направления требуемых структурных изменений экономики для восстановления макроэкономического равновесия и роста. Однако пандемия не просто изменила внешнюю картину кризиса и усугубила его течение и последствия, она превратилась в глобальный рубеж, который каждая страна преодолевает настолько успешно, насколько её правительству удаётся мобилизовать необходимые ресурсы для формирования общенационального иммунитета [Cui Z. et al. 2021].

Пандемия направлена против человека, против его жизни, меняет судьбу не только переболевших и сделавших антикоронавирусную прививку, но и всех людей, потерявших своих родных и близких или живущих под страхом заражения. Тем самым ЧЕЛОВЕК, а не машины и технологии, не роботы и искусственный интеллект, вышел на передний план внимания, заботы и надежды. Воочию стало очевидно, что экономика – это прежде всего люди, без которых весь прогресс становится бессмысленным, если он не направлен на сохранение людей и на обеспечение их достойного благосостояния [1, Ch. 2,3]. Поэтому пандемия как стихийное явление живой природы стала мощнейшим нециклическим фактором, ломающим экономическую динамику и вынуждающим государства, бизнес и простых людей тратить громадные ресурсы на восстановление исторически сложившихся укладов жизни, способных в новых условиях выстоять в борьбе с вирусами [Lofton O. et al. 2021].

Из-за пандемии почти все параметры экономического кризиса либо выросли, либо приобрели хронический характер [Acemoglu D. et al. 2020]; [Bloom N. et al. 2020]; [Bloom N. et al. 2021]; [Tambe P. et al. 2020]. И уровень безработицы, и падение производства, и рост неуверенности людей и бизнеса в своих перспективах, и обострение межстрановых противоречий в финансовой и торговой сферах, а также острая конкуренция за препараты от COVID-19 – всё это порождение этой эпидемии [27]; [Dinerstein M. et al. 2020]; [Dix-Carueiro R. et al. 2021]. При этом в американском обществе, как и в большинстве других развитых стран и во всём мире продолжается рост неравенства доходов между богатыми и бедными слоями населения [8]; [18]; [26]; [Saez E. 2020]; [Saez E. et.al. 2020]; [Lazear E. 2019]. Не случайно поэтому среди простых людей и исследователей остаётся актуальной тема – как сделать Америку более равной [24]; [Boushey H. 2020]. Законы капитала и законы рыночного развития эпидемия изменить не в состоянии, но эти же законы и не помогают бороться с ней. В силу вступают законы челове-

ческого общежития и общения, поддержанные государством. Государство мотивирует людей и организует санитарную и прививочную кампанию, вовлекает бизнес в решение проблем карантинного режима. Государство располагает самыми большими в стране финансовыми ресурсами и способно привлечь необходимые средства для поддержки граждан и бизнеса в этих чрезвычайных условиях. И хотя это сопровождается неизбежным ростом дефицита федерального бюджета и государственного долга [21]; [May B.A. 2021].

Одновременно государство берёт на себя ответственность за стимулирование бизнеса и населения по мобилизации их внутренних резервов для оживления и подъёма экономики с учётом как внутривнутриполитического состояния, так и изменяющихся мирохозяйственных связей [6]; [14]; [17]; [Davis M. et al. 2021]; [Farboodi et al. 2021]; [Gordon R. et al. 2020]; [Korinec et al. 2021]; [Shambaugh et al. 2021]. В ходе и после президентских выборов в США возникли и стали распространяться различные тенденции по обеспечению расового и этнического равенства, переоценке истории становления страны и значимости монументальных символов в виде памятников историческим личностям. Эти процессы расшатывают сложившиеся традиции американского общества, порождают неуверенность и неопределённость в понимании тех ценностей, которые помогают людям выживать в самые трудные времена. Впервые после «Великой депрессии» 1929-1933 гг. за последнее десятилетие темп прироста населения США сократился за счёт снижения рождаемости и уменьшения иммиграции, что сразу повысило долю граждан пенсионного возраста. Тем самым страна начала терять относительное преимущество по структуре населения перед западноевропейскими и некоторыми крупными азиатскими государствами, где преобладают пожилые граждане. Между тем, именно гражданам старшего возраста пандемия оказалась наиболее опасной, и уровень смертности среди них от COVID-19 достиг наиболее высоких показателей. Все эти обстоятельства не могли не сказаться как на общем фоне, так и на глубине экономического кризиса 2020–2021 гг. В целом нециклических факторов, усиленных пандемией, оказалось больше, чем циклических. И хотя для простого человека почти всё равно, как, почему и когда наступает кризис, ему важно выстоять и понять, как жить дальше.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 2021 г. экономический кризис в США ещё не завершился и поэтому дать ему полную характеристику можно будет тогда, когда Комитет по деловым циклам Национального бюро экономических исследований и Бюро экономического анализа Министерства торговли США опубликуют данные о завершении рецессии и начале подъёма. Между тем уже на основе существующей статистики и многочисленных публикаций в научных журналах и монографической литературе складывается контрастная картина происходящих процессов в американской экономике и обществе.

Во-первых, этот кризис имеет ярко выраженный циклический характер. Его главной внутренней целью является восстановление экономики США на базе обновленной структуры, учитывающей как современные технологические возможности, так и изменяющие внешнеэкономические и внешнеполитические условия и связи. Глобализация по американской модели встретила такие вызовы, которые всё больше подрывают лидерство США в мире.

Во-вторых, пандемия COVID-19, безусловно, усугубила ход кризиса, подвергнув небывалым испытаниям граждан, бизнес и государственные институты. При этом обнажились ранее скрытые противоречия и институциональные ловушки как внутри страны, так и в мировой экономике. Индивидуализм – как основа общества и экономики – поднялся во весь рост и в международных отношениях, подвергая испытаниям военные и интеграционные союзы и объединения.

В-третьих, нециклические факторы кризиса количественно преобладают над циклическими, демонстрируя всё большее значение социальной сферы. Не случайно поэтому во всех прогнозах нового мирового порядка в условиях глобальной цифровизации говорится о необходимости защиты окружающей среды, переориентации корпораций на нужды людей и общества [9]; [Comin D. et al. 2020], уменьшении или устранении громадного разрыва в доходах различных групп населения. Однако рыночная природа капитализма оставляет за собой право и объективную необходимость в продолжении циклического типа развития и воспроизводства капитала.

ИСТОЧНИКИ

1. International Monetary Fund. 2021. *World Economic Outlook. Managing Divergent Recoveries*. Washington, D.C., April – 192 p. Available at: https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/03/23/world-economic-outlook-april-2021?utm_medium=email&utm_source=govdelivery (accessed 06.04.2021).
2. Lu M. 2020. *Is the American Dream over? Here's what the data says.* – 4 p. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2020/09/social-mobility-upwar>. (accessed 02.09.2020).
3. *The Economist*. 2021. Daily chart. *Young people stand to make dismal returns on their investments*. 7 p. Available at: <https://www.economist.com/graphic-detail/2021/03/15>. (accessed 16.03.2021).
4. Fuller J., Raman M., Palano J., Balley A., Vaduganathan N., Kaufman E., Laverdiere R., Lovett S. November 2020. *Building the on-demand Workforce*. Published by Harvard Business School and BCG. – 32 p.
5. *The Economist*. 2020. *Bidenomics: the good the bad and the unknown*. October 3. Available at: <https://www.economist.com/leaders/2020/10/03> (accessed 27.01.2021).
6. OECD. 2021. *Science, Technology and Innovation Outlook. Times of Crisis and Opportunity*. OECD Publishing, Paris. – 207 p. Available at: <https://doi.org/10.1787/75f79015-en> (accessed 27.01.2021).

7. APO/OECD. 2021. Towards Improved and Comparable Productivity Statistics: *A Set of Recommendations for Statistical Policy*. OECD Publishing, Paris – 132 p. Available at: <https://doi.org/10.1787/1ae0ec74-en> (accessed 21.08.2020).

8. *Industry Week*. 2020. CEO Compensation is 320 Times Typical Worker. A new survey from the Economy Policy Institute. Available at: <https://www.industryweek.com/talent/article/21139638> (accessed 21.08.2020)

9. Measuring Stakeholder Capitalism: Towards Common Metrics and Consistent Reporting of Sustainable Value Creation. 2020 World Economic Forum 96 p.

10. World Economic Forum. 2021 The Global Risks Report. 16th Edition 97 p.

11. World Economic Forum. 2020. Global Technology Governance Report 2021 67 p.

12. AEI Economic Perspectives. 2020. Bhagat S., Hubbard G. Should the Modern Corporation Maximize Shareholder Value? September – 14 p. Available at: <https://www.aei.org/feature/aei.economic-perspectives>. (accessed 10.11.2020).

13. Tooling University. 2020. *Millennials & Gen Z. New face of Manufacturing. Solving the Talent Challenge: Millennials and Gen Z in the Workforce from a Manufacturing Perspective*. Tooling University LLC. 24 p.

14. OECD. 2021. Economic Outlook, Interim Report. March. *Strengthening the recovery: The need for speed*. OECD Publishing, Paris. 22 p. Available at: <https://doi.org/10.1787/34bfs999-en> (accessed 27.01.2021).

15. *The New York Times*. 2021. Zakaria F. How the Dead Hand of Imperialism Continues to Influence World Politics. *New York Times*. March 8. Available at: <https://www.nytimes.com/2021/03/08/booksreview/theshadows> (accessed 10.03.2021).

16. World Economic Forum. 2019. *The Global Competitiveness Report*. 666 p.

17. World Economic Forum. 2020. *The Global Competitiveness Report. Special Edition*. How Countries are Performing on the Road to Recovery. 95 p.

18. *The Economist*. 2021. Daily chart. How covid-19 triggered America's first female recession in 50 years. Available at: <https://www.economist.com/graphic-detail/2021/03/08>. (accessed 09.03.2021).

19. OECD. 2020. How's Life? 2020. Measuring Well-Being. *OECD Publishing*, Paris. – 247 p. Available at: <https://doi.org/10.1787/9870c393-en> (accessed 10.03.2021).

20. BEA. 2021. 100 A Century Chronicling the U.S. Economy. Survey of Current Business. Vol. 100-101. Number 1. January 2021. Available at: <https://apps.bea.gov/scb/2021/01-january/0121>. (accessed 17.02.2021).

21. Economic Report of the President. 2008. U.S. Government Printing Office – 355 p.

22. Harari Y. 2021. Lessons from a Year of Covid. *Financial Times*. February 26.

23. Bohan R. 2020. Is your Culture a “Good Fit” for New Technology? *Industry Week*, November 12.

24. Fretty P. 2020. It's Time to connect the Workforce. *Industry Week*, December 29.

25. Hendrickson C. 2021. It's Time to Re-Evaluate Manufacturing Culture. *Industry Week*, February 16.

26. Sobel J. 2020. Trust is more Important than Technology in Digital Transformation. *Industry Week*, October 27.

27. Collins M. 2020. Free Trade is killing American Manufacturing. *Industry Week*, November 23.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

May B.A. 2021. Пандемия коронавируса и тренды экономической политики. *Вопросы экономики*, №3, с. 5-30. URL: <https://di.org/10.32609/0042-8736-2021-3-5-30>.

REFERENCES

Acemoglu D. 2021. Remaking the Post-COVID World. *Finance & Development*, March – p. 4-9.

Acemoglu D. Tahbaz-Salehi A. 2020. Firms, Failures, and Fluctuations: The Macroeconomics of Supply Chain Disruptions. *NBER Working Paper 27565* – 68 p.

Aghion Ph., Antonin Bunel S. 2021. The Power of Creative Destruction. *Economic Upheaval and the Wealth of Nations*. Belknap Press – 400 p.

Alessandria G., Arkolakis C., Ruhl K. 2020. Firm Dynamics and Trade. *NBER Working Paper 27934* – 43 p.

Andrews M., Chatterji A., Stern S. 2020. Beyond 140 Characters: Introduction to the Role of Innovation and Entrepreneurship in Economic Growth. *NBER Working Paper 28105* – 23 p.

Antras P. 2020. De-globalization? Global Value Chains in the Post-COVID-19 Age. *NBER Working Paper 28115* -51 p.

Appelbaum B. 2020. Distribution Matters. *Finance & Development*, December – p. 19-20.

Asterbro T., Braguinsky S., Ding Y. 2020. Declining Business Dynamism among Our Best Opportunities. The Role of the Burden of Knowledge. *NBER Working Paper 27787* – 27 p.

Ball L. Mankiw N.G. 2021. Market Power in Neoclassical Growth Models. *NBER Working Paper 28538* – 35 p.

Beltran D., Jahan-Parvar M., Paine F. 2021. Optimizing Credit Gaps for Predicting Financial Crises: Modelling Choices and Tradeoffs. *International Finance Discussion Papers 1307*. Washington: Board of Governors of the Federal Reserve System
[//doi.org/10.17016/IFDP.2021.1307](https://doi.org/10.17016/IFDP.2021.1307). – 40 p.

Bennett J., Kornfeld R., Sichel D., Wasshausen D. 2020. Measuring Infrastructure in BEA'S National Economic Accounts. *NBER Working Paper 27446* – 76 p.

Bisin A., Ruhin J., Seror A., Verdier T. 2021. Culture, Institutions & the Long Divergence. *NBER Working Paper 28488* – 81 p.

Bloom N. Fletcher R. Yoh E. 2021. The Impact of COVID-19 on US Firms. *NBER Working Paper 28314* – 36 p.

Bloom N., Bunn P., Mizen P., Smietanka P., Thwaites G. 2020. The Impact of COVID-19 on Productivity. *NBER Working Paper 28233*. – 49 p.

- Boushey H. 2020. How to Make America More Equal. *Finance & Development*, December. – p. 32-35.
- Bowen R., Broz L. 2020. Designing an International Economic Order: A Research Agenda. *NBER Working Paper* 27914 – 35 p.
- Buera F., Kaboski J., Townsend R. 2021. From Micro to Macro Development. *NBER Working Paper* 28423. – 56 p.
- Cieslak A., Pang H. 2020. Common Shocks in Stocks and Bonds. *NBER Working Paper* 28184 – 57 p.
- Comin D., Gonzalez J., Schmitz T., Trigari A. 2020. Measuring TFP: the Role of Profits, Adjustment Costs and Capacity Utilization. *NBER Working Paper* 28008. – 79 p.
- Cui Z., Heal G., Kunreuther H., Liu L. 2021. The Political Economy of Responses to Covid-19 in U.S.A. *NBER Working Paper* 2878 – 54 p.
- Davis M., Ghent A., Gregory J. 2021. The Work-at-Home Technology Boom and its Consequences. *NBER Working Paper* 28461. – 64 p.
- Dinerstein M., Megalokonomou R., Yannelis C. 2020. Human Capital Depreciation. *NBER Working Paper* 27925. – 104 p.
- Dix-Carueiro R., Pessoa J., Reyes-Heroles R., Traiberman S. 2021. Globalization Trade Imbalances and Labor Market Adjustment. *International Finance Discussion Papers* 1310. Washington: Board of Governors of the Federal Reserve System [//doi.org/10.17016/IFDP.2021.1310](https://doi.org/10.17016/IFDP.2021.1310). – 95 p.
- Farboodi M., Veldkamp L. 2021. A Growth Model of the Data Economy. *NBER Working Paper* 28427. – 52 p.
- Gordon R., Sayed H. 2020. Transatlantic Technologies: The Role of ICT in the Evolution of U.S. and European Productivity Growth. *NBER Working Paper* 27425 – 38 p.
- Gorton G., Zentefis A. 2020. Corporate Culture as a Theory of the Firm. *NBER Working Paper* 27353 – 68 p.
- Greenwood R., Hanson S., Shleifer A., Sorensen J. 2020. Predictable Financial Crises. *NBER Working Paper* 27396. – 63 p.
- Gutierrez G., Philippon T. 2020. Some Facts about Dominant Firms. *NBER Working Paper* 27985.-34 p.
- Hang J. 2020. Input-Output Networks and Misallocation. *NBER Working Paper* 27983 - 49 p.
- Jiang X., Chang W., Weinberg B. 2021. Man versus Machine? Self-Reports versus Algorithmic Measurement of Publications. *NBER Working Paper* 28431 – 39 p.
- Kerr W., Robert-Nicoud F. 2020. Tech Clusters. *NBER Working Paper* 27421. – 26 p.
- Korinek A., Stiglitz J. 2021. Artificial Intelligence, Globalization, and Strategies for Economic Development. *NBER Working Paper* 28453 – 42 p.
- Lazear E. 2019. Productivity and Wages: Common Factors and Idiosyncrasies across Countries and Industries. *NBER Working Paper* 26428. – 78 p.
- Lofton O., Petrosky-Nadeau N., Seitelman L. 2021. Parents in a Pandemic Labor Market. Federal Reserve Bank of San Francisco *Working Paper* 2021-04. URL: <https://doi.org/10.24148/wp2021-04> -28 p.

- Mau V. 2021. Pandemiia koronavirusa i trendy ekonomicheskoi politiki [Coronavirus pandemic and trends of economic policy] (In Russ.). *Voprosy Ekonomiki*, No.3, p. 5-30. Available at: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-3-5-30>.
- Nunn N. 2020. History of Evolution. *NBER Working Paper* 27706. – 73 p.
- Puri S. 2021. The Shadows of Empire. How Imperial History Shapes our World. Pegasus Books – 384 p.
- Rasin A. 2020. De-globalization: Driven by Global Crises? *NBER Working Paper* 27929. – 23 p.
- Saez E. 2020. The Rise of Income and Wealth Inequality in America: Evidence from Distributional Macroeconomic Accounts. *NBER Working Paper* 27922. – 31 p.
- Saez E., Zucman G. 2020. Trends in U.S. Income and Wealth Inequality: Revising after the Revisionist. *NBER Working Paper* 27921. – 86 p.
- Shambaugh J., Strain M. 2021. The Recovery from Great Recession: A long Evolving Expansion. *NBER Working Paper* 28452. – 37 p.
- Schlingemann F., Stulz R. 2020. Has the Stock Market become less Representative of Economy? *NBER Working Paper* 27942. – 55 p.
- Schwab K., Vanham P. 2021. Stakeholder Capitalism. *A Global Economy that Works for Progress, People and Planet*. Willey – 304 p.
- Scur D., Sadun R., Reenen J., Lemos R., Bloom N. The World Management Survey at 18: Lessons and the Way Forward. *NBER Working Paper* 28524 – 36 p
- Tambe P., Hitt D., Brynjolfsson E. 2020. Digital Capital and Superstar Firms. *NBER Working Paper* 28285. – 60 p.
- Tito M., Wang R. 2021. Misallocation in Open Economy. Finance and Economics Discussion Series 2021-007. Washington: Board of Governors of the Federal Reserve System // doi.org/10.17016/FEDS.2021.007. – 38 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

ПОРОХОВСКИЙ Анатолий Александрович, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН), Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулочек, 2/3;

заведующий кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46.

Anatoly A. POROKHOVSKY, Doc. Sci. (Economics), Professor, Honored scientist of the Russian Federation, Chief Research Fellow of the USA and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKРАН).

2/3 Khlebyny per., Moscow, 121069, Russian Federation;

Chair Department of Political Economy Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University: 1, build 46, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 27.04.2021.

Статья поступила после рецензирования / Revised 10.05.2021.

Принята к публикации / Accepted 13.05.2021

УДК 323

DOI: 10.31857/S268667300015217-8

Администрация Дж. Байдена: первые шаги

Н.А. Шведова*Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН).**Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулок, дом 2/3.**ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6639-6392> e-mail: n.shvedova2015@yandex.ru*

Резюме: После инаугурации новый президент-демократ Дж. Байден обнародовал «Национальную стратегию реагирования на COVID-19». Проблемы здравоохранения и борьбы с пандемией занимают приоритетное место в списке неотложных дел 46-го президента США. Национальная стратегия направлена на совершенствование состояния сферы здравоохранения. С этой целью предусмотрен мониторинг на постоянной основе результатов, что включает создание общедоступных информационных панелей, которые содержат цифры и факты для оценки прогресса США в борьбе с COVID-19. Администрация предпринимает усилия по увеличению масштабов вакцинирования, однако этот процесс продвигался медленнее, чем ожидалось, поскольку пришлось столкнуться с логистическими проблемами. По состоянию на 8 апреля 2021 г. 20% населения США было полностью вакцинировано, что дало примерно 66 миллионам человек защиту от болезни, которая уже унесла жизни более 500 тысяч американцев. До сих пор в гонке вакцин доминировали немногие относительно богатые страны: в первую очередь Израиль (почти 57% населения полностью вакцинировано по состоянию на 7 апреля 2021 г.), Чили (около 22%) и США.

Пандемия вскрыла с особой силой проявления расовой и социально-экономической несправедливости, которые вызвали протесты в президентском избирательном цикле 2020 г. Кроме того, попытки насильственным способом, в обход легитимного пути, «пересмотреть» результаты выборов, – всё это обусловило широкую поддержку демократическим реформам, которая резко выросла в последнее время. В Конгрессе США представлен законопроект, в котором содержатся меры, направленные на некоторый «ремонт» политической системы страны. Дж. Байден призывает принять его.

Особые отношения сложились у президента-демократа с женским электоратом США, поддержка большинства которого сделала его победу возможной. Дж. Байден обещал приложить усилия для продвижения многострадальной Поправки о равных правах (*The Equal Right Amendment - ERA*), тем более что он был одним из инициаторов этого законопроекта девять раз. Поправка нужна американским женщинам, активным её сторонницам, потому что такой законодательный акт раз и навсегда чётко закрепит права женщин в Конституции США. Реальное разделение властей объективно не позволяет монополизировать и сконцентрировать власть в одном источнике, побуждает к выработке корректирующих программ для различных групп интересов, особенно когда на кону стоит потребность в голосах избирателей, к которым приходится прислушиваться.

Ключевые слова: Поправка о равных правах, пандемия коронавируса COVID-19, центры по контролю и профилактике заболеваний, «Национальная стратегия реагирования на COVID-19 и готовности к пандемии», билль «Закон о народе, 2021 г.»

Для цитирования: Шведова Н.А. Администрация Дж. Байдена: первые шаги. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2021; 51 (6): 22–36.

DOI: 10.31857/S268667300015217-8

J. Biden's Administration: The First Steps

Nadezda A. Shvedova

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences.

2/3, Khlebnyy pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6639-6392> e-mail: n.shvedova2015@yandex.ru

Abstract: Following his inauguration on January 21, 2021, the new Democratic President J. Biden unveiled the “National Strategy for Responding to Covid-19”. It is clear that pandemic and health issues are high on the list of urgent matters for the new 46th President of the United States. The national strategy aims to achieve an improvement in the health situation. Results are monitored on an ongoing basis, which includes the creation of publicly available dashboards that provide data and facts to assess U.S. progress in the fight against COVID-19. The Biden administration is making efforts to scale up vaccinations, but the country has progressed more slowly than expected as it faced logistical challenges. As of April 8, 2021, 20 percent of the U.S. population was fully vaccinated, giving an estimated 66 million people strong protection against a disease that has already killed more than 500,000 Americans. So far, the vaccine race has been dominated by a handful of relatively wealthy countries: most notably Israel (almost 57% of the population fully vaccinated as of April 7, 2021), Chile (about 22%) and the United States.

The protests against racial and socioeconomic injustice in the 2020 presidential election cycle, which the pandemic revealed with particular force, the attempt to violently, bypassing the legitimate path, to “revise” the election results - all this served as a strong impetus for broad support for democratic reforms, which has risen sharply in recent years, rooted deeper than the period of two presidential cycles. A bill has been submitted to the U.S. Congress, which contains measures aimed at some “repair” of the country's political system. J. Biden calls to accept it.

The Democratic President has a special relationship with the U.S. female electorate, whose majority support made his victory possible. President J. Biden has pledged to make efforts to promote the much-suffering Equal Right Amendment (ERA). Moreover, he was one of the initiators of this bill nine times. The amendment is needed by American women, its active supporters, because such a legislative act will once and for all clearly enshrine women's rights in the U.S. Constitution. The real separation of powers objectively does not allow monopolizing and concentrating power in one source, encourages the development of corrective programs and policies for different groups and interests, especially when the need for voices to be listened to is at stake.

Keywords: The Equal Rights Amendment, coronavirus epidemic, Centers for Disease Control and Prevention, “National Strategy for the COVID-19 Response and Pandemic Preparedness”, For the People Act of 2021

For citation: Shvedova N.A. J. Biden’s Administration: The First Steps. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2021; 51 (6): 22-36. DOI: 10.31857/S268667300015217-8

ВВЕДЕНИЕ

Широкая поддержка демократических реформ резко возросла в последние несколько лет в США, особенно после протестов против расовой несправедливости в 2020 г. Более 180 организаций, представляющих миллионы американцев по всей стране, стали членами коалиции под названием «Декларация за американскую демократию» (*The Declaration for American Democracy*). Она выступает за широкомасштабные демократические реформы, требует «решительных и чётких мер для

обеспечения американской демократии большей репрезентативности для обычных американцев» [1]. По мнению американских исследователей, эффективные социальные перемены зависят от мотивированных сторонников, которые, несомненно, будут продолжать играть незаменимую роль на пути к радикальным структурным реформам [2]. Тем временем редакционные советы газет по всей стране призвали Конгресс США провести структурные реформы, которые соответствовали бы народным ожиданиям, что свидетельствует об их популярности в сообществах [2].

О ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕФОРМАХ

17 марта 2021 г. демократы в Сенате США представили билль «Закон о народе, 2021 г.» (*For the People Act of 2021*), который пользуется широкой поддержкой. Он находится в Сенате под символическим первым номером (S. 1) и пройдёт под наблюдением лидера большинства Чака Шумера (*Chuck Schumer*) (штат Нью-Йорк). Принятие этого единственного в своём роде законодательного пакета последовало за одобрением его в Палате представителей США 3 марта 2021 г. в ходе решающего голосования [3].

В законопроекте содержатся меры, направленные на сдерживание ограничения прав избирателей, махинаций и доминирования особых интересов в политической системе. Считается, что многие из негативных стратегий построены на двухпартийной основе, поэтому законодательная инициатива нацелена на четыре задачи: предоставить американцам гораздо больше возможностей для безопасного голосования; создать систему мелких доноров, которая уменьшит власть богатых, особых интересов; сделать транспарентными «секретные» деньги и «иностранные средства» на выборах в США; наложить гораздо более жёсткие этические ограничения на президентов, в том числе обязав их раскрывать копии своих налоговых деклараций. Президент Дж. Байден, выразив свою поддержку инициативе, призвал Конгресс принять законопроект.

Пока билль в начале пути по процессуальным лабиринтам Сената. Между тем республиканские законодательные органы по всей стране приняли к рассмотрению свыше 250 законопроектов, касающихся в той или иной степени ограничений избирателей, в основном «чёрных и коричневых общин» [3].

По замыслу, принятие этого законодательного акта и дальнейшая его имплементация позволит гарантировать всем американцам, в том числе цветным, возможность в полной мере участвовать в демократическом процессе, а также в результате реализованных мер Конгресс сможет «разблокировать прогресс» в политике, что волнует американцев. Речь идёт, прежде всего, о программах «хорошо оплачиваемой работы, чистого воздуха и воды», а также «расовой справедливости» [3].

Администрация Дж. Байдена, в связи с этим, создала должность в Совете по внутренней политике Белого дома по надзору за ходом демократических реформ [4]. Усилия новой администрации по снятию расового и социально-политического напряжения в обществе, конечно, мотивированы провалившейся попыткой 6 янва-

ря 2021 г. явочным порядком насильственно «пересмотреть» результаты президентских выборов в пользу тогда действующего президента-республиканца.

Президент Дж. Байден, как подчеркивают многие эксперты, – «ярый сторонник укрепления демократии» [5]. Вполне логичен его шаг в первый день пребывания на посту президента: издан указ, предусматривающий жёсткие этические правила для сотрудников органов исполнительной власти, которым вменяется в обязанность действовать в общественных интересах, а не в своих собственных корыстных целях. Дж. Байден также объявил о невмешательстве членов его семьи в государственные решения, что кардинально меняло картину по сравнению с предыдущей администрацией [6].

О ПРИНЦИПАХ И ОБЕЩАНИЯХ КОМАНДЫ ДЖ. БАЙДЕНА – К. ХАРРИС

В переходный период избранному президенту необходимо сформировать свою команду, членам которой надлежит реализовывать цели, намеченные в обещаниях избирательной кампании. Это одна из важнейших задач. Известно, что президенты должны определить примерно 4000 политических назначенцев на должности в органы исполнительной власти, в том числе более 1250 позиций, требующих утверждения Сенатом. Администрации Дж. Байдена необходимо тщательно подобрать команду единомышленников, которой предстоит учитывать электоральную поддержку, а значит, помнить как о представительстве женщин на высоких должностях, так и о расово-этническом разнообразии.

В материалах, которые использовались во время предвыборной гонки кандидатом от Демократической партии, утверждалось, что команда Дж. Байдена – К. Харрис привержена следующим основным ценностям: «разнообразию идеологий и предыстории»; «честности и высшим этическим стандартам для служения американскому народу», а не «особым интересам»; «прозрачности для завоевания доверия» на каждом этапе. Избранные президент Дж. Байден и вице-президент К. Харрис своей предыдущей деятельностью доказали верность данным принципам. Именно это «будет определять их работу по восстановлению веры американского народа» в правительство [7].

В конкретном преломлении администрация Дж. Байдена подчёркивает, что миссия Министерства здравоохранения и социального обеспечения (*The Department of Health and Human Services*) никогда не была такой важной и неотложной, как в настоящее время. Особенность положения министерства, конечно, обусловлена обстоятельствами пандемии COVID-19 и её экономическими последствиями, что привело к кризису в семьях, потому что «слишком много американцев больны или потеряли близких... многие потеряли работу, а вместе с ней здоровье и надежду». Президент заявляет о том, что для «восстановления процветающей Америки нужна здоровая Америка», и это станет приоритетной работой для Министерства здравоохранения и социального обеспечения. Дж. Байден, как и бывший президент Б. Обама, придерживается принципа: здравоохранение – это право, а не привилегия [8].

Команда Дж. Байдена в сфере здравоохранения в лице главного хирурга Вивек Мерфи (*Dr. Vivek Murthy, Surgeon General*) выразила оптимизм в отношении победы

над пандемией, указав на фундаментальные объективные возможности для этого. Признав сложность задачи по обузданию пандемии, В. Мерфи прежде всего подчеркнул наличие в государстве «учёных мирового класса», «мужественных медицинских работников», которые «рискуют своей жизнью, заботясь о больных». Главный хирург выделил компании, готовые поставлять вакцины, и «щедрых и отзывчивых людей, готовых помочь тем, кто борется». При этом в качестве главного условия победы над пандемией он называет совместные действия, заявив: «Если мы все будем работать вместе, мы преодолеем пандемию и вернёмся к своей жизни» [8].

Между тем В. Мерфи признал наличие других точек напряжённости или кризиса в здравоохранении: COVID-19 – не единственный кризис в области здравоохранения, с которым сталкивается страна. Пандемия помогла «выявить множество других эпидемий», разрушающих семьи и сокращающих продолжительность жизни: наркоманию, опиоидный кризис и нарастающие проблемы с психическим здоровьем; «вопиющие расовые различия и высокий уровень диабета и болезней сердца». Эти проблемы вызваны и усугубляются более «широкими социальными невзгодами» – от экономических, с которыми сталкиваются семьи, до разобщённости и одиночества, которые становятся уделом многих людей [8].

Таким образом, новые чиновники от здравоохранения выражают озабоченность по поводу глобального состояния важнейшей сферы социального обеспечения населения США, усматривая их внутреннюю взаимосвязь.

ДЖ. БАЙДЕН И АМЕРИКАНСКИЕ ЖЕНЩИНЫ

В новой администрации президента Дж. Байдена будет больше всего в истории США женщин, занимающих посты на уровне кабинета министров. Ранее наибольшее число женщин, одновременно занимавших министерские должности, составляло девять человек во время второго президентского срока демократа Билла Клинтона.

Дж. Байден объявил об 11 женщинах, работающих в кабинете министров и на должностях, которые исторически были на этом уровне. Поскольку вице-президент также относится к членам кабинета, Камала Харрис становится 12-й женщиной в нём при Дж. Байдене [9].

За всю историю США только 12 президентов (пять демократов, семь республиканцев) назначали женщин в свои кабинеты или на должности этого уровня с тех пор, как в 1933 г. президент Франклин Д. Рузвельт пригласил первую женщину замещать пост министра (Ф. Ренкин) [10]. Всего 58 женщин возглавляли 66 министерств (некоторые находились на посту неоднократно). Из общего числа американок – министров (или уровня кабинета министров) – 35 были назначены президентами-демократами и 23 – республиканцами [9]. Очевидно, что Демократическая партия в полтора раза чаще направляла своих представительниц замещать высокие министерские посты по сравнению с Республиканской.

Кроме того, Дж. Байден в период избирательной гонки в своём специальном документе, нацеленном на женский электорат, под названием «Повестка Дж. Байдена для женщин» (*The Biden Agenda for Women*), пообещал «изменить ланд-

шафт мира национальной безопасности, в котором преобладают белые мужчины» [11], став таким образом первым президентом, кто обязался добиваться гендерного паритета на высших государственных должностях в сфере национальной безопасности и внешней политики. И это чрезвычайно серьёзная заявка на исправление гендерного дисбаланса в «особенно мужских» сферах государственной власти.

Памятуя о предстоящих промежуточных выборах 2022 г. и с учётом поляризованного политического ландшафта в стране, что, несомненно, учитывают и демократы, и республиканцы, готовясь к ним сегодня, следует напомнить, почему так важен женский электорат. Прежде всего, это численное преобладание женского населения: женщины составляют 51% жителей США и около 53% голосующих; примерно на 10 миллионов больше женщин, чем мужчин, регистрируются для голосования. Это объективный фактор, который заставляет конкурирующих кандидатов позаботиться о своём влиянии на них.

Существует также очевидная устойчивая тенденция к гендерному различию в поведении американского электората на выборах, которая характерна для электорального поведения уже с 1980-х годов. Во-первых, гендерные различия существуют в принципиальных политических установках мужчин и женщин. Многие учёные (например, Мэри-Кейт Лизотт и др. [12]) пишут о том, что женщины, как правило, более либеральны в вопросах социального обеспечения (таких как помощь бедным, финансирование государственных школ, социальное обеспечение и уход за детьми), чем мужчины. Даже среди республиканцев женщины, как правило, больше поддерживают государственные программы социального обеспечения. Во-вторых, это отмечается по отношению к применению военной силы. Исследователи (в частности, Майкл Хансен, Дженнифер Клеменс и Кэтлин Долан) полагают, что женщины менее склонны, чем мужчины, поддерживать применение силы [13]. В-третьих, гендерные различия заметны и в отношении к «общественному здоровью и поддержке теорий заговора». Эксперты отмечают (Эрин Кассезе, Кристины Фархарт и Джоан Миллер [14]), что женщины менее склонны, чем мужчины, поддерживать «теории заговора, связанные с коронавирусом COVID-19», даже если принимать во внимание партийность.

Однако женщины не являются ни монолитом в своих политических убеждениях, ни единым избирательным блоком. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на тот факт, что поддержку команде Дж. Байдена и К. Харрис оказали чернокожие женщины; это самая надёжная база голосующих за демократов, – примерно 90%; латиноамериканки отдали за Дж. Байдена – К. Харрис от 67 до 75% своих бюллетеней. Латиноамериканцы – самая крупная группа расового/этнического меньшинства среди избирателей США. Демократических претендентов поддержали белые женщины с высшим образованием, которые, по сравнению с президентскими выборами 2016 г., ещё больше расширили свой переход к поддержке Демократической партии. Дж. Байден также увеличил число своих сторонников за счёт белых мужчин с высшим образованием.

При этом успех Д. Трампа среди белых женщин состоялся в основном благодаря явному большинству белых женщин без высшего образования. Белые муж-

чины и белые женщины без высшего образования – обе группы сыграли ключевую роль в поддержке Д. Трампа. Ещё одна группа – это евангелистки, которые оказались важными для электората президента Д. Трампа.

Таким образом, гендерный разрыв между всеми женщинами и мужчинами составлял 12 процентных пунктов, при этом за Дж. Байдена проголосовали 57% женщин и 45% мужчин.

ПЛАН ДЖ. БАЙДЕНА – К. ХАРРИС: ПОБЕДИТЬ *COVID-19*

Ко дню инаугурации президента Дж. Байдена, 20 января 2021 г., число жертв коронавируса *COVID-19* достигло угрожающих размеров. Проблемы здравоохранения и борьбы с пандемией – в приоритетах 46-го президента США. Они как в президентском марафоне, так и в период первых ста дней правления новой демократической администрации – главный пункт в повестке. Уже к этому времени был разработан план действий новой администрации в этой «кричащей сфере» по борьбе с пандемией, включая 12 первоначальных исполнительных мер, принятых президентом Дж. Байденом в следующие два дня его пребывания в должности.

В документе под названием «Президент Джозеф З. Байден. Национальная стратегия реагирования на *COVID-19* и готовности к пандемии» (*National Strategy for the COVID-19 Response and Pandemic Preparedness*), опубликованном 21 января 2021 г., на следующий день после инаугурации нового президента, сказано о том, что американский народ «заслуживает срочного, надёжного и профессионального ответа на растущий кризис общественного здравоохранения и экономического кризис, вызванный вспышкой коронавируса *COVID-19*» [15]. В нём подчёркивается «необходимость быстрого реагирования» со стороны федерального правительства для защиты и поддержки семей, малого бизнеса, американцев, оказывающих первую помощь и обеспечивающих уход, и более широких кругов американского населения. Защита требуется для тех, чьё здоровье наиболее уязвимо перед лицом пандемии и её экономических последствий. В документе содержится призыв «не обвинять других и не спасать корпорации».

Президент Дж. Байден и вице-президент К. Харрис предложили план из семи пунктов по борьбе с *COVID-19*, среди которых: обеспечение всем американцам доступа к регулярному, надёжному и бесплатному тестированию, увеличение в 2 раза числа центров тестирования, инвестиции в тестирование следующего поколения, включая домашние тесты и мгновенные тесты. В документе содержится указание относительно создания Совета по мониторингу пандемии (подобно тому, как работал Совет по военному производству при президенте Ф.Д. Рузвельте), что позволит производить и распространять десятки миллионов тестов. Важно в полной мере использовать закон об оборонном производстве для наращивания выпуска масок, защитных экранов и других средств индивидуальной защиты, чтобы национальные поставки таких средств превышали спрос, а склады и запасы – особенно в сильно пострадавших районах, которые обслуживают непропорционально уязвимые группы населения, – были полностью пополнены.

Предусматривается создание Корпуса рабочих мест в общественном здравоохранении США для мобилизации не менее 100 тысяч американцев по всей стране при поддержке надёжных местных организаций в сообществах, наиболее подверженных риску, для применения компетентных подходов к отслеживанию контактов и защите групп риска. Поставлена задача справиться с нехваткой средств индивидуальной защиты, в связи с чем президент возлагал на себя ответственность за обеспечение штатов, городов, племён необходимыми им материалами. Имелось в виду немедленное создание будущих гибких производственных мощностей в США, чтобы гарантировать независимость от других стран в условиях кризиса [15]. Подчёркивалась необходимость предоставлять чёткие, последовательные, основанные на фактических данных рекомендации о том, как сообществам следует преодолевать пандемию.

Предполагается, что президент Дж. Байден даст указание центрам по контролю над заболеваемостью (*The Control Disease Center – CDC*) предоставить конкретные, основанные на фактах рекомендации о критериях уровней риска и степени распространения коронавируса, в том числе о сроке и порядке введения определённых мер, направленных на предотвращение распространения *COVID-19*. Речь шла и о том, когда следует закрывать или открывать бары, рестораны и другие места массового пользования; открывать или закрывать школы; какие шаги учебные заведения должны предпринять для безопасности пребывания в помещениях; а также о соответствующих ограничениях на проведение собраний, о введении режима пребывания дома.

Предписано создание возобновляемого фонда для правительств штатов и местных органов власти для помощи в предотвращении дефицита бюджета, который может привести к резкому сокращению числа учителей, а также служб экстренного реагирования. Президент призывает Конгресс США принять пакет мер неотложной помощи, чтобы обеспечить школы дополнительными ресурсами, необходимыми для эффективной борьбы с *COVID-19*, а также предоставить «пакет перезапуска», который поможет малым предприятиям покрыть расходы на безопасную работу, включая использование средств индивидуальной защиты. В документе подчёркнута необходимость планирования эффективного и справедливого распределения лекарств и вакцин. Предусмотрено инвестировать 25 млрд. долл. в план производства и распространения вакцины, который гарантирует, что вакцина будет бесплатно доставлена каждому американцу [15].

Администрация Дж. Байдена намерена руководствоваться тремя принципами: возложить ответственность за все решения по безопасности и эффективности на учёных; обнародовать клинические данные для любой вакцины, одобренной *FDA*; разрешить профессиональным сотрудникам предоставлять письменный отчёт для открытого рассмотрения, включая разрешение им свидетельствовать в Конгрессе и выступать публично без цензуры.

В документе говорится о гарантиях для всех, а «не только для богатых и имеющих связи в Америке» получить «защиту и заботу». Важно также, чтобы уровень цен для потребителей не завышался, когда на рынке появляются новые лекарства и методы лечения.

Предусмотрено создание Целевой группы по борьбе с расовым и этническим неравенством по COVID-19, как предложено вице-президентом К. Харрис, для предоставления рекомендаций и надзора за неравенством в сфере общественного здравоохранения и экономических ответных мер. По окончании кризиса в области здравоохранения она будет преобразована в постоянную Целевую группу по инфекционным заболеваниям и расовым различиям.

Создаётся также общенациональная информационная панель мониторинга заболевания COVID-19, содержащая цифры и факты для оценки ситуации в режиме реального времени. Предусмотрено восстановление и расширение защиты для прогресса, предотвращения и смягчения угроз пандемии, в том числе исходящих из Китая. В этом ряду немедленному восстановлению подлежит Управление по глобальной безопасности здравоохранения и биозащите Совета национальной безопасности Белого дома, первоначально созданного при администрации Б. Обамы – Дж. Байдена.

Возобновляются отношения со Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), имеющие важное значение для координации глобальных ответных мер во время пандемии. Повторно запускается и усиливается программа отслеживания патогенов Агентства США по международному развитию (под названием PREDICT), увеличивается число развёрнутых пунктов центров по контролю над заболеваемостью, включая восстановление офиса в Пекине. Предусмотрено проведение работы с губернаторами и мэрами для выполнения требований по использованию защитных средств по всей стране. Это означает, что каждый американец должен носить маску, когда находится рядом с людьми вне дома, а каждый губернатор должен сделать эту меру обязательной в своём штате. Следует позаботиться после преодоления пандемии о гарантии для миллионов американцев, страдающих от долгосрочных побочных эффектов от коронавирусной инфекции, чтобы они не столкнулись с повышением страховых взносов или отказом в медицинском страховании из-за пандемии.

В соответствии со своей предвыборной программой, президент Дж. Байден планировал «укрепить закон “О доступном здравоохранении” 2010 г.» (*Affordable Care Act, 2010*) после того, как его предшественник Д. Трамп в течение всего срока пребывания у власти пытался (также в соответствии со своими предвыборными обещаниями) ликвидировать закон, известный как «Обамакэр» (*Obamacare*). Администрация Дж. Байдена будет работать над обеспечением защиты тех, у кого уже есть страховые условия, которые были выиграны с помощью программы снижения затрат на здравоохранение и расширения доступа к качественному и доступному медицинскому обслуживанию с помощью государственного варианта, аналогичного программе «Медикэр» (*Medicare*).

ПЕРВОСТЕПЕННЫЕ ДЕЛА ПРЕЗИДЕНТА ДЖ. БАЙДЕНА

Что сделано за первые месяцы правления администрации президента Дж. Байдена? Известно, что проблемы здравоохранения и преодоления пандемии занимают приоритетное место в списке неотложных дел 46-го президента США.

Страна начала распространять вакцины, продвигаясь медленнее, чем ожидалось, поскольку пришлось столкнуться с логистическими проблемами [16].

2 марта 2021 г. президент заявил о том, что в стране будет достаточно доз вакцины для каждого взрослого американца к концу мая текущего года, то есть на два месяца раньше, чем ранее прогнозировалось. По сообщениям средств массовой информации 6 марта 2021 г., «рекордное число американцев» (почти 3 млн человек) были вакцинированы, в стране в среднем ежедневно вводится более 2 млн доз. События по борьбе с пандемией разворачивались нарастающими темпами. Через два дня (8 марта 2021 г.) центры по контролю над заболеваемостью выпустили руководство для вакцинированных людей: пожилые родственники наконец смогли встречаться. 10 марта 2021 г. Конгресс США принял законопроект о помощи в связи с пандемией на сумму 1,9 трлн долл. и отправил его президенту Дж. Байдену, который подписал закон «О новом коронавирусном спасении» (*The American Rescue Act*) [17]. Закон обеспечивает многим американцам чеки на сумму 1400 долл., увеличивает выплаты по безработице, а также вводит ряд других программ в попытке вытащить страну из кризисного экономического тупика [Шведова Н.А., 2021].

В ходе реализации планов возникают непредвиденные проблемы. В частности, закон гарантирует, что вакцина бесплатна, независимо от страхового статуса. Однако некоторые американцы стали получать «сюрприз» по почте – счёт за вакцинацию против COVID-19 на сумму 34 долл. за введение вакцины, что вызвало явное недовольство среди населения.

Опросы «Си-би-эс» (*CBS YouGov*) (9–10 марта 2021 г.) фиксировали значительный уровень поддержки, которым пользуется президент Дж. Байден. На вопрос: «Вы одобряете работу Дж. Байдена в качестве президента?» – 60% респондентов дали положительный ответ, а 40% – отрицательный. Однако уровень оппозиции остаётся также немалым и постоянным: 40–45% избирателей, подавляющее большинство из которых – сторонники Д. Трампа, а не Дж. Байдена. На этом этапе своего президентства Б. Обама пользовался бóльшим признанием; в то же время Д. Трамп был существенно менее популярен [18].

В перечне заметных дел администрации Дж. Байдена в русле выполнения предвыборных обещаний – создание Совета по гендерной политике в Белом доме. Подобное подразделение существовало при администрации Б. Обамы – Дж. Байдена [Шведова Н.А., 2021]. Президент Дж. Байден обещал приложить усилия для продвижения многострадальной Поправки о равных правах (*The Equal Right Amendment - ERA*), история борьбы за которую насчитывает не одно десятилетие, тем более что Дж. Байден был одним из инициаторов этого законопроекта девять раз. Поправка нужна американским женщинам, активным её сторонницам, потому что такой законодательный акт раз и навсегда чётко закрепит права женщин в Конституции США. После того, как штат Вирджиния стал 38-м, который поддержал Поправку о равных правах (что означает необходимые 2/3 штатов для ратификации поправки), дело остается за Конгрессом США, где законопроект находится в ожидании своего решения. Став частью Конституции, поправка будет указывать, что любая дискриминация в отношении женщин является неконсти-

туционной. Кроме того, остаётся задачей нератифицированная Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Некоторые американские эксперты, оценивая профиль Дж. Байдена по истечении нескольких месяцев на посту президента США, отмечают «резкую смену» его позиции в контексте идеологической ориентации. Их аргументы таковы: ранее Дж. Байден «был знаменосцем центристской политики “третьего пути”, которая насмехалась над классовыми войнами и вступала в союз с Уолл-стрит», «стоял за восстановлением после финансового кризиса, которое, по мнению критиков, было неадекватным и повысило интересы богатых и корпораций над интересами большинства американцев» [19]. Однако в настоящее время, после принятия Конгрессом США плана в объёме 1,9 трлн долл. для преодоления пандемии в стране, Дж. Байден представил ещё более масштабный план (возможно, 4 трлн долл. в течение следующего десятилетия) для высшего законодательного органа страны, нацеленный на «капитальный ремонт инфраструктуры, создание миллионов новых рабочих мест и выравнивание экономики с учётом необходимости изменения климата». Сам новый президент охарактеризовал эти проекты так: «Инвестиции, которые делаются раз в поколение в Америке, не похожие ни на что из того, что мы видели или делали с тех пор, как построили систему межштатных автомагистралей» [19].

Очевидно, что пандемия продемонстрировала и для самых либеральных правительств необходимость укреплять систему «социальной защиты» и отказаться от «старых страхов по поводу дефицита и укоренившихся предубеждений в отношении жёсткой экономии». Как не без оснований утверждают некоторые эксперты, американская экономика за последние четыре десятилетия была «гораздо более жестокой и неравноправной, чем это нужно либо сверхбогатым капиталистам, либо богатым жителям пригородов». Между тем сокращение неравенства в обществе имеет важное значение для социальной сплочённости [19].

Вместе с тем, в США предрекают «тяжёлую борьбу» в Конгрессе США, где позициям Дж. Байдена противостоят не только республиканцы, но и умеренные демократы, которые опасаются растущего дефицита бюджета США и возможности роста инфляционного давления. Они расценивают шаги новой администрации как «левые» жесты в сторону модернизации для преодоления неравенства, протесты против которого «обрели токсичный всплеск в последнем президентском избирательном цикле». Некоторые эксперты и политики сравнивают намерения Дж. Байдена с «Новым курсом» Франклина Д. Рузвельта, другие же – с программой «Великого общества» Линдона Джонсона [20]. Следует упомянуть также, что бюджетный план Дж. Байдена предусматривает значительное увеличение финансирования здравоохранения, образования, мер по защите окружающей среды. В его предложении, не относящемся к обороне, дискреционные расходы увеличатся примерно на 16%, в то время как военный бюджет останется практически неизменным [21].

Результаты опроса «Службы Гэллапа», проведённого в начале апреля 2021 г., как представляется, не случайно фиксируют преимущество демократов в девять процентных пунктов (49% против 40%) – самое большое, которое служба зафиксировала с конца 2012 г. – взрослых американцев, которые отождествляют себя с Демократической партией (ранее оно не превышало 4–6 процентных пунктов) [22]. Очевидно, не следует абсолютизировать «градус» популярности Демократической партии, однако заметен некоторый крен к позитивной реакции на первые шаги новой администрации.

Американские исследователи справедливо отмечают «драматические социальные изменения во власти женщин», вызванные поражением Хиллари Клинтон на президентских выборах 2016 г.: на выборах 2018 г. женщины-демократки, особенно из различных расовых и этнических групп, были избраны в рекордном количестве [23]. Страна стала свидетелем всплеска активности женского движения, подъёма движения «Я тоже» (*#MeToo*) и резкого увеличения числа женщин, баллотирующихся на посты. В частности, на выборах 2020 г. «рекордное количество женщин и цветных американцев соперничали за выдвижение в президенты от Демократической партии» [24]. Похоже, что американские женщины усвоили истину, как подчёркивает А. Гутерриш, генеральный секретарь ООН, что гендерное равенство – это, по сути, вопрос власти, и что «равная власть не возникнет сама по себе» [25]. Хотя представительство американских женщин в высших эшелонах власти, несомненно, увеличивается, однако сегодня его трудно квалифицировать как паритетное. Поэтому американки считают, что им место «за каждым столом», где принимаются решения об их судьбах. Осознание этого мотивирует продолжение их активного политического вовлечения на всех уровнях государственной власти. Политическая активность женщин США не снижается, а, напротив, усиливается и ширится за счёт импульсов, идущих от региональных уровней, на которых представленность американок, в частности в легислатурах штатов, демонстрирует тенденцию к заметному росту в каждом избирательном цикле.

Очевидно, что женский электорат в своём большинстве, поддержав демократического кандидата на пост главы государства, в значительной степени обеспечил его победу. Новая администрация Дж. Байдена проявляет зримую волю «платить по векселям», стремясь реализовывать требования американских женщин, которые они выдвигали в период избирательной кампании. 2020 год ознаменовался историческим избранием вице-президента Камалы Харрис в качестве первой женщины, первой чернокожей и первой представительницы южноазиатского сообщества на пост вице-президента. Выбор кандидатуры К. Харрис на пост вице-президента символизировал готовность Демократической партии заключать социальный контракт на тесное сотрудничество с женским и цветным электоратом.

При этом американская политическая система, как представляется, проявляет себя как достаточно сейсмически устойчивая, несмотря на жёсткую поляризацию предпочтений электората, которую продемонстрировали, в частности, выборы 2020 г., что происходит не впервые в истории США. События 6 января 2021 г. – «выброс» в общество зревшего не один год противоречивого и контрастирующего

неудовольствия сложившимся положением в стране, вскрыли и продемонстрировали достаточно высокий градус напряжённости в расколовшемся обществе.

Тот факт, что коллективная правящая элита в критический момент заняла сторону Дж. Байдена, демократического кандидата, отражает совокупное неприятие и осуждение посягательств на устоявшиеся принципиальные основы политической властной структуры государства. Работающей системе не чужды просчёты и ошибки в принятии тактических решений. Более того, они – «нормальное явление» в контексте текущего политического процесса, в рамках которого происходит постоянная борьба за освоение и овладение большего властного пространства, время от времени чреватого резким колебанием маятника, нарушающего политическое равновесие интересов. Но, когда речь идёт о выживаемости и сохранении целостности политической системы, отражённых в индивидуальности американской демократии, здесь предъявлено свидетельство приверженности незыблемым основам американской демократической системы, её институтам, принципам и механизмам, которые придают ей гибкость и, поэтому, устойчивость.

За счёт чего создаётся эта устойчивость? Встроенные системные принципы – *“in pluribus – unum”* (в многообразии – едины) и *“check and balance”* (сдержки и противовесы) – способствуют достижению эффективного, работающего компромисса, который удовлетворяет разнообразные групповые интересы многоликого, мозаичного, активного американского общества. Иными словами, разделение властей, мирный переход власти в рамках избирательного процесса, верховенство закона, Конституции США, являют собой «священную корову», на защиту которой призывает инстинкт самосохранения политической системы США.

Реальное разделение властей объективно не позволяет монополизировать и сконцентрировать власть в одном источнике, побуждает к выработке корректирующих программ и политик для различных групп и интересов, чтобы не допустить резких перекосов в пользу одного или чрезмерно узкого круга центров власти. Политическая конкуренция легитимными способами и методами включает новых политических субъектов, востребованных новыми возникающими требованиями на политическом поле, что не позволяет пустить глубокие корни застою и способствует развитию страны в целом.

ИСТОЧНИКИ

1. Declaration for American Democracy, “Home”, Cassidy, “Democrats make federal election standards a top priority”. Available at: <https://dfadcoalition.org/> (accessed 02.03.2021).
2. Sozan Michael. Momentum Grows for Bold Democracy Reform. Available at: <https://www.americanprogress.org/issues/democracy/reports/2021/02/10/495607/momentum-grows-bold-democracy-reform/> (accessed 11.02.2021).
3. Statement: Senate Takes Up Sweeping Democracy Reform to Return Power to the People. Available at: <https://www.americanprogress.org/press/statement/2021/03/17/497250/statement-senate-takes-sweeping-democracy-reform-return-power-people/> (accessed 18.03.2021).
4. Tausanovitch Alex, Danielle Root, and Michael Sozan, “The Need for a White House Office of Democracy Reform,” Center for American Progress, January 15, 2021. Available at: <https://www.americanprogress.org/issues/democracy/news/2021/01/15/494735/need-white-house-office-democracy-reform/> (accessed 06.02.2021).

5. Rattner Nate. Biden's inaugural address used the word 'democracy' more than any other President's. CNBC, January 21, 2021. Available at: <https://www.cnn.com/2021/01/20/bidens-inaugural-address-used-the-word-democracy-more-than-any-other-presidents.html> (accessed 21.01.2021).
6. Kelly Caroline. "Biden: No family members will be involved in any government decisions". CNN, February 3, 2021. Available at: <https://www.cnn.com/2021/02/03/politics/biden-people-magazine-family-members-government/index.html>. (accessed 04.02.2021).
7. The Transition. Restoring American Leadership. Available at: <https://mail.yandex.ru/re.jsx?uid=250516822&c=LIZA&cv=23.15.1&mid=174514485560727208&h=a,heDuNnL9mNtrkNFjLwW2Wg&l=aHR0cDovL3IyMC5yczYubmV0L3RuLmpzcD9mPTAwM> (accessed 16.02.2021).
8. Health Team Nominees & Appointees Remarks as Prepared for Delivery. Available at: <https://buildbackbetter.gov/speeches/health-team-nominees-appointees-remarks-as-prepared-for-delivery/> (accessed 05.02.2021).
9. Biden-Harris Administration (2021). Available at: https://cawp.rutgers.edu/levels_of_office/high-level-presidential-appointments (accessed 03.02.2021).
10. Women Appointed to Presidential Cabinets. Available at: <https://cawp.rutgers.edu/sites/default/files/resources/womenapptdtoprescabinets.pdf> (accessed 26.03.2020).
11. The Biden Agenda for Women. Available at: <https://joebiden.com/womens-agenda/> (accessed 16.04.2020).
12. Lisotte Mary-Kate. Here's how the gender gap in presidential politics breaks down by issue. Available at: <https://templepress.wordpress.com/2020/03/11/heres-how-the-gender-gap-in-presidential-politics-breaks-down-by-issue/> (accessed 12.03.2021).
13. Gothreau Claire. Everything You Need to Know About the Gender Gap. Available at: <https://cawp.rutgers.edu/election-analysis/everything-you-need-know-about-gender-gap> (accessed 08.12.2020).
14. Cassese Erin C., Farhart Christina E., Miller Joanne M. (2021) Gender Differences in COVID-19 Conspiracy Theory Beliefs. Available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/politics-and-gender/article/gender-differences-in-covid19-conspiracy-theory-beliefs/11E1C0AA1837CFA7E3926F5E9AF30782> (accessed 03.04.2021).
15. President Joseph R. Biden Jr. National Strategy for the COVID-19 Response and Pandemic Preparedness, January 21, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/01/National-Strategy-for-the-COVID-19-Response-and-Pandemic-Preparedness.pdf> (accessed 24.01.2021).
16. Cunningham Paige Winfield and Alexandra Ellerbeck. Biden will reopen Healthcare.gov for buying insurance plans. Available at: <https://www.washingtonpost.com/politics/2021/01/26/health-202-biden-will-reopen-healthcaregov-buying-insurance-plans/> (accessed 27.01.2021).
17. Konish Lorie. The Senate passed Biden's \$1.9 trillion stimulus bill - here's what's next Here's who qualifies for the money. Available at: <https://www.cnn.com/2021/03/06/the-senate-passes-biden-stimulus-whats-next.html> (accessed 07.03.2021).
18. CBS News Poll. March 9-10, 2021. Adults in the U.S. Available at: https://drive.google.com/file/d/1BFqjJHsQvM1C9d_2oygm8rF9IL4BU6E/view?wpisrc=nl_thetraileir (accessed 02.04.2021).
19. Tharoor Ishaan and Mullen Ruby. Biden and the waning of the 'neoliberal' era. Available at: https://www.washingtonpost.com/world/2021/04/05/biden-infrastructure-plan-eoliberalism/?utm_campaign=wp_todays_worldview&utm_medium=email&utm_source=newsletter&w

pisrc=nl_todayworld&carta-url=https%3A%2F%2Fs2.washingtonpost.com%2Fcar-ln-tr%2F31aa202%2F606a8a469d2fda1e56e2cf6c%2F5a65fb819bbc0f26cb686775%2F13%2F77%2F606a8a469d2fda1e56e2cf6c (accessed 06.04.2021).

20. Hutton Will. With Joe Biden's own audacious New Deal, the democratic left rediscovers its soul. Available at: https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/apr/04/with-joe-bidens-own-audacious-new-deal-the-democratic-left-rediscovers-its-soul?utm_campaign=wp_todays_worldview&utm_medium=email&utm_source=newsletter&wpisrc=nl_todayworld (accessed 05.04.2021).

21. Romm Tony. Biden budget plan seeks major funding hikes for health care, education, environment. Available at: <https://www.washingtonpost.com/> (accessed 04.04.2021).

22. Jones Jeffrey M. Quarterly Gap in Party Affiliation Largest Since 2012. Available at: https://news.gallup.com/poll/343976/quarterly-gap-party-affiliation-largest-2012.aspx?utm_source=alert&utm_medium=email&utm_content=morelink&utm_campaign=syndication (accessed 17.04.2021).

23. Conroy M. (2018). At Least 123 Women Will Be in The Next Congress. Just 19 Are Republicans. *Five Thirty Eight*. Available at: <https://fivethirtyeight.com/features/at-least-123-women-are-headed-to-congress-just-19-are-republicans/> (accessed: 18.02.2021).

24. Aronson P., Oldham L. and Lucas E. Gender Self-Presentations in the 2020 U.S. Elections. *Journal of Cultural Analysis and Social Change*. 2020. Available at: <https://doi.org/10.20897/jcasc/8379> (accessed: 17.11.2020).

25. Lack of women in key decision-making 'should not be allowed' – UN Women chief. 08.03.2021. Available at: <https://news.un.org/en/story/2021/03/1086702> (accessed 08.03.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Шведова Н.А. 2021. 100 дней администрации Дж. Байдена: обещания и реальность // Россия и Америка в XXI веке. 2021. №1 (accessed 14.04.2021).

REFERENCES

Shvedova N.A. 2021. 100 days of J. Biden's Administration: Promises and Reality // Russia and America in the 21st Century. 2021. No. 1 [In Russ.] (accessed 14.04.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ШВЕДОВА Надежда Александровна, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра социально-политических исследований Института США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулок, дом 2/3.

SHVEDOVA Nadezda Alexandrovna, Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Researcher, Head of the Center of Socio-Political Studies, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN). 2/3, Khlebny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 15.04.2021

Поступила после рецензирования / Revised 22.04.2021

Принята к публикации / Accepted 29.04.2021

УДК 330.341.2.

JEL: D4, D47, D42, I28, L12, L22, L4

DOI: 10.31857/S268667300015218-9

Антимонопольная политика в XXI веке: ответ США на вызовы цифровой экономики

Н.М. Розанова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ)*

Российская Федерация, 109028 Москва, Покровский бульвар, 11

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3660-0625> e-mail: nrozanova@hse.ru

Резюме: В статье на основе обобщения американских исследований анализируются тенденции антимонопольной политики США, проявляющиеся в XXI веке в ответ на вызовы, которые ставит перед экономикой и государством цифровая реальность. Речь идёт о том, что многие традиционные инструменты политики поддержки конкуренции не работают в новых условиях, антимонопольное регулирование нуждается в новых подходах и концепциях. Опыт США показывает, каким образом меняются представления антимонопольных органов о релевантном рынке, доминирующей фирме, злоупотреблениях рыночной властью, конкурентных и монопольных эффектах, о соотношении инновации и рыночной власти в цифровой экономике. Новая парадигма антимонопольной политики – исследование условий доминирования, анализ результата поведения фирмы, а не структуры рынка как таковой. Намечается переход от структурного подхода к поведенческому, к условным, а не абсолютным монопольным эффектам, так что антимонопольный орган из карающего инструмента трансформируется в консультанта и координатора развития конкуренции.

Ключевые слова: монополия, конкуренция, монопольные эффекты, рыночная власть, антимонопольная политика, политика поддержки конкуренции, цифровая экономика

Для цитирования: Розанова Н.М. Антимонопольная политика в XXI веке: ответ США на вызовы цифровой экономики *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2021; 51 (6):37–49. DOI: 10.31857/S268667300015218-9

Antimonopoly Policy in the 21st Century: US Response to the Challenges of the Digital Economy

Nadezhda M. Rozanova

National Research University "Higher School of Economics" (HSE University)

11, Pokrovsky blvd., 109028 Moscow, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3660-0625> e-mail: nrozanova@hse.ru

Abstract: The article analyses the latest U.S. research papers in the area of antitrust policy. The key trends and global challenges for U.S. antimonopoly policy in digital economy are provided. Many traditional instruments of competition policy have turned out to be outdated in digital economy. Antitrust regulation needs to be revisited. The U.S. experience that is consid-

ered in the article outlines new topics in this sphere, namely: definition of relevant product market; dominant firm position; abuses of digital market power; competition and monopoly effects in online interactions; innovation and market power under digitalization. A new paradigm in the U.S. antimonopoly policy, that is, investigation of firms' behaviour instead of pure market structure, is considered. The antitrust regulation in the USA is under transformation from a whipping tool into a coordination consultant aimed at development of fair competition under real and virtual rivalry.

Keywords: monopoly, competition, monopoly effects, market power, antitrust policy, digital economy

For citation: Rozanova N.M. Antimonopoly Policy in the 21st Century: The USA Challenge in a Digital World. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2021; 51 (6): 37-49. DOI: 10.31857/S268667300015218-9

ВВЕДЕНИЕ

С момента возникновения интереса государства к регулированию отраслевых рынков Соединённые Штаты находились в передовых рядах борцов с монополизмом. Именно в США в конце XIX – начале XX века были приняты первые антимонопольные законы: Акт Шермана 1890 г. (*Sherman Act*) и Акт Клейтона 1914 г. (*Clayton Antitrust Act*). Именно США в 1960-х годах первыми отказались от жёсткого подхода к антитрестовским делам, сменив метод «буквы закона» на практику «духа закона». Именно США в конце XX века первыми предложили распространять действие политики поддержки конкуренции на глобальные цифровые явления. Что отличает сегодня антимонопольную политику Соединённых Штатов? Какие новые тенденции можно проследить в этой сфере? Обобщение американских исследований монопольных эффектов и антитрестовского регулирования в XXI веке позволяет говорить о формировании новой модели антимонопольной политики в США, отдельные элементы которой могут быть полезны российским специалистам.

РЫНОЧНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

XXI век кардинальным образом меняет наше представление о традиционных основах экономики. Масштабная цифровизация стирает грань между крупными и мелкими компаниями, устраняет одни монопольные формы и порождает другие, стимулирует такие форматы конкурентного и монополистического поведения, которые не получили ещё адекватного отражения в конкурентном законодательстве.

Повсеместное распространение цифровых технологий вносит существенные модификации в рыночные взаимодействия. Как считают исследователи [Karpow L., 2015], во многих случаях осуществление традиционной антимонопольной политики в цифровом мире приводит к худшему результату для потребителей и общественного благосостояния, чем рыночная власть отдельных фирм.

Во-первых, речь идёт о том, что цифровая реальность заставляет пересматривать многие, ранее казавшиеся незыблемыми, представления о **рынке и рыночной власти** фирм.

Что такое *рынок* в цифровой экономике? Цифровые услуги и продукция в сетевом формате очень тесно переплетаются друг с другом, так что сложно установить, где заканчивается один товар и начинается другой. Многие поставщики предоставляют клиентам целый комплекс цифровых продуктов, совокупный пакет цифровых услуг. Пакетность цифрового товара может скрывать монопольные эффекты в виде более высокой цены за отдельные услуги, отказаться от которых либо невозможно, либо нежелательно [Feld H., 2020].

Традиционный критерий товаров-субститутов здесь не работает, поскольку элементы комплексного цифрового продукта не являются взаимозаменяемыми, а рассматриваются как неделимые характеристики единого пакета, хотя и могут предоставляться различными компаниями. Соперничество фирм идёт не в отношении товара или услуги, а по поводу всего товарного набора. Провайдеры инфраструктурных услуг (агрегаторы, транспортные компании, поставщики товаров для электронной торговли, платформенные посредники) обретают громадную власть над партнёрами.

Распространённость информационно-коммуникационных технологий позволяет компаниям объединять производства далеко за пределами традиционных отраслей, формируя *сетевые экосистемы* самого разнообразного типа. Примером могут служить госпитали США, которые функционируют не сами по себе, а как части разветвлённой медицинской экосистемы [Hsieh C., Rossi-Hansberg E., 2019].

Активность экосистем приводит к тому, что участие в глобальной цепочке создания стоимости могут принять и крупные, и мелкие фирмы, формально относящиеся к прежде разным товарным рынкам, но действующие теперь в одном и том же продуктовом кластере. Инвестиции в компьютерное оборудование и ИТ-системы способствуют вертикальной рыночной власти компании-поставщика (или интегратора) на основе факторов специфичности активов в глобальном масштабе [Pattnayak S., Chadha A., 2019].

Во-вторых, акцент делается не на изучении рыночной власти как таковой (которая сама по себе может и не быть антиконкурентной), а на **каналах влияния**, через которые рыночная власть может оказывать воздействие на решения, которые принимают другие фирмы рынка [Karlów L., 2015].

Сегодня антимонопольное законодательство по-разному трактует антиконкурентное поведение на традиционных односторонних рынках и двухсторонних рынках. Как считает американский экономист Д. Карлтон, мы имеем дело с весьма нечётким юридическим и неясным экономическим определением того, что же представляет собой двухсторонний рынок [Carlton D., 2019: 13]. Вопрос многосторонности рынка – это вопрос величины трансакционных издержек. В условиях цифровизации любой рынок трансформируется из традиционного взаимодействия продавца и покупателя в платформенную структуру с важной, если и не ключевой, ролью цифровой платформы-посредника. Платформа сокращает

транзакционные издержки (ТАИ) для участников рынка, особенно в условиях асимметричной информации и высоких рисков недобросовестного поведения контрагента. Чем больше величина ТАИ, тем важнее роль платформы – посредника, тем быстрее рынок перейдет в формат многостороннего взаимодействия.

Пересмотру подлежит **определение рыночной власти**. Как оценить степень воздействия компании на рынок, если традиционные индикаторы не работают в цифровой экономике? В США наблюдается переход от антимонопольного анализа, основанного на оценке рыночной доли компаний (традиционный показатель концентрации и рыночной власти) к оценке влияния той или иной сделки непосредственно на цены для покупателя [Малых С., 2019].

Проводится анализ **условий** деструктивности факторов рыночной власти компаний. Рыночная власть плоха или хороша не сама по себе, а в *контексте*, при исследовании всех сопутствующих параметров. Например, вопрос совместной собственности и аффилированных собственников вызывает споры среди экономистов [Vives X., 2019; Azar J., Schmalz M., Tecu I., 2018; He J., Huang J., 2017]. Перекрёстное владение может оказать и разрушительное (негативное), и конструктивное (положительное) воздействие на инновации и благосостояние потребителей.

Совместная собственность компаний улучшает информационный обмен, способствует более глубокой коллаборации фирм, повышает эффективность совместного управления бизнесом за счёт лучшего использования эффекта масштаба, более тщательного мониторинга активности всех участников; стимулирует компании сокращать затраты и устраняет дублирование инновационных усилий. С другой стороны, совместная собственность, перекрёстное владение акциями и аффилированность повышают не только прибыльность, но и уровень концентрации в отрасли, создают доминирование отдельных компаний на рынке, что может сопровождаться высокими ценами и низкими объемами как части монопольных эффектов. Что окажет более сильное влияние на благосостояние потребителей: ослабление конкуренции или инновационное снижение издержек – это вопрос дискуссионный и подлежит рассмотрению на основе конкретных экономических условий.

В-третьих, наблюдается смена парадигмы в подходах к анализу **концентрации**. XXI век демонстрирует тенденцию к росту концентрации в экономиках развитых стран. В экономике США доля крупнейших фирм в занятости выросла с 67,0% в 1997 г. до 72,4% в 2013 г. [Hsieh C., Rossi-Hansberg E., 2019: 7]. Причины такого явления вызывают жаростные споры среди экономистов. Одни [Loecker J., Eeckhout J., Unger G., 2018; Decker R., Haltiwanger J., Jarmin R., Miranda J., 2017] полагают, что дело здесь в увеличении рыночной власти крупных технологических компаний и ослаблении антимонопольной политики государства. Другие [Hopenhayn H., Neira J., Singhania R., 2018; Syverson C., 2019; Edmond C., Midrigan V., Xu D., 2019] считают, что это – естественный результат развития ИКТ, на котором базируется рост совокупной факторной производительности капитала и труда. Возросшая концентрация – это результат технологических, а

не институциональных причин, и потому не может вызывать озабоченности со стороны органов государственного регулирования.

Исследователи приходят к выводу о том, что рост концентрации на рынке не обязательно означает снижение конкуренции. Антиконтентное поведение следует рассматривать не на основе показателей концентрации, а с точки зрения наличия и величины ущерба для потребителей, поставщиков и конкурентов [Shapiro C., 2019].

Как считает С. Шапиро [Shapiro C., 2018], жёсткость или мягкость антитрестовской политики должна зависеть от того, каков сам **механизм** роста концентрации на рынке. Если увеличение концентрации происходит за счёт реорганизации структуры рынка на основе слияний и поглощений, то это – антиконкурентные действия, которые должны быть подвергнуты самому тщательному анализу со стороны антимонопольных органов. Если же речь идёт о внутреннем росте компании, которая добивается более высокой доли на рынке за счёт технологических инноваций, снижения издержек, повышения управленческой эффективности, то такая активность находится в русле конкурентного формата, не наносит вред потребителям и может быть одобрена государством.

Высококонцентрированные рынки создают проблемы не только для антимонопольной политики, но и для корпоративного управления. Эмпирическое исследование рынков США [Diri M., Lambrinoudakis C., Alhadab M., 2020] показало, что фирмы на концентрированных рынках чаще используют бухгалтерский учёт нарастающим итогом (*accrual accounting*), а не по факту получения дохода (*real earnings management*), что позволяет корпорациям чаще прибегать к бухгалтерским манипуляциям на грани должностной халатности (как минимум) и должностного преступления (как максимум). На концентрированных рынках, где фирмы обладают высокой рыночной властью, меньше вероятность того, что какой-либо участник будет предоставлять инвесторам полностью достоверную информацию о своей деятельности, с которой можно сравнивать другие компании. Здесь меньше стимулов к распространению адекватной информации для привлечения капитала и снижения капитальных затрат.

В конце 1990-х годов компания «Майкрософт» (*Microsoft*) применяла механизм «копилки» (*cookie jar*) в бухгалтерском учёте, который позволял с помощью финансовых резервов нивелировать прибыли от года к году так, чтобы получить стабильную динамику доходности с течением времени. «Гугл» (*Google*) манипулировала своими бухгалтерскими счетами, переводя доходы в налоговые «табачники» для уменьшения общей величины налогов. «Кока-кола» (*Coca Cola*) в начале 2000-х годов дала завышенные сведения о своих активах на величину в 9 млн долл. Финансовый контролер «Пепси кола» (*Pepsi Co.*) нашёл фиктивные счета о продажах на сумму 8,7 млн долл. за период с 1998 по 2009 гг. [Diri M., Lambrinoudakis C., Alhadab M., 2020: 291].

Сопровождающая высокую концентрацию асимметрия информации, в том числе за счёт стратегии создания информационного «шума», затрудняет проведение проверки реальной активности корпорации и мониторинга реальной де-

тельности её менеджеров. Это создаёт почву для злоупотреблений со стороны управляющего состава компаний (без большого риска для их карьеры) и увеличивают власть менеджеров в принятии корпоративных решений. Агентские проблемы усугубляются при высокой концентрации рынка. Таким образом, не только потребители, но и акционеры заинтересованы в эффективной государственной политике поддержки конкуренции.

В-четвёртых, изменяется понятие **доминирования** фирмы на рынке. Более маленькая, но ключевая доля фирмы, может привести к реальному доминированию на рынке. Необходимо применять не только формальные количественные критерии рыночной доли, но и реальное воздействие компании на рынок, на параметры рыночного пространства.

Экономисты полагают, что правила антимонопольной политики XX века ведут к антиконкурентным результатам в XXI веке [Konig K., Yankelevich A., 2018]. Примером может служить принцип сетевой нейтральности, которому пока ещё следуют антимонопольные органы. Принцип сетевого нейтралитета означает, что провайдеры сетевых услуг (телекоммуникационные операторы, интернет-фирмы) индифферентны по отношению к клиентам или целям использования их услуг. Это правило исходит из эпохи изобретения телеграфа в XIX веке, когда телеграммы доставлялись на равных условиях всем, без различия содержания, способа доставки или типа клиента.

Однако в современных условиях придерживаться нейтральности в цифровом мире означает на практике проводить дискриминационную и антиконкурентную политику. Клиентами интернета являются не только индивиды, частные лица, но и в гораздо больших масштабах поставщики контента («Фейсбук» – *Facebook*, «Гугл» – *Google*, «Нетфликс» – *Netflix*), которые используют платформу интернета для доступа к своим собственным потребителям. Формальный сетевой нейтралитет служит механизмом сокрытия негативного отношения или привилегий со стороны провайдеров к определённым веб-сайтам, поставщикам контента, определённым брендам IP-телефонии.

Сетевой нейтралитет означает отсутствие блокировок или ограничений каких-либо сайтов или трафиков, отсутствие приоритетных предоплаченных поставок контента. В реальности клиенты интернета разнятся по своему отношению ко времени использования и объёму трафика. Бывали случаи [1], когда слишком большой трафик коммерческой структуры перекрывал доступ к интернету индивидам в небольших городках (эффект сетевой «пробки»). Если бы интернет-провайдер имел возможность отключать коммерческую фирму или снижать скорость её трафика, то неблагоприятные последствия для других клиентов были бы устранены или, как минимум, смягчены.

ИННОВАЦИИ И РЫНОЧНАЯ ВЛАСТЬ: ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

Вновь встаёт вопрос о соотношении инноваций и рыночной власти.

Эмпирическое исследование [Akcigit U., Ates S., 2019] показало, что сегодня в США преобладает антиконкурентное использование интеллектуальной собственности. Наблюдается падение скорости и глубины распространения знаний (замедленная диффузия инноваций), более высокая концентрация патентов и лицензий в руках крупных компаний, более жёсткая патентная защита со стороны лидеров рынка.

Выявлена [Ezzeddine S., Hammami M., 2018] нелинейная U-образная взаимосвязь между защитой интеллектуальной собственности (ИС) и технологическими инновациями. Отсутствие или очень малая защита прав ИС не способствует вложениям в НИОКР. Повышение патентной защиты увеличивает интерес компаний к инновациям, поскольку они получают возможность компенсировать свои высокие первоначальные затраты посредством монопольной прибыли от самих инноваций либо от продажи лицензий. Когда же защита ИС становится чрезмерной, очень высокой и очень длительной, фирмы теряют стимулы к исследованиям и разработкам, предпочитая «почивать на лаврах» прошлых инноваций.

Такая же U-образная форма характерна для воздействия конкуренции на инновации [Bloom N., Van Reenen J., Williams H., 2018]. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что конкурентное давление вначале оказывает положительное воздействие на инновации, рост конкуренции на первых этапах инновационного процесса сопровождается увеличением инновационной активности фирм. Однако в дальнейшем конкуренция снижает инновации, поскольку вызывает дублирование усилий, излишние затраты на НИОКР, множественное прохождение по одним и тем же неэффективным путям новаций.

Воздействие конкуренции на инновации зависит также от свойств самого товара и товарного рынка [Marshall G., Parra A., 2019]. Как правило, инновационный рынок представлен фирмой – лидером и несколькими фирмами – последователями. Если разрыв между прибылью лидерам и доходностью последователей возрастает при увеличении числа крупных компаний на рынке, то инновации также имеют тенденцию к росту. Если же разрыв сокращается, стимулы к инновациям падают. Действие конкуренции зависит от влияния соперничества на рыночные цены и, следовательно, на соотношение прибылей соперничающих компаний.

Должно ли государство поощрять или запрещать слияния между конкурирующими инновационными компаниями? Когда на рынке вместо двух функционирует одна инновационная фирма, создаются специфические синергетические эффекты. Происходит интернализация внешних эффектов инноваций, снижаются общие затраты на НИОКР (за счёт устранения дублирования и тупиковых ветвей исследования), быстрее распространяются лучшие практики как внутри компаний, так и за её пределами, что ведёт к росту общей производительности инновационных работ. Однако результаты усилий одной команды инноваторов могут

приписываться фирме в целом (или другой стороне), что снижает стимулы разрабатывать инноваций [Federico G., Morton F., Shapiro C., 2019].

Ситуация ещё более запутывается, когда речь идёт о многопродуктовой фирме, действующей на многих рынках. Компания может быть конструктивным инновационным лидером на одном рынке и оказывать разрушительное воздействие на другом. Фирма может являться крупной бизнес-структурой в одной области и мелким соперником в другой. Лучший стимул для инвестиций – угроза потери доминирующей позиции на рынке. Поэтому антимонопольная политика, как считают исследователи, должна действовать очень осторожно, чтобы не блокировать инновационную мотивацию доминирующих агентов.

Ещё одна бизнес-практика в области инноваций вызывает антимонопольную озабоченность. Многие доминирующие фармацевтические фирмы платят небольшим компаниям, выпускающими дженерики их брендированной фармацевтической продукции, дополнительные (часто внушительные) суммы за медленный выход на рынок. Как считают эксперты [Ding Y., Zhao X., 2019], подобная стратегия платы за отсрочку (*pay-for-delay*) позволяет балансировать конкуренцию и инновации. Хотя появление на рынке более дешёвого аналога брендированного лекарства происходит более медленными темпами (что снижает благосостояние потребителей), в итоге и мелкие, и крупные компании получают дополнительные стимулы к инвестированию, что расширяет в целом фармацевтическую базу. Поэтому нельзя данную стратегию расценивать только с позиции монопольных эффектов краткосрочного периода.

ПОЛИТИКА ПОДДЕРЖКИ КОНКУРЕНЦИИ: СМЕНА ПАРАДИГМЫ

Новая реальность требует корректировки правил антимонопольной политики. Какие новации мы встречаем в данной сфере в США?

Во-первых, появилась новая область интереса антимонопольной политики – накопление и использование **больших данных**. В классической версии считается, что защита потребителей и антимонопольная политика – две принципиально различные сферы государственного вмешательства. Традиционно антимонопольная политика занимается по преимуществу межфирменными взаимодействиями, а защита прав потребителей – это взаимоотношения между компанией и индивидом. Однако использование больших данных стирает границы между ними, любое межфирменное взаимодействие так или иначе затрагивает интересы отдельного индивида – потребителя [Jin G., Wagman L., 2020].

В цифровую эпоху рынки переполнены информацией. Потребители путем онлайн-поиска пытаются распределить свои редкие ресурсы внимания и времени наилучшим образом. Интерес потребителей создаёт базу больших данных. Но кому принадлежит собственность на эту бизнес-информацию? Не проявляется ли здесь эффект асимметричной информации? Фирма имеет представление о рынке в целом, а клиент – нет.

Поисковые системы порождают скрытую форму монополизма. Обращение индивида к цифровой платформе неявно предполагает, что цифровой посредник предоставляет клиенту наилучшие условия приобретения товара в обмен на свои персональные данные. Однако согласно исследованиям [Barach M., Golden J., Horton J., 2019], платформы не нейтральны и могут направлять покупателей к конкретным, аффилированным с ними, продавцам.

Кроме того, в интернете сложно проверить достоверность информации о товаре, предоставляемой компанией – производителем. Онлайн пространство и информационный «шум» превращают практически любой товар в доверительное благо. Механизм больших данных – это не только инструмент проникновения в частную жизнь людей, это ещё и форма рыночной власти компании. Выбор потребителя в цифровом мире детерминирован не только рекламой, но и той платформой, где эта реклама размещена.

Технологические инновации, развитие приложений, включая мобильные, интернет вещей позволяют сформировать экосистемы по обмену большими данными. Например, в июле 2018 г. проект по развитию экосистемы больших данных был реализован с участием «Майкрософт», «Гугл», «Твитер» (*Twitter*), «Фейсбук» [Borgogno O., Colangelo G., 2019]. Этот проект предполагал открытый обмен данными, перевод их с одной платформы на другую в режиме реального времени. И хотя участники утверждают, что речь идёт о свободном потоке неперсональных данных, антимонопольная настороженность здесь остаётся. В частности, речь идёт об информации со стороны государственных структур, которая также попадает в цифровую базу экосистемы. В экосистему информация от государственных структур поставляется практически бесплатно, а используют её частные компании коммерческим образом.

Во-вторых, ставится вопрос о более активной роли **международных агентств** по защите конкуренции. Наднациональные меры инфраструктурного регулирования могут компенсировать слабость национальных антимонопольных институтов [Auriol E., Estache A., Wren-Lewis L., 2018]. Антимонопольное регулирование в глобальном цифровом мире может быть эффективным, если включает в себя три уровня: локальная политика, национальная политика, глобальная (наднациональная) политика поддержки конкуренции. Наднациональное регулирование помогает преодолеть асимметрию информации между национальным регулятором и транснациональными компаниями.

Наднациональное антимонопольное регулирование укрепляет конкурентные рынки. Об этом, к примеру, свидетельствует сравнение рынков в США и в ЕС [Gutierrez G., Philippon T., 2019]. Европейские рынки оказываются более конкурентными как раз потому, что институции ЕС, отвечающие за антитраст, в большей степени являются независимыми и защищают конкуренцию более решительно. В США компании тратят громадные суммы на политическое лоббирование, (в том числе на смягчение антимонопольного регулирования), которые значительно превышают аналогичную активность фирм в ЕС. Поэтому эконо-

мика США становится более концентрированной, более подвержена монопольному давлению крупных фирм.

В-третьих, всё большее распространение получает концепция **нелинейных эффектов** конкуренции и монополии. В отличие от XX века, когда в антитрасте преобладала линейная точка зрения и считалось, что рост конкуренции однозначно сопровождается положительными следствиями для экономики, а рост монополизма ведёт к однозначно негативным результатам, современная анти-монопольная политика США занята поисками *баланса* между плюсами и минусами рыночной власти крупных фирм [Lamoreaux N., 2019]. Вновь возобладала концепция Р. Познера [Posner R., 1979]: дело не в рыночной доле фирмы как таковой (она может быть и большой, и малой), вопрос заключается в том, наносит ли фирма вред потребителю?

В-четвёртых, признано, что регулирование имеет **свою цену**. В современной экономике прямые затраты на мониторинг деятельности компаний, государственный контроль и наказание виновных сравнительно невелики. Однако, как показывают исследования, регулирование сопровождается значительными косвенными затратами для компаний. Увеличение регуляторных издержек на одно стандартное отклонение (ужесточение регулирования) ведет к росту стоимости привлечения капитала (*cost of capital*) на 3% в год, сокращению объема продаж на 1,5% в год и примерно на 2% в год замедлению роста компании [Calomiris C., Mamaysky H., Yang R., 2020: 19].

Регуляторные риски (риски неожиданного ужесточения законодательства или законодательной практики) представляют собой сегодня едва ли не главную статью расходов для компаний, а так как крупные фирмы справляются с такими издержками лучше и более эффективно управляют рисками, регулятор формирует новый монополизм: в условиях жесткого регулирования выживают как раз крупные игроки. И чем более гибкой является регуляторная политика, тем выше неопределённость для компаний. Опасность непредвиденного и нежелательного изменения государственной политики ведёт к сокращению инвестиций.

В-пятых, пересматривается снисходительное отношение к **малому бизнесу**. Традиционно антимонопольная политика делала исключения для малых и средних компаний, поскольку считалось, что подобные фирмы не могут угрожать конкуренции в силу своего незначительного для рынка размера. Однако цифровизация меняет характер малого бизнеса. Исследования показывают [Karlow L., 2019], что малые фирмы также могут наносить вред конкуренции и потребителям. Регулирование оказывает воздействие не только на регулируемые, но и на нерегулируемые компании, затрагивая их решения в сфере входа на рынок или выхода из отрасли, выбора цены и объёма продаж.

Многие компании формально остаются малыми, чтобы избежать жёсткого антимонопольного регулирования, тогда как реально именно они оказывают ключевое воздействие на рыночные результаты. С другой стороны, небольшие компании не могут использовать прогрессивные технологии в силу больших затрат. Высокий уровень загрязнения, сокращение производства и продаж в кризисные периоды,

низкое качество продукции, отличающие многие фирмы малого бизнеса, означают непропорционально значительный вред малых компаний. Малые компании хуже контролируют вопросы безопасности труда на рабочем месте, дополнительные социальные выплаты работникам, проблемы информационной безопасности и информационной открытости, что создаёт проблемы для общественного благосостояния при отсутствии должного регулирования этих категорий фирм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровизация меняет, часто радикально, бизнес-модели компаний. Так как грань между монопольными и конкурентными эффектами в цифровой экономике весьма тонка, опыт США показывает, что антимонопольная политика должна быть особенно осторожной и гибкой в вынесении своих вердиктов.

Можно согласиться с американскими экономистами [Berry S., Gaynor M., Morton F., 2019] в том, что задачи антимонопольной политики сегодня заключаются в наблюдении за двумя ключевыми явлениями, блокирующими конкуренцию: (1) мониторинг свободы входа на рынок с тем, чтобы не допустить блокировки входа; (2) уверенность в том, что доминирующие фирмы не проводят политику, создающую помехи деятельности компаний-новичков, угрожающих добросовестному конкурентному процессу.

Политика поддержки конкуренции в новой американской модели приобретает более масштабное значение в качестве доброжелательного консультанта-советника и союзника деловых организаций в противовес своей предыдущей запретительной и наказывающей функции.

ИСТОЧНИКИ

1. Cobb K. (2010). Why net neutrality and "open" internet mandates are bad for consumers. October 21st. Available at: <https://www.atr.org/net-neutrality-open-internet-mandates-bad-a5500> (accessed 11.01.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Малых С.С. (2019). Стратегические альянсы: возможности для инноваций и эффекты для конкуренции // *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. №. 2. С. 64-82.

REFERENCES

Akcigit U., Ates S. (2019). What happened to U.S. business dynamism? *National Bureau of Economic Research. Working Paper 25756*. Available at: <http://www.nber.org/papers/w25756> (accessed 10.01.2021).

Asker J., Collard-Wexler A., De Loecker J. (2017). Market power, production (mis) allocation and OPEC. *National Bureau of Economic Research. Working Paper 23801*. Available at: <http://www.nber.org/papers/w23801> (accessed 10.01.2021).

Auriol E., Estache A., Wren-Lewis L. (2018). Can supranational infrastructure regulation compensate for national institutional weaknesses? *Revue Économique*, vol. 69, no. 6, pp. 913-936.

Azar J., Schmalz M., Tecu I. (2018). Anti-competitive effects of common ownership *Journal of Finance*, vol. 73, no. 4, pp. 1513-1565.

Barach M., Golden J., Horton J. (2019). Steering in online markets: the role of platform incentives and credibility. *National Bureau of Economic Research*. Working Paper 25917. Available at: <http://www.nber.org/papers/w25917> (accessed 12.01.2021).

Berry S., Gaynor M., Morton F. (2019). Do increasing markups matter? Lessons from empirical industrial organization. *National Bureau of Economic Research*. Working Paper 26007. Available at: <http://www.nber.org/papers/w26007> (accessed 12.01.2021).

Bloom N., Van Reenen J., Williams H. (2019). A toolkit of policies to promote innovation. *The Journal of Economic Perspectives*, vol. 33, no. 3, pp. 163-184.

Borgogno O., Colangelo G. (2019). Data sharing and interoperability: fostering innovation and competition through APIs. *Computer Law and Security Review*, vol. 35, no. 105314.

Calomiris C., Mamaysky H., Yang R. (2020). Measuring the cost of regulation: A text-based approach. *National Bureau of Economic Research*. Working Paper 26856. Available at: <http://www.nber.org/papers/w26856> (accessed 15.02.2021).

Carlton D. (2019). Transaction costs and competition policy. *International Journal of Industrial Organization*, Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ijindorg.2019.102539> (accessed 15.02.2021).

Decker R., Haltiwanger J., Jarmin R., Miranda J. (2017). Declining dynamism, allocative efficiency, and the productivity slowdown. *American Economic Review*, vol. 107, no. 5, pp. 322-326.

Ding Y., Zhao X. (2019). Pay-for-delay patent settlement, generic entry and welfare. *International Journal of Industrial Organization*, vol. 67, no. 102532.

Diri M., Lambrinoudakis C., Alhadab M. (2020). Corporate governance and earnings management in concentrated markets. *Journal of Business Research*, vol. 108, pp. 291-306.

Edmond C., Midrigan V., Xu D. (2019). How costly are markups? *National Bureau of Economic Research*. Working Paper 24800. Available at: <https://www.nber.org/papers/w24800> (accessed 13.01.2021).

Ezzeddine S., Hammami M. (2018). Nonlinear effects of intellectual property rights on technological innovation. *Journal of Economic Integration*, vol. 33, no. 2, pp. 1337-1362.

Federico G., Morton F., Shapiro C. (2019). Antitrust and innovation: welcoming and protecting disruption. *National Bureau of Economic Research*. Working Paper 26005. Available at: <http://www.nber.org/papers/w26005> (accessed 12.02.2021).

Feld H. (2020). From the telegraph to twitter: The case for the digital platform act. *Computer Law and Security Review*, vol. 36, no. 105378.

Gutierrez G., Philippon T. (2019). How EU markets became more competitive than U.S. markets: A study of institutional drift. *National Bureau of Economic Research*. Working Paper 24700. Available at: <http://www.nber.org/papers/w24700> (accessed 10.02.2021).

He J., Huang J. (2017). Product market competition in a world of cross ownership: Evidence from institutional blockholdings. *Review of Financial Studies*, vol. 30, pp. 2674-2718.

Hopenhayn H., Neira J., Singhania R. (2018). From population growth to firm demographics: Implications for concentration, entrepreneurship and the labor share. *National Bureau of Economic Research*. Working Paper 25382. Available at: <https://www.nber.org/papers/w25382> (accessed 12.02.2021).

Hsieh C., Rossi-Hansberg E. (2019). The industrial revolution in services. *National Bureau of Economic Research*. Working Paper 25968. Available at: <http://www.nber.org/papers/w25968> (accessed 12.02.2021).

Jin G., Wagman L. (2020). Big data at the crossroads of antitrust and consumer protection. *Information Economics and Policy*, Available at: <https://doi.org/10.1016/j.infoecopol.2020.100865> (accessed 12.02.2021).

Kaplow L. (2019). Optimal regulation with exemption. *International Journal of Industrial Organization*, vol. 66, pp. 1-39.

Kaplow L. (2015). Market definition, market power. *National Bureau of Economic Research. Working Paper 21167*. Available at: <http://www.nber.org/papers/w21167> (accessed 14.02.2021).

Konig K., Yankelevich A. (2018). From internet “openness” to “freedom”: How far has the net neutrality pendulum swung? *Utilities Policy*, vol. 54, pp. 37-45.

Lamoreaux N. (2019). The problem of bigness. *The Journal of Economic Perspectives*, vol. 33, no. 3, pp. 94-117.

Loecker J., Eeckhout J., Unger G. (2018). The rise of market power and the macroeconomic implications. *National Bureau of Economic Research. Working Paper 23687*. Available at: <https://www.nber.org/papers/w23687> (accessed 14.02.2021).

Malykh S. (2019). Strategicheskie al'iansy: vozmozhnosti dlia innovatsii i efekty dlia konkurentsii [Strategic alliances: Opportunities for innovation and effects for competition] (In Russ.). *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 06. Ekonomika*, no. 2, pp. 64-82.

Marshall G., Parra A. (2019). Innovation and competition: the role of product market. *International Journal of Industrial Organization*, vol. 65, pp. 221-247.

Pattnayak S., Chadha A. (2019). India in global services value chain. *Journal of Southeast Asian Economies*, vol. 36, no. 2, pp. 204-223.

Posner R. (1979). The Chicago school of antitrust analysis. *University of Pennsylvania Law Review*, vol. 127, no. 4, pp. 925-948.

Shapiro C. (2018). Antitrust in a time of populism. *International Journal of Industrial Organization*, vol. 61, pp. 714-748.

Shapiro C. (2019). Protecting competition in the American economy. *The Journal of Economic Perspectives*, vol. 33, no. 3, pp. 69-93.

Syverson C. (2019). Macroeconomics and Market Power: Facts, Potential Explanations and Open Questions. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 33, no. 3, pp. 23-43.

Vives X. (2019). Common ownership, market power, and innovation. *International Journal of Industrial Organization*, Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ijindorg.2019.102528> (accessed 10.01.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РОЗАНОВА Надежда Михайловна, Nadezhda M. ROZANOVA, Doctor of Science (Economics), Professor, Department of Theoretical Economics, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). 11, Pokrovsky bulvard, Moscow 109028, Russia,

Поступила в редакцию / Received 31.03.2021

Поступила после рецензирования / Revised 15.04.2021

Принята к публикации / Accepted 22.04.2021

Поздравление юбиляру

К 80-летию советского и российского экономиста-международника, доктора экономических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, главного научного сотрудника, руководителя Центра внешнеэкономических исследований Института США и Канады РАН, одного из ведущих исследователей экономики США

Михаила Анатольевича Портного

Михаил Анатольевич родился в Одинцово Московской области в страшном 1941 году, 7 июня – за две недели до начала Великой Отечественной войны. Отец на второй день войны был призван в армию, воевал и был демобилизован в 1943 году.

В 1957 году Миша Портной с серебряной медалью окончил среднюю школу в посёлке Баковка Одинцовского района Московской области. На факультет журналистики МГУ он не прошёл по конкурсу и поступил в авиационный техникум, после которого недолго работал в КБ А.С. Яковлева, откуда был призван в Советскую Армию. И в 1960–1963 годах был воздушным стрелком-радистом дальней авиации.

В 1963–1969 годах Михаил Анатольевич учился на экономическом факультете МГУ им. Ломоносова и одновременно работал на заводе имени М.В. Хруничева.

В 1969-м, после окончания университета, поступил в аспирантуру Института мировой экономики и международных отношений и в 1972 году защитил кандидатскую диссертацию «Государственное регулирование экономического роста и платёжного баланса США».

За годы работы в ИМЭМО прошёл путь от младшего научного сотрудника до заведующего Отделом.

С 1989 года Михаил Анатольевич работает в Институте США и Канады РАН. Здесь он защитил докторскую диссертацию по теме «Мировое хозяйство и международные экономические отношения».

В 1993 году был на стажировке в Стэнфордском университете (Калифорния), неоднократно читал лекции в США.

С журналом «США & Канада: экономика, политика, культура» Михаил Анатольевич сотрудничает с 1972 года, когда была опубликована его статья «Девальвация доллара». С тех пор журнал с удовольствием публикует его статьи и считает их украшением номера.

Михаил Анатольевич – член Редколлегии журнала, член Учёного совета ИСКРАН и Диссертационного совета Института.

М.А. Портной ведёт активную преподавательскую работу. В настоящее время читает лекции на программах МВА в Академии народного хозяйства при Правительстве РФ, Финансовом университете при правительстве РФ и в МЭСИ, поддерживает научные и преподавательские контакты с ведущими экономическими вузами в Москве.

Поражает удивительное трудолюбие и работоспособность Михаила Анатольевича: у него вышло более 150 научных работ, в том числе 6 личных монографий, главы в коллективных трудах, статьи в крупных научных журналах, и каждый раз это новая и уникальная работа. Но главной своей книгой он сам считает монографию «Деньги в национальном и мировом хозяйстве» (Магистр, 2017), в которой, как сам он говорит, ему «выпало решить несколько ключевых проблем экономической науки, относящихся к понятию и роли денег в экономике».

Желаем Михаилу Анатольевичу дальнейшей плодотворной работы, решения новых проблем в экономической науке, а главное – здоровья и бодрости духа.

*Друзья,
коллеги и сотрудники
Института и журнала*

УДК 327.004.8

DOI: 10.31857/S268667300015219-0

Разведсообщество США и искусственный интеллект

Я.В. Селянин

Институт мировой экономики и международных отношений РАН.

Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., 23.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3802-0563> e-mail: yaroslav.selyanin@yandex.ru

Резюме: По мнению Комиссии национальной безопасности по искусственному интеллекту – КНБИИ (*National Security Commission on Artificial Intelligence*), разведсообщество – это один из главных американских государственных выгодоприобретателей от создания и практического использования технологий искусственного интеллекта (ИИ). Специальные службы США могут получить максимальный и наиболее быстрый результат, если эти технологии будут приняты на вооружение. Однако сегодня спецслужбы сталкиваются с дефицитом специалистов, проблемами технического и организационного характера. В статье рассматриваются цели, задачи и подходы американских спецслужб к организации работ в области разработки и внедрения ИИ. Дается обзор стратегии разведсообщества в области ИИ, предписаний Конгресса и рекомендаций комиссии.

Ключевые слова: США, искусственный интеллект, машинное обучение, разведсообщество США, государственная политика США в области развития науки и техники

Для цитирования: Селянин Я.В. Разведсообщество США и искусственный интеллект. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2021; 51(6):52-70.

DOI: 10.31857/S268667300015219-0

U.S. Intelligence Community and Artificial Intelligence

Yaroslav V. Selyanin

Institute of World-Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.

23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3802-0563> e-mail: yaroslav.selyanin@yandex.ru

Abstract: According to the National Security Commission on Artificial Intelligence (NSCAI), the intelligence community (IC) is one of the main U.S. state beneficiaries from the AI creation and practical use. American IC can get the maximum and fastest result from their adoption into service. However, today they face a shortage of specialists, technical and organizational problems. The article considers IC goals, objectives and approaches in the field of AI. The article contains an overview of the IC's AI strategy, congressional regulations, and NSCAI recommendations.

Keywords: USA; artificial intelligence; machine learning; U.S. intelligence community; the U.S. Public Policy in the Area of Science and Technology Development

For citation: Selyanin Y.V. U.S. Intelligence Community and Artificial Intelligence. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture.* 2021; 51 (6): 52-70.

DOI: 10.31857/S268667300015219-0

В августе 2016 г. советник президента РФ по вопросам развития интернета Герман Клименко описал в интервью один из технически возможных методов слежки американских спецслужб за теми гражданами России, которые могут интересоваться их в силу своего служебного положения [1]. Этот принцип основан на использовании данных о геолокации и тесных связях разведсообщества с ведущими ИТ-компаниями США, которые могут определять местоположение устройств под управлением операционных систем своего производства по всему миру. Поэтому для них не составляет труда получить информацию о смартфонах, которые регулярно посещают определённые точки Земного шара, где может находиться какое-либо ведомство или, например, военный объект. Если спецслужбы возьмут перемещение таких устройств по планете на контроль, то некоторые из них рано или поздно могут появиться на территории страны, у которой с США есть договор об экстрадиции [2]. Тогда в один совсем не прекрасный для хозяина такого устройства день неизвестные люди в штатском могут задать ему несколько вопросов и сделать предложение, от которого ему будет очень сложно отказаться [3]. 2020 год наглядно продемонстрировал, как эта схема будет работать на практике.

Так, в мае стало известно, что частная фирма «Орбитал инсайт» (*Orbital Insight*) проанализировала влияние режима самоизоляции, который вводился в РФ из-за пандемии ковид-19 (*COVID-19*), на работу ряда российских оборонных предприятий [4]. Аналитики компании с использованием методов машинного обучения обрабатывали некие «анонимные телефонные данные, полученные от различных партнёров», и «другую информацию из открытых источников». Сама по себе «Орбитал инсайт» — это не просто рядовая коммерческая фирма: во-первых, она занимается анализом «геопространственной» информации (*geospatial analytics*), «которая идентифицирует географическое положение и характеристики природных или искусственных объектов и границ на земле» [5]; во-вторых, членом её консультативного совета является Роберт Кардилло (*Robert Cardillo*), бывший глава Национального агентства геопространственной разведки США (*National Geospatial-Intelligence Agency*), входящего в американское разведсообщество. Эти факты позволяют сделать предположение о том, какого рода «различные партнёры» предоставили данные для анализа.

В июле того же года американские СМИ сообщили, что «группа исследователей из Университета штата Миссисипи» отслеживала перемещения по планете мобильных телефонов, которые изначально были замечены в посещении российских правительственных учреждений и военных объектов. Осуществить это позволило коммерческое программное обеспечение и различные собираемые устройствами и отдельными приложениями данные, в том числе о геолокации. Финансирование проекта обеспечили вооружённые силы США. Его целью была демонстрация современных возможностей по сбору и обработке данных из открытых источников с использованием коммерческого ПО [6].

Всё это стало возможным благодаря упрощению доступа к данным из-за развития и широкого внедрения информационно-коммуникационных технологий

и использованию методов машинного обучения, больше известных как искусственный интеллект (ИИ). Машинное обучение, по сути, заключается в том, что через алгоритм последовательно пропускают специальным образом подготовленные (размеченные) наборы данных (это тренировочные или обучающие данные) и подбирают определённые внутренние коэффициенты так, чтобы при обработке проверочных наборов данных система давала верный результат. Качество системы на основе машинного обучения напрямую зависит, во-первых, от качества обучающих и тестовых данных, а во-вторых, от их соответствия данным, с которыми искусственный интеллект работает на практике. Правда, пока речь идёт о так называемом «узком ИИ». Строго говоря, такой искусственный интеллект не имеет ничего общего с интеллектом и представляет собой алгоритм, заточенный на решение конкретной задачи, вроде распознавания лиц или речи. Однако свою эффективность такие системы уже доказали не раз.

Не удивительно, что разведсообщество США крайне заинтересовано в том, чтобы принять их на вооружение. Такой интерес к технологии демонстрирует, например, следующее обстоятельство. В 2013–2019 гг. Агентство национальной безопасности (*National Security Agency*) США ежегодно публиковало сборник материалов «Новая волна» (*The New Wave*). Каждый раз он включал научные статьи, которые относятся к какой-либо одной новой технологии. Машинное обучение было его темой два года подряд – в 2018 и 2019 гг. [7], [8].

Как финансируется этот интерес специальных служб США, можно судить лишь по косвенным данным. Например, в стратегии разведсообщества в области ИИ указано, что финансовые ресурсы разведки скромны и не могут сравниться с ресурсами военных [9]. Однако там же указано, что члены разведсообщества имеют доступ к результатам НИОКР, проводимых в интересах вооружённых сил.

В целом, открытые данные позволяют оценить цели, задачи и проблемы в этой области. Силловые структуры в рамках работ по ИИ активно сотрудничают с технологическими компаниями и научными кругами. По понятным причинам, подробности не раскрываются или раскрываются неохотно. Однако очевидно, что политическое решение о широком внедрении ИИ в разведсообществе, как и в случае вооружённых сил, принято и будет реализовываться независимо от реальной готовности к этому самих технологий.

ПОЛИТИКА РАЗВЕДСООБЩЕСТВА В ОБЛАСТИ ИИ

Свою стратегию в области искусственного интеллекта разведсообщество приняло ещё в январе 2019 г. Почти на месяц раньше, чем президент Трамп подписал указ о государственной стратегии США в этой сфере [10], [Селянин Я.В. 2020а: 140–163], а Министерство обороны опубликовало в открытом доступе краткое содержание собственной стратегии в области ИИ [12], [Селянин Я.В. 2020b].

Название документа – «Целевая инициатива: стратегия усиления интеллекта/разведки с помощью машин» (*The AIM Initiative. A Strategy for Augmenting*

Intelligence Using Machines) – не содержит словосочетания «искусственный интеллект», но отражает суть интереса разведсообщества к данным технологиям [9].

Он заключается именно во взаимном дополнении способностей человека и вычислительной техники в области анализа данных и, как следствие, в более полном извлечении информации из них. Искусственный интеллект, автоматизация процессов и «дополнение способностей личного состава разведслужб с помощью технологий» (*Artificial intelligence, process Automation, and IC officer Augmentation*», AIM AAA technologies, AAA) – три кита, которые, как рассчитывают спецслужбы, выведут информационно-аналитическое обеспечение процесса принимаемых решений на качественно иной уровень [9].

В целом подходы, задачи и проблемы разведсообщества в области использования ИИ схожи с таковыми в Министерстве обороны (МО), а важность этих технологий для спецслужб обосновывается аналогичным МО образом: «Наши противники – особенно Россия и Китай – также признают потенциал ИИ для военных и разведывательных операций и активно финансируют работы в этой сфере» [9].

Однако, чтобы полноценно использовать искусственный интеллект в своих интересах, разведсообществу придётся решить значительное количество проблем. Стратегия разделяет их на несколько категорий и устанавливает определённые временные рамки их преодоления с учётом приоритетности и технических возможностей.

Безотлагательного решения требуют задачи в таких областях, как подготовка и использование данных; доступ разведсообщества к вычислительным мощностям; повышение эффективности научно-технической разведки (*Science and Technical Intelligence*) в области ИИ; получение специалистами спецслужб фундаментального понимания особенностей и уязвимостей этих технологий.

Данные – это то сырьё для работы ИИ, перерабатывая значительные массивы которого он даёт результат. Для обучения и проверки качества работы алгоритмов также нужно огромное количество данных, специальным образом отобранных и подготовленных. Причём они должны быть того же типа, как и те, с которыми системам придётся работать на практике. В контексте задач разведсообщества это часто трудно реализовать. Поэтому стратегия требует организовать внутри сообщества общий доступ служб к учебным и тестовым наборам данных и к «базам экспертных знаний, которые содержат неявные знания специалистов в области разведки». Интересно, что авторы документа учли существование конкуренции между службами и особо предупредили их, что соблюдение мер по защите информации не является основанием для «неоправданного ограничения» её обмена внутри сообщества.

Большие вычислительные мощности – второе условие, необходимое для реализации и эффективного использования систем с ИИ [Селянин Я.В. 2019а: 179-201], [Селянин Я.В. 2019b: 137-166]. В связи с этим стратегия предполагает развитие соответствующей цифровой инфраструктуры разведсообщества (*IC Information Technology Enterprise*), включая «завершение создания системы высокопроизводительных вычислений» (то есть собственных суперкомпьютеров).

Возможно, речь идёт о вычислительных мощностях, создававшихся в Форт-Мид (Fort Meade), где находятся штаб-квартиры Агентства национальной безопасности и Киберкомандования США. Так, в оборонном бюджете США на 2012, 2013 и 2014 фин. г. было одобрено финансирование по теме «Центр высокопроизводительных вычислений» в Форт-Мид. Во всех трёх документах названия программ отличались друг от друга (в 2012 фин. г. – *High Performance Computing Capacity*; в 2013 фин. г. – *High Performance Computing Center Inc 2*; в 2014 фин. г. – *High Performance Computing Capacity Inc 3*), однако, по всей видимости, речь идёт о трёх этапах работ на одном и том же объекте. Стоит также добавить, что данный проект был предусмотрен законом о расходах на военное строительство на 2012 фин. г. (*Military Construction Authorization Act for Fiscal Year 2012*), а в оборонном бюджете США на 2016 фин. г. министр обороны был уполномочен в рамках расширения программы строительства Центра высокопроизводительных вычислений (*High Performance Computing Center*) в Форт-Мид построить генерирующие мощности производительностью до 60 МВт для того, чтобы обеспечить резервный источник электроэнергии для соответствующей нагрузки [12], [13], [14], [15].

С учётом опасений в использовании ИИ противником, разведсообществу ставится задача усилить работу по линии научно-технической разведки (*S&TI*) для оценки потенциала иностранных государств и принятия мер по противодействию таким угрозам.

Всё это уже на самых ранних этапах работы требует иметь подготовленный личный состав. Здесь разведсообщество, как и иные госструктуры, испытывает нехватку специалистов. Дефицит кадров настолько велик, что спецслужбы опасаются даже внутренней конкуренции за квалифицированных сотрудников.

В краткосрочной перспективе разведсообщество намерено принять на вооружение решения на основе «узкого ИИ», включая как коммерческие, так и с открытым исходным кодом. Однако стратегия предостерегает ведомства от внедрения ИИ «ради галочки» и требует оценки того, удовлетворяют ли принимаемые системы нужды спецслужб и отвечают ли их стандартам в области безопасности.

Дело осложняется тем, что ИИ сегодня имеет проблемы не только с надёжностью, кибербезопасностью и «объяснимостью». Стоит отметить, что сами разработчики не понимают логику даже хорошо работающего ИИ и не могут объяснить, почему система принимает то или иное решение. Корни проблемы кроются в фундаментальных принципах работы самой технологии. Другую характерную исключительно для ИИ и более опасную угрозу создают так называемые атаки с использованием состязательного обучения (*adversarial learning, adversarial AI, adversarial ML*). Они нацелены на уязвимости не в программном или аппаратном обеспечении системы, а на особенности работы самого алгоритма. Идея состоит в том, чтобы через изменение («отравление») обучающих, тестовых и рабочих наборов данных, создать у владельца системы ложное впечатление о её качестве работы либо заставить систему выдать нужный атакующим результат. Это может иметь катастрофические последствия для эффективности системы. Поэтому в качестве «ценных активов» службы отныне рассматривают не

только собираемые данные, но и алгоритмы для их обработки [Kegelmeyer W.P. 2019: 10-14], [Whyte C. 2020: 2015-232], [9].

Опасность состязательных методов ИИ (*adversarial AI techniques*), с точки зрения США, усугубляется тем, что многие страны имеют необходимые для их применения инструменты, наборы данных и специалистов. Причём последние могли обучаться в тех же университетах, что и американские специалисты.

Всё это вынуждает США создавать методы и средства обеспечения надёжности систем с ИИ и противодействия любым типам атак, включая проведения их испытаний для выявления возможностей и ограничений. Это очень непростая задача, поскольку большие сложности вызывает даже просто определение контрольных показателей (*benchmarks*), которые позволяют адекватно оценивать успешность хода работ по созданию системы и определять её итоговое качество. В случае коммерческого ПО стратегия предписывает разработать порядок его допуска к эксплуатации в интересах разведсообщества, в том числе в закрытых сетях. Общедоступные решения с ИИ предполагается дорабатывать под конкретные нужды служб.

Аналогично военным, которые создали Объединённый центр искусственного интеллекта (*Joint Artificial Intelligence Center, JAIC*), разведсообщество намерено учредить свою специальную организацию (*AIM Center*). Её штат должен быть укомплектован специалистами в области ИИ и машинного обучения из разведсообщества и ИТ-индустрии. Планируется наладить сотрудничество с такими структурами, как Агентство перспективных исследований в сфере разведки, Управление перспективных исследований Министерства обороны, созданная при поддержке ЦРУ венчурная компания «Ин-кью-тел» (*In-Q-Tel*) [16], национальные лаборатории Министерства энергетики, Экспериментальный отдел по оборонным инновациям МО (*Defense Innovation Unit-Experimental, DIUx*) и коммерческие компании.

В *среднесрочной перспективе* основная цель разведсообщества состоит в получении технических средств, которые способны работать – выявлять взаимосвязи – с разнотипными и разрозненными данными.

В *долгосрочной перспективе* специальные службы намерены финансировать фундаментальные исследования по созданию «сильного ИИ», который способен извлекать информацию из неполных и скудных данных, учитывая при этом контекст. Интересно, что к этой же категории отнесено решение кадровых проблем разведсообщества, разработка нормативно-правовой базы спецслужб в области использования ИИ, а также решение проблемы выявления дипфейков (*deepfake*) [17].

И если первые две задачи невозможно решить быстро из-за сложности подготовки специалистов, которая в силу сложности технологий должна начинаться со школы, то относительно проблемы выявления дипфейков нет ясности в том, возможно ли её решить в принципе.

Под дипфейками (*deepfake* или *machine-manipulated media*) понимаются «аудио-, видеозаписи и изображения, сгенерированные или существенно модифициро-

ванные с использованием методов машинного обучения» настолько качественно, что практически неотличимы от настоящих. Целью их создания в контексте внешней и внутренней политики может быть проведение операций по дезинформации качественно иного уровня, включая «искажение информации о каком-либо событии, искажение слов или поведения отдельных лиц, либо изображение лиц, которых на самом деле не существует» [17]. Это явление вызывает большую тревогу у разведсообщества, поскольку значительно усложняет задачу определения подлинности аудио-, видеоматериалов и графических изображений [9].

В целом разведсообщество осознаёт, что ему сложно тягаться с частными компаниями и Министерством обороны в сфере ИИ. Поэтому, чтобы избежать дублирования в разработке систем, оно намерено сосредоточиться главным образом на решении своих специфических задач, «куда частный сектор инвестирует неохотно». При этом спецслужбы, как и военные, намерены организовать широкую кооперацию и сотрудничать с другими ведомствами, ИТ-компаниями, университетами, федеральными научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими центрами МО (*DoD's federally funded research and development centers, FFRDCs*), национальными лабораториями и международными партнёрами. Они нуждаются во взаимном обмене данными с ИТ-индустрией и привлечении квалифицированных кадров. Однако специфика процедуры госзакупок снижает интерес коммерческих компаний к сотрудничеству с госструктурами. Для исправления этой ситуации разведсообщество намерено изменить, сделать более гибким свой подход к организации государственно-частного партнёрства.

В области международного сотрудничества спецслужбы США отдают приоритет взаимодействию со странами, которые входят в разведывательный альянс «Пять глаз» (*Five Eye*). Цели американцев в данном случае традиционно прагматичные. Они рассчитывают на: (1) расширение своих возможностей по сбору данных; (2) повышение качества и количества последних; (3) доступ к результатам их обработки союзниками; (4) согласование в рамках альянса подходов к использованию новых технологий и обеспечение совместимости различных ИИ-систем.

Авторы стратегии фактически признают, что, несмотря на развитие в мире отрасли искусственного интеллекта, разведсообщество не готово к внедрению таких технологий и ему требуется проведение серьёзной подготовительной работы.

Тем не менее, в принятой стратегии прямо поставлена задача внедрения ИИ в специальных службах, поэтому с 2019 г. участники разведсообщества начали включать её в свои собственные стратегии. Первыми стали Национальная разведывательная стратегия США 2019 г. (*The National Intelligence Strategy of the United States of America 2019*) [18] и Национальная контрразведывательная стратегия США на 2020–2022 гг. (*National Counterintelligence Strategy of the U.S. 2020-2022*) [19], [20].

ПОЗИЦИЯ КОНГРЕССА США

Американские законодатели полностью поддерживают энтузиазм силовых ведомств относительно использования технологий искусственного интеллекта в

интересах «национальной безопасности США». Это выражается в приоритетном обеспечении законодательной и финансовой поддержки такой деятельности, несмотря ни на какие межпартийные разногласия по иным вопросам.

Так, в соответствии с предписанием закона «Об оборонном бюджете» на 2019 фин. г., для оценки достижений и определения направлений дальнейшего развития государственных работ в области ИИ была создана Комиссия национальной безопасности по искусственному интеллекту под руководством Э. Шмидта. Она начала работу в марте 2019 г., и её задачей является рассмотрение методов и средств, необходимых для развития Соединёнными Штатами таких технологий в интересах национальной безопасности. Оценке подлежал широкий спектр вопросов: конкурентоспособность США в этой области; средства и методы поддержания ими своего технологического преимущества; ситуация в мире с работами и достижениями в сфере ИИ; риски, связанные с их практическим использованием, включая проблемы применения положений международного права и влияние на развитие конфликтов; способы привлечения специалистов; а также этические вопросы [21].

В конце 2019 г. Дональд Трамп подписал закон «Об оборонном бюджете» на 2020 фин. г. (NDAA-2020) [17]. В этом документе большое внимание уделено вопросам развития технологий ИИ и машинного обучения в США и мире, а также потенциальным угрозам национальной безопасности.

По мнению Конгресса, технический прогресс (в том числе в области ИИ) будет только усложнять выявление мошеннических аккаунтов и материалов, которые искажают представление о реальных событиях. Серьёзные опасения у законодателей вызывают упомянутые выше дипфейки, сам факт появления которых является прямым результатом использования ИИ. Всё труднее будет выявлять «вредоносное поведение» в социальных сетях. Отмечено существование проблемы защиты самого ИИ от атак, направленных на искажение результатов его работы.

В связи с этим закон «Об оборонном бюджете» 2020 г. содержит ряд предписаний американским силовым структурам по реагированию на эти вызовы.

Задача Национальной разведки в данном контексте заключается главным образом в оценке ситуации в мире и США. Законодателей интересует: анализ потенциального влияния дипфейков на национальную безопасность; обзор существующих и потенциальных методов их использования иностранными государствами; технические возможности последних в этой сфере.

В первую очередь, речь идёт о России и Китае. Директор Национальной разведки должен предоставить: отчёт о потенциале РФ и КНР в области не только создания, но и выявления дипфейков; описание их деятельности по этому направлению; характеристику государственных и сотрудничающих с государством структур обеих стран, которые участвуют в таких работах.

Для оценки собственных возможностей директору Национальной разведки поручено:

- проанализировать основные инициативы спецслужб в области ИИ, их соответствие упомянутой стратегии разведсообщества, степень координации с работами военных и практику использования коммерческих технологий;

- подготовить обзор технологий для атрибуции и противодействия использованию дипфейков, которые могут быть или уже разработаны и развёрнуты в США в интересах государства. Документ должен включать описание деятельности разведсообщества в этой сфере;

- для стимулирования таких исследований и их коммерциализации организовать через Агентство перспективных исследований в сфере разведки соревнования среди разработчиков технологий автоматического распознавания дипфейков.

На фоне упомянутых заявлений о необходимости активизации научно-технической разведки США намерены усилить защиту своих собственных особенно важных (*sensitive*) изысканий в различных областях науки и техники. Это относится к работам вузов, которые получают государственное финансирование (в любых объёмах и на любые цели). Директор Национальной разведки должен подготовить перечень иностранных субъектов, которые в контексте таких исследований представляют шпионскую или иную угрозу национальной безопасности. В список могут попасть государства, корпорации, некоммерческие и коммерческие организации, любые дочерние или аффилированные с ними структуры. Учёту подлежат «любые известные или предполагаемые попытки иностранных субъектов оказать давление на указанные вузы, включая ограничение свободы слова, распространение дезинформации, оказание влияния на профессорско-преподавательский состав, исследователей и студентов». Для противодействия этому спецслужбам поручено организовать сотрудничество с вузами и разработать необходимые правовые или административные меры [17].

По сути, речь идёт о том, что американское государство намерено усилить контрразведывательное обеспечение деятельности своих научных кругов и взять их деятельность под усиленный контроль со стороны специальных служб. Важно отметить, что научное сообщество признаёт существование угрозы, готово к сотрудничеству с разведсообществом и, в свою очередь, ожидает от него рекомендаций по обеспечению безопасности [22].

Наконец, оборонный бюджет на 2021 фин. г. предписывает разведсообществу обеспечить информационное сопровождение ряда задач других ведомств.

Так, получила новую редакцию статья закона «Об обороне» 2019 г. о создании «Инициативы по защите учёных, работающих в интересах национальной безопасности, от неправомерного влияния и других угроз безопасности». Сама инициатива нацелена на защиту как информации о технологиях и разработках, важных для обеспечения национальной безопасности США, так и соответствующих специалистов. Она относится в первую очередь к работам в интересах военных. Поэтому за её реализацию отвечает Министерство обороны вместе с «академическими и иными образовательными и научными организациями». Среди прочего ведомство должно подготовить два списка, в работе над которыми МО будет оказывать содействие Национальная разведка.

Первый будет содержать перечень академических институтов Китая, России и иных стран, если они, по мнению США, отвечают определенным критериям. Во-первых, если они уже были замечены в «неправомерной передаче технологий, краже интеллектуальной собственности, шпионаже (в том числе с использованием киберпространства)» в области достижений науки и техники, или если есть риск таких действий с их стороны. Во-вторых, если подчиняются военным или разведывательным службам. В-третьих, если «уличены в привлечении иностранных граждан к передаче сведений для продвижения работ военных или разведки» либо «в попытках скрыть связь с ними отдельного индивида или организации» [23].

Второй список касается «иностранных программ подготовки кадров (*foreign talent programs*), которые угрожают интересам национальной безопасности США». В этом контексте разведсообщество прямо не упоминается, однако его представители с большой вероятностью войдут в число «соответствующих государственных ведомств» (*appropriate Government agencies*), которые должны помочь МО в составлении перечня. В него будут включены программы, которые «угрожают исследованиям, финансируемым Министерством обороны»; «содействуют или вовлечены в кибератаки, кражу, шпионаж, попытки получить права собственности или инструменты влияния на компании, либо вмешиваются в дела США иным образом». Основанием для включения в список могут стать и иные причины на усмотрение министра обороны.

Оба документа будут несекретными, хотя могут иметь секретные приложения. Закон требует от военных предоставлять их оборонным комитетам Конгресса не реже раза в год и публиковать на своём общедоступном интернет-сайте [23]. Всё это говорит о том, что предназначены они не только (а, возможно, и не столько) для защиты американской науки, сколько для использования во внешнеполитических целях, например, как основание для введения очередных санкций.

Закон «Об оборонном бюджете» 2021 г. учреждает также Национальную инициативу в области ИИ (*National Artificial Intelligence Initiative*) для координации всех государственных усилий по этому направлению. Её смысл заключается в обеспечении взаимного информирования гражданских госструктур, МО и разведсообщества о мероприятиях, предпринимаемых участниками таких работ [23].

Инициатива предусматривает создание двух структур. Первая – это Национальный консультативный комитет по ИИ (*National Artificial Intelligence Advisory Committee*). Он будет консультировать президента США и администрацию Инициативы (*National Artificial Intelligence Initiative*). За его создание отвечает Министерство торговли [23].

Вторая – это Рабочая группа по обеспечению необходимыми ресурсами национальных исследований в области ИИ (*National AI Research Resource Task Force*). За неё отвечают Национальный научный фонд и Управление научно-технологической политики Белого дома (*Office of Science and Technology Policy*) [23].

В обоих случаях к работе будет привлекаться Национальная разведка.

РЕКОМЕНДАЦИИ КОМИССИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПО ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ

В январе 2021 г. Комиссия Национальной безопасности по искусственному интеллекту опубликовала проект своего итогового отчёта, ради которого она и была организована. Документ содержал черновую редакцию основных выводов и рекомендаций о том, как Соединённым Штатам обустроить свою ИИ-отрасль.

В марте 2021 г., как и было предусмотрено законом «Об оборонном бюджете» на 2019 фин. г., была опубликована уже чистовая версия этого отчёта (*Final Report*). Она дополнена детальным планом мероприятий (включая проекты текстов президентских указов и законов), которые Комиссия рекомендует осуществить для реализации своих рекомендаций. Общий объём отчёта составляет 756 страниц. Для сравнения объём черновика - только 130 страниц.

Комиссия провела действительно титаническую работу по оценке всех сфер создания и применения, как самого ИИ, так и связанных с ним технологий. Один из разделов посвящён использованию ИИ в интересах разведывательного сообщества США.

Согласно тексту отчёта, из всех направлений использования технологий ИИ в области национальной безопасности разведсообщество выиграет от их внедрения больше и быстрее остальных. Ведь основная, по мнению спецслужб и военных, задача ИИ совпадает с задачами разведки и заключается в сборе и обработке данных, объёмы которых из-за распространения информационных технологий уже выросли многократно. И этот рост продолжается. В связи с этим производительности традиционных способов обработки становится недостаточно.

Отчёт рисует прекрасное (для стран-обладателей технологии) будущее ИИ: «Машины будут просеивать массивы данных, собранных из всех источников, находить критическую информацию, выступать в качестве переводчиков, объединять наборы данных из разных областей, выявлять корреляции и связи, перенаправлять ресурсы и информировать аналитиков и лиц, принимающих решения» [24]. Конечно, к этому надо относиться со здоровой долей скепсиса. Однако, с чем современные ИИ действительно справляются хорошо, так это со сбором и обработкой информации.

Комиссия настаивает на необходимости решения государством амбициозной задачи: достичь готовности к внедрению ИИ в разведсообществе к 2025 г. (*AI-Ready by 2025*). Это означает такое состояние последнего, при котором «личный состав членов разведсообщества имеет необходимую подготовку и обладает базовым уровнем цифровой грамотности, доступом к цифровой инфраструктуре (*IC Information Technology Environment*) и программному обеспечению, которые интегрируют ИИ в рабочий процесс ведомств на всех этапах работы» [24].

В целом основная идея внедрения ИИ в разведсообществе описана в итоговом отчёте Комиссии следующим образом. «После завершения автоматизации рабочего процесса по отдельным видам своей работы, сообществу необходимо объединить их в единый непрерывный цикл анализа разрозненных и разнород-

ных данных, поступающих из всех источников, с помощью единой архитектуры непрерывно обучающихся аналитических механизмов (*continually learning analytic engines*)». Взаимное дополнение способностей человека и машин в этом случае должно позволить извлекать из данных такую информацию, которую человек извлечь не способен. В результате должна значительно повыситься точность прогнозов о грядущих угрозах. Такой комплексный анализ должен стать новым стандартом. «С улучшением качества аналитической работы машин, им следует отдавать всё большую её часть» [24].

Интересно, что в черновике финального отчёта всё это было оформлено в виде цели, которая была сформулирована как «полноценное внедрение ИИ в разведсообществе к 2030 г.» (*The Goal: AI-Enabled Intelligence by 2030*) [25]. Однако, по всей видимости, Комиссия в итоге посчитала, что характер нерешённых технических проблем и ситуация в самих ведомствах делают вероятность достижения этой цели в указанные сроки настолько низкой, что временные рамки были убраны. Тем не менее, Комиссия рекомендует максимально внедрять автоматизацию – от обязательной первичной обработки данных машинными средствами до распространения и обработки информационных материалов разведсообщества без участия человека. Сами материалы обязательно должны иметь две версии: для человека (*human-readable*) и для машин (*machine-readable*). Это кардинально изменит не только подходы к работе, но и инструментарий разведки – перспективные системы «должны быть оптимизированы для сбора и обработки данных с помощью ИИ». Кроме того, это с большой вероятностью приведёт к переходу разведсообщества на стандартное и унифицированное ПО.

Однако, несмотря на технические проблемы, двумя главными препятствиями остаются бюрократические препоны и дефицит кадров, которые усугубляют друг друга.

Итоговый отчёт говорит, что, несмотря на проведённую разведсообществом работу, «всё ещё много серьёзных препятствий на уровне властей/регулирующих органов, политики, бюджетов, обмена данными и технических стандартов». В первом промежуточном отчёте, опубликованном в конце 2019 г., оценка была гораздо жёстче. Тогда члены Комиссии отмечали, что и военные, и специальные службы на словах признают важность ИИ для своей работы, но на практике мало что делают для их внедрения [22].

Для исправления ситуации Комиссия рекомендует провести ряд организационных изменений и назначений, поскольку «инновации в области национальной безопасности требуют сильного лидерства, если нет стимулов вроде полномасштабной войны или террористической атаки» [24].

Во-первых, офис директора Национальной разведки должен создать Совет по управлению ключевыми рисками в области ИТ-модернизации (*IT modernization Senior Risk Management Council*) спецслужб.

Во-вторых, директор по науке и технологиям (*Director of Science and Technology*) ODNI должен быть параллельно назначен на должность главного технического

директора всего разведсообщества (*IC's Chief Technology Officer, CTO*). Он будет отвечать за координацию всех вопросов, связанных с технологиями.

Комиссия очередной раз указывает на необходимость координации работ с военными, чтобы избежать дублирования, обеспечить совместимость систем, организовать быстрый и безопасный способ обмена данными.

Страх понести наказание за последствия ошибок работы ИИ представляет собой главное (после бюрократических препон) препятствие для внедрения таких технологий. Никто не хочет брать на себя ответственность за такие ошибки, вероятность, область появления, характер и опасность которых достоверно неизвестна. Более того, неизвестно даже, возможно ли снизить степень этой неизвестности. Поэтому Комиссия в свойственных отчёту выражениях аккуратно говорит о нахождении баланса между уровнем риска ненормальной работы новых технологий и риском отставания от противника из-за опоздания в их внедрении. По сути же рекомендуется снизить требования к безопасности и надёжности работы таких систем, чтобы максимально быстро принять их на вооружение.

Комиссия подтверждает необходимость активизировать «сбор данных по линии научно-технической разведки (*S&TI*) для правильной оценки потенциала противника». Однако тут возникает проблема недостаточного общего уровня подготовки личного состава для анализа таких данных. Для исправления ситуации и курирования этого направления директору Национальной разведки рекомендуется назначить ответственного за сбор разведданных по новым технологиям (*Emerging Technology Collection Executive*) в составе Национального совета по разведке (*National Intelligence Council*). Решить проблему дефицита кадров гораздо сложнее, чем преодолеть бюрократию. Причина, во-первых, в очень длительном сроке подготовки технических специалистов и низком качестве образования в области точных наук (*science, technology, engineering, and mathematics, STEM*) в США, о чём Комиссия также постоянно говорит.

Во-вторых, ИТ-специалисты не очень охотно идут работать в госструктуры.

Прежде в качестве основной причины рассматривалось то, что на госслужбе оплата ниже, чем в ИТ-компаниях. Чтобы скомпенсировать это, в упомянутом первом промежуточном отчёте Комиссия рекомендовала пропагандировать важность госслужбы и упираться на гражданскую сознательность потенциальных сотрудников, показывая «притягательные способы внести свой вклад в общество, решая исключительно сложные и важные проблемы» [22]. Однако итоговый отчёт говорит, что главная причина не в этом. На госслужбе такие специалисты сталкиваются с бюрократией и, как следствие, с ситуацией, когда доступный им инструментарий успевает устареть, прежде чем они получают право использовать его для работы. К этому добавляется то, что, по мнению главного советника АНБ, «миллениалы верят, что технологии в частном секторе теперь позволяют им помочь изменить мир», хотя прежде такое желание могла удовлетворить в первую очередь госслужба [22].

При желании поступить на госслужбу специалисты сталкиваются с тем, что кадровики «играют чрезмерную роль в процессе оценки соответствия кандида-

тов требованиям и часто страдают формализмом – полагаются на неточные описания должностей, а не на понимание технических требований к должности» [22]. Сами ведомства не используют свои полномочия на применение специальных механизмов найма (включая, например, право найма специалистов без конкурса или организации стажировок и стипендиальных программ).

Комиссия отмечает, что технические специалисты в области ИИ будут составлять меньшую часть общего персонала разведсообщества. Однако оставшаяся большая часть всё равно должна понимать основы политики, функциональности и применения ИИ, чтобы эффективно использовать возможности технологий. И обязательно нужны руководители всех уровней, которые понимают особенности использования, ограничения и сильные стороны ИИ [22]. Кроме того, для понимания потенциала личного состава (включая резервистов) службам рекомендуется провести его оценку и создать систему поощрения за обладание навыками в области ИТ и ИИ [22].

На этом фоне лидерами в области ИИ-технологий были и остаются частные компании. Они развиваются быстрее госсектора из-за отсутствия столь жёстких требований по безопасности и надёжности систем. В силу лучшей оплаты труда и технической оснащённости являются более привлекательным местом работы для специалистов. Кроме того, в случае утечек данных или каких-либо иных проблем, государственные структуры всегда могут откеститься от них (по аналогии с потерями личного состава частных военных компаний), указав, что вся вина лежит на подрядчике, который не организовал работу должным образом. Возможно, последнее обстоятельство даже является одним из ключевых препятствий для внедрения ИИ в госструктурах. Руководство последних и так всё устраивает, и у него не возникает желания проявить политическую волю для реального преодоления остальных проблем. В связи с этим разведсообщество всегда будет заинтересовано в привлечении коммерческих компаний для выполнения своих задач. Подрядчики, в свою очередь, не останутся без персонала и работы. Тем более, что ИИ-системы для разведки по открытым источникам информации позволяют коммерческим компаниям добиваться настолько серьёзных результатов, что Комиссия настоятельно рекомендует спецслужбам максимально интегрировать эти методы в существующие процессы работы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разведсообщество вместе с вооружёнными силами являются главными государственными потребителями технологий в области искусственного интеллекта в США. Сейчас они сталкиваются с серьёзными проблемами внедрения таких систем из-за недостатка специалистов, отсутствия подходящей технической инфраструктуры и организационных вопросов, включая большую инертность бюрократической системы, сопротивляющейся любым инновациям.

Тем не менее, руководством США поставлена задача внедрить ИИ в специальных службах. Конгресс, несмотря на межпартийные противоречия, также не ста-

вит под сомнение важность её решения. Для выявления проблем, “перспектив и путей развития отрасли была создана Комиссия национальной безопасности по искусственному интеллекту, в составе которой практически нет случайных людей. Подавляющее большинство её членов – это ведущие специалисты по ИИ крупнейших ИТ-компаний США. Возглавляет её Эрик Шмидт, человек, под чьим руководством «Гугл» стала той корпорацией, которую мы знаем сегодня, и тот, кто одним из первых забил тревогу по поводу развития ИИ в мире и опасности для США упустить лидерство в этой сфере. Должность его заместителя занимает Роберт Уорк, который в бытность заместителем министра обороны США дал старт первой пилотной программе использования ИИ в вооружённых силах.

Комиссия развернула активную работу и по итогам своей деятельности не просто написала отчёт с общими словами, а подготовила большое число детально разработанных мер и законопроектов. В этом видна явная заинтересованность участников в реальном достижении результата – широком внедрении ИИ на практике, в том числе в разведсообществе, несмотря ни на какое сопротивление системы. Комиссия подчеркивает, что «ИИ – это квинтэссенция технологий двойного назначения» [24] и опоздание в его внедрении крайне опасно.

Однако в отчёте прослеживается и стремление пролоббировать интересы ИТ-индустрии. Документ даёт описание максимально успешного варианта развития технологий, которые вряд ли могут оставить равнодушным высокое начальство. В то же время, признавая серьёзные технические и этические проблемы внедрения и использования ИИ, Комиссия, по сути, рекомендует любой ценой снизить требования по безопасности к таким системам. Причём при отсутствии конструктивных аргументов, она использует универсальный довод – интересы национальной безопасности США.

Сегодня в области ИИ происходит обратная конверсия: технологии, доведённые коммерческими компаниями до готовности к практическому использованию, ставятся на военно-разведывательные рельсы.

Интересно, что речь идёт о технологиях, обоснованные предостережения о возможных путях использования которых прежде вызывали обвинения в конспирологии. Например, в ответ на вопросы относительно потенциальных технических возможностей и реальных целей ИТ-корпораций говорилось, что «им не интересна политика». Защитники утверждали, что цель ИТ-бизнеса – всего лишь максимально эффективно продать вам то, что вам и так нужно.

Теперь же мир увидел, как ИТ-гиганты прямо и открыто вмешиваются в политику, не только отключая аккаунт в соцсетях президенту Трампу, но и наполняя своими людьми переходную команду Байдена [26].

О возможностях технологий (наиболее современными из которых обладают как раз американские ИТ-компании), написала в своём отчёте сама Комиссия: «рекламные технологии (*AdTech*) стали технологиями национальной безопасности (*NatSecTech*)» [24]. Речь идёт об ИИ, который представляет собой «мощный инструмент таргетирования». Прежде оно «влияло на отношения бизнеса и покупателей, теперь – на отношения между правительствами и отдельными людьми».

В связи с этим Комиссия выражает опасение, что «систематический сбор данных о компаниях, гражданах и государственных структурах США – это больше чем традиционный шпионаж». «ИИ усложняет сокрытие информации о личном финансовом положении, распорядке дня, привычках, отношениях, здоровье и даже эмоциях, если не предпринимать адекватных мер по защите информации». И новая проблема заключается в том, что «уязвимости отдельных граждан и частных компаний становятся слабостями национальной безопасности, поскольку противник может: получить характеристику людей, сетей и социальных напряжений или раскола; предсказывать их ответные реакции на различные внешние воздействия; и, в итоге, проводить моделирование вариантов наиболее выгодного ему манипулирования поведением или нанесения ущерба. Развитие и распространение этих методов является главной проблемой для контрразведки».

Интересно, что об этом же ещё в 2017 г. рассказал эксперт в области ИТ Евгений Черешнев [27]. Тогда многие восприняли его выступление как алармизм. Сегодня об этом прямо пишут ведущие специалисты – действующие и бывшие сотрудники «Гугл», «Амазон», «Оракл», «Ин-кью-тел», Минобороны США под руководством бывшего главы «Гугл» и бывшего замминистра обороны, открывшего дорогу искусственному интеллекту в американские вооружённые силы, – которые и составляют Комиссию национальной безопасности по ИИ.

ИСТОЧНИКИ

1. Разведопрос: Герман Клименко, советник президента РФ // Канал Дмитрия Пучкова на Youtube. 2016. 30 августа. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=KjQk2_iGdMo (accessed 08.04.2021).
2. Extradition To and From the United States: Overview of the Law and Contemporary Treaties // Congressional Research Service. 2016. 4 October. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/RL/98-958#page=39&zoom=auto,-457,786> (accessed 23.03.2021).
3. Предупреждение для граждан России, выезжающих за границу, в связи с угрозой со стороны США (1311-28-08-2020) // Официальный сайт МИД РФ. 2020. 8 августа. Available at: https://www.mid.ru/web/guest/maps/us/-/asset_publisher/unVXBbj4Z6e8/content/id/4303492 (accessed 23.03.2021).
4. Tucker P. Russian Arms Production Slowed by Coronavirus, Analysts Find // Defense One. 2020. May 1. Available at: <https://www.defenseone.com/technology/2020/05/russian-arms-production-slowed-coronavirus-analysts-find/165071/> (accessed 03.05.2020).
5. 10 U.S. Code § 467 – Definitions // Legal Information Institute of Cornell Law School. Available at: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/10/467> (accessed 09.04.2021).
6. WSJ: исследователи из США следили за военными объектами в России с помощью мобильных // ИноТВ. 2020. 19 июля. Available at: <https://russian.rt.com/inotv/2020-07-19/WSJ-issledovateli-iz-SSHA-sledili> (accessed 22.12.2020).

7. Machine Learning // The Next Wave. Vol. 22. No. 1. 2018. Available at: <https://www.nsa.gov/Portals/70/documents/resources/everyone/digital-media-center/publications/the-next-wave/TNW-22-1.pdf> (accessed 12.04.2019).

8. Machine Learning // The Next Wave. Vol. 22. No. 2. 2019. Available at: https://www.nsa.gov/Portals/70/documents/resources/everyone/digital-media-center/publications/the-next-wave/TNW_22-2.pdf (accessed 12.04.2019).

9. The AIM Initiative. A strategy for augmenting intelligence using machines // Office of the Director of National Intelligence. 2019. 16 January. Available at: <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/AIM-Strategy.pdf> (accessed 25.01.2020).

10. Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence: Executive Order 13859 of February 11, 2019 // Federal Register. Available at: <https://www.federalregister.gov/documents/2019/02/14/2019-02544/maintaining-american-leadership-in-artificial-intelligence> (accessed 06.02.2020).

11. Summary of the 2018 Department of Defense Artificial Intelligence Strategy // U.S. Department of Defense. 2019. 12 February. Available at: <https://media.defense.gov/2019/Feb/12/2002088963/-1/-1/1/SUMMARY-OF-DOD-AI-STRATEGY.PDF> (accessed 25.01.2020).

12. H.R.1540 – National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2012. SEC. 4601 // The official website for U.S. federal legislative information Congress.gov. Available at: <https://www.congress.gov/bill/112th-congress/house-bill/1540/text> (accessed 11.02.2019).

13. H.R.4310 – National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2013. SEC. 4601 // The official website for U.S. federal legislative information Congress.gov. Available at: <https://www.congress.gov/bill/112th-congress/house-bill/4310/text> (accessed 11.02.2019).

14. H.R.3304 – National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2014. SEC. 4601 // The official website for U.S. federal legislative information Congress.gov. Available at: <https://www.congress.gov/bill/113th-congress/house-bill/3304/text> (accessed 11.02.2019).

15. S.1356 – National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2016. SEC. 2404 // The official website for U.S. federal legislative information Congress.gov. Available at: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/senate-bill/1356/text> (accessed 11.02.2019).

16. In-Q-Tel: A New Partnership Between the CIA and the Private Sector // Central Intelligence Agency. Available at: <https://www.cia.gov/library/publications/intelligence-history/in-q-tel> (accessed 23.05.2020).

17. S.1790 – National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2020 // Congress.gov. The official website for U.S. Federal Legislative Information. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1790/text> (accessed 25.01.2020).

18. National Intelligence Strategy of the United States of America // Office of the Director of National Intelligence. 2019. 22 January 2019. Available at: https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/National_Intelligence_Strategy_2019.pdf (accessed 25.03.2020).

19. National Counterintelligence Strategy of the United States of America 2020-2022 // Office of the Director of National Intelligence. 2020. 13 February. Available at:

https://www.dni.gov/files/NCSC/documents/features/20200205-National_CI_Strategy_2020_2022.pdf (accessed 19.02.2020).

20. NCSC Unveils the National Counterintelligence Strategy of the U.S. 2020-2022 // Office of the Director of National Intelligence. 2020. 13 February. Available at: https://www.dni.gov/files/NCSC/documents/features/20200207-National_CI_Strategy_Press_Release.pdf (accessed 19.02.2020).

21. H.R.5515 – John S. McCain National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2019. Sec. 1051 // Congress.gov. The official website for U.S. Federal Legislative Information. Available at: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/5515/text> (accessed 09.04.2021).

22. Interim Report // National Security Commission on Artificial Intelligence. 2019. November. Available at: <https://drive.google.com/file/d/153OrxnuGEjsUvLxWsFYauslwNeCEkvUb/view> (accessed 28.01.2020).

23. H.R.6395 - National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2021. SEC. 1299C // Congress.gov. The official website for U.S. Federal Legislative Information. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6395/text/> (accessed 08.04.2021).

24. Final Report // National Security Commission on Artificial Intelligence. 2021. March. Available at: <https://reports.nscai.gov/final-report/table-of-contents/> (accessed 28.01.2020).

25. Draft Final Report, P. 57 // National Security Commission on Artificial Intelligence. 2021. 19 January. Available at: https://drive.google.com/file/d/1XT1-vygg8TNwP3I-ljMkP9_MqYh-ycAk/view (accessed 22.03.2021).

26. Селянин Я.В. Facebook и Twitter удаляют Трампа: о чём стоит задуматься демократам // Сайт ИМЭМО РАН. 2021. 22 января. Available at: <https://www.imemo.ru/news/events/text/facebook-i-twitter-udalyayut-trampa-o-chiom-stoit-zadumatysya-demokratam> (accessed 07.04.2021).

27. Евгений Черешнев, «человек-киборг», о влиянии технологий на жизнь обычного человека (2017г.) // Канал Форума «Следующие 20 лет» на Youtube. 2020. 13 апреля. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=j4OMoCvMeFI> (accessed 07.04.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Селянин Я.В. 2019а. Военно-промышленная политика США в области высокопроизводительных вычислений: цели, задачи, перспективы. *Проблемы национальной стратегии*. № 3 (54). С. 179–201. Available at: <https://riss.ru/documents/800/732c9e54a1754d019edad10b66ecdfe3.pdf> (accessed 23.05.2020).

Селянин Я.В. 2019b. Технологическое лидерство, роль государства и неоднозначность цифр в высокотехнологических областях на примере военно-промышленной политики США в области высокопроизводительных вычислений. *Проблемы национальной стратегии*. № 5 (56). С. 137–166. Available at: <https://riss.ru/documents/827/1d677d3157534c1b81af606950fc5d91.pdf> (accessed 23.05.2020).

Селянин Я.В. 2020а. Государственная политика США в области искусственного интеллекта: цели, задачи, перспективы реализации. *Проблемы национальной стратегии*. № 4 (61). С. 140–163. Available at: <https://riss.ru/documents/1591/07.pdf> (accessed 07.09.2020).

Селянин Я.В. 2020b. Политика США по использованию искусственного интеллекта в интересах военных. *Россия и Америка в XXI веке*. Выпуск №4. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760013351-3-1/> (accessed 01.04.2021). DOI: 10.18254/S207054760013351-3

REFERENCES

- Kegelmeyer W.P. 2019. Adversarial issues in machine learning. *The Next Wave*. Vol. 22. No. 2. P. 10-14. Available at: https://www.nsa.gov/Portals/70/documents/resources/everyone/digital-media-center/publications/the-next-wave/TNW_22-2.pdf (accessed 12.04.2019).
- Selyanin Y.V. 2019a. Voenno-promyshlennaya politika SShA v oblasti vysokoproizvoditel'nykh vychislenii: tseli, zadachi, perspektivy [The U.S. Military-Industry Policy in the Area of High-Performance Computing: Aims, Objectives, Prospects] (In Russ.). *National Strategy Issues*. No. 3. P. 179–201. Available at: <https://riss.ru/documents/800/732c9e54a1754d019edad10b66ecdfe3.pdf> (accessed 23.05.2020).
- Selyanin Y.V. 2019b. Tekhnologicheskoe liderstvo, rol' gosudarstva i neodnoznachnost' tsifr v vysokotekhnologichnykh oblastiakh na primere voenno-promyshlennoi politiki SShA v oblasti vysokoproizvoditel'nykh vychislenii [Technological Leadership, State Participation, and Ambiguity of Numbers in the Area of High Technologies: the Case of the U.S. Military-Industry Policy in the Area of High Performance Computing] (In Russ.). *National Strategy Issues*. No. 5. P. 137–166. Available at: <https://riss.ru/documents/827/1d677d3157534c1b81af606950fc5d91.pdf> (accessed 23.05.2020).
- Selyanin Y.V. 2020a. Gosudarstvennaya politika SShA v oblasti iskusstvennogo intellekta: tseli, zadachi, perspektivy realizatsii [The U.S. National Policy in the Area of Artificial Intelligence: Aims, Objectives and Prospects for Realization] (In Russ.). *National Strategy Issues*. No. 4. P. 140–163. Available at: <https://riss.ru/documents/1591/07.pdf> (accessed 07.09.2020).
- Selyanin Y.V. 2020b. Politika SShA po ispol'zovaniyu iskusstvennogo intellekta v interesakh voennykh [U.S. Policy of the Artificial Intelligence Using in the Interests of the Military]. (In Russ.) *Russia and America in the 21st Century*. No. 4. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760013351-3-1/?sl=en> (accessed 01.04.2021). DOI: 10.18254/S207054760013351-3
- Whyte C. 2020. Problems of Poison: New Paradigms and “Agreed” Competition in the Era of AI-Enabled Cyber Operations // *20/20 Vision: The Next Decade* / The NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. 2020. P. 2015–232. Available at: https://ccdcoe.org/uploads/2020/05/CyCon_2020_book.pdf (accessed 23.05.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СЕЛЯНИН Ярослав Владиславович, научный сотрудник Центра североамериканских исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН.

Российская Федерация, Москва, 117997, Профсоюзная ул., 23.

Yaroslav V. SELYANIN, Research Fellow, Center for North American Studies, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.

23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russian Federation, 117997

Поступила в редакцию / Received 31.03.2021

Поступила после рецензирования / Revised 15.04.2021

Принята к публикации / Accepted 22.04.2021

УДК 338.23:504

DOI: 10.31857/S268667300015220-2

Климатическая повестка демократов и использование в США природосберегающих технологий

А.А. Шлихтер

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН).

Российская Федерация, 117797 Москва, ул. Профсоюзная, 23

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9531-0885> e-mail: shlihter.alexey@yandex.ru

Резюме: В статье показана сущность климатической повестки американских демократов, дается оценка участия компаний США в освоении дружественных природе технологий рециркуляции твердых промышленных и бытовых отходов, сокращения, хранения и переработки выбросов тепличных газов и энергосбережения. Оценивается потенциальная роль новых технологий в глубокой перестройке экономики, базовым принципом которой должно стать сбалансированное соразвитие с окружающей природной средой. Процесс перехода к экономике средосберегающего типа трудно переоценить, имея в виду его огромную роль, в первую очередь, в плане ослабления давления на биосферу, а также перспективу истощения коричневых углеводородов, существенно меняющих рыночную среду.

Ключевые слова: климатические и антропогенные факторы, экологическое равноправие, экологические риски, рынок природосберегающих технологий, повышение энергоэффективности, экологические отчёты, зелёные сертификаты, парниковые газы, эмиссионные нормативы, биотопливо

Для цитирования: Шлихтер А.А. Климатическая повестка демократов и использование в США природосберегающих технологий. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2021; 51(6): 71-88. DOI: 10.31857/S268667300015220-2

Democratic Climate Agenda and US Environmental-Friendly Technologies

Alexey A. Shlikhter

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN)

2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9531-0885> e-mail: shlihter.alexey@yandex.ru

Abstract: The article shows the essence of the climate agenda of the American Democrats, assesses the participation of US companies in the development of environmentally friendly technologies for processing solid industrial and domestic waste, measures to reduce greenhouse gas emissions and energy conservation. The potential role of new technologies in deep economic restructuring is assessed, the basic principle of which should be balanced co-development with the natural environment. It is difficult to overestimate the process of transition to a nature-saving economy, bearing in mind its enormous role, first of all, in terms of easing pressure on the biosphere, as well as the prospects for the depletion of brown hydrocar-

bons, which significantly change the market environment. Therefore, companies need to develop a new paradigm for managing their own long-term development and competitiveness in the face of increasing resource and environmental constraint. The consequences associated with both anthropogenic activities and natural processes are increasingly causing concern not only for scientists, but also for the population of USA and many other countries. Among the clear signs of an imbalance in the ecosystem are a decrease in the area of forests and biodiversity, deterioration in the health of citizens caused by natural anomalies and environmental pollution. As a result, the planet is at risk of catastrophic damage. A separate section is devoted to the study of the role of ESG metrics in investment decisions, taking into account the accumulated experience of the United States and European countries. Provides a table with examples of ESG metrics that are taken into account by responsible investment funds when assessing the activities of companies. The author also raises the problem of utilization of harmful wastes in the USA, their processing and multiple use. All these issues need to be considered not in isolation but in a broad format of sustainable development.

Keywords: climatic and anthropogenic factors, environmental justice, ecological risks, the market of environmentally friendly technologies, energy efficiency improvement, environmental reports, green certificates, greenhouse gases, emission standards, biofuel

For citation: Shlikhter A.A. Democratic Climate Agenda and US Environmental Technology. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2021; 51(6):71-88.

DOI: 10.31857/S268667300015220-2

ВВЕДЕНИЕ

Влияние на окружающую среду (ОС) и здоровье населения антропогенных и климатических факторов является для США одной из ключевых проблем, имея в виду, что они являются вторым после Китая источником выбросов двуокиси углерода и метана в атмосферу и водную среду. Выбросы углерода в 2018 г. выросли на 3,4% после снижения на 24% с 2009 по 2016 г. благодаря введённому в действие при Б. Обаме «Плану по производству чистой энергии» (*Clean Power Plan*) [1]. В 2020 г. объём эмиссий сократился в США на 10% из-за промышленного спада на фоне пандемии коронавируса, в мировом масштабе это сокращение составило, по разным оценкам, от 4,2% до 7,5%, что, как считает П. Таалас, генеральный секретарь Всемирной метеорологической организации, «не более, чем крошечная точка на долгосрочном графике, тогда как необходимо устойчивое сглаживание кривой» [2]. Признаки нарушения баланса экосистемы США – уменьшение площади лесов в результате пожаров, которые внесли «вклад» в повышение уровня концентрации CO_2 из-за ограниченности его поглощения, и накопление промышленных и бытовых отходов.

Социально-правовой аспект экологической проблемы в США состоит в неравномерном распределении рисков между группами населения. В районах проживания бедноты и представителей национально-расовых меньшинств, как правило, экологическая обстановка оставляет желать лучшего: в них наблюдаются высокие профессиональные риски, концентрируются «грязные» производства и свалки токсических отходов. По итогам проведённого в Йельском университете (штат Коннектикут) анализа экологического неравенства, выходяцы из Ла-

тинской Америки подвергаются воздействию 10 из 14 известных загрязнителей, почти каждый второй латиноамериканец проживает в локациях, где воздух не соответствует санитарным нормам; афроамериканцы подвергаются воздействию 13 из 14 загрязнителей.

В Юнионтауне, штат Алабама, — в основном чёрном городе, — 2200 жителей жаловались в Агентство по охране окружающей среды (*Environmental Protection Agency, EPA*) в 2013 г. на отсутствие контроля Департамента управления окружающей средой Алабамы над огромной свалкой, содержащей 4 млн т угольной золы, которую жители обвиняли в дыхательных, почечных и других заболеваниях. Пять лет спустя Агентство отклонило жалобу, заявив, что жители не доказали, что свалка вызвала их проблемы со здоровьем [3].

Первая вспышка протеста возникла в округе Уоррен (штат Северная Каролина) в 1982 г., где небольшая община преимущественно с афроамериканским населением была выбрана местом незаконного размещения свалки токсичных отходов. С тех пор в Агентстве по охране окружающей среды функционирует Национальный консультативный совет по экологической справедливости (*National Advisory Council for Environmental Justice, NACEJ*), в обязанности которого входят консультации и рекомендации по включению принципа экосправедливости (*environmental justice, EJ*) в программы и политику Агентства по улучшению состояния ОС и здоровья жителей общин, несоразмерно обременённых экологическими рисками [Agyeman J. 2005: 25-26]. Однако предпринятые Агентством меры были редкими и разрозненными, а с приходом в Белый дом администрации Д. Трампа деятельность Совета практически сошла на нет.

НОВЫЙ ЗЕЛЁНЫЙ КУРС

Опыт прошлых лет показывает, что с приходом в Белый дом нового президента, чья партийная принадлежность отличается от присущей главе бывшей администрации, становится возможным обновление внутриполитической повестки. В феврале 2019 г., ещё до избрания Дж. Байдена президентом США, член Палаты представителей А. Окасио-Кортес представила резолюцию «зелёного нового курса» (*Green New Deal*). Его цель — за 10 лет «свести к нулю парниковые выбросы и добиться экономического процветания для всех». Для этого предполагается отказаться от «грязной энергии» нефти, газа и угля, отменить налоговые льготы на ископаемое топливо и перейти на «зелёную» энергетику. И хотя в резолюции не содержится каких-либо конкретных деталей, а на реализацию «зелёного нового курса» потребуется порядка 93 трлн долл., многие американские политики поддержали его. Планируется также создать отдел экологической справедливости (*EJ*) при Министерстве юстиции США и «разобраться в том, почему прошлые решения в области экологической политики терпели неудачу и вредили цветным сообществам» [4]. Дж. Байден подписал несколько указов о борьбе с изменениями климата, в числе прочего они предполагают, что правительство перестанет выдавать лицензии на бурение новых нефтяных и газовых

скважин на федеральных землях. По решению Байдена, к 2030 г. объёмы энергии, производимой в стране на офшорных ветряных электростанциях, должны удвоиться.

20 января 2021 г. президент США подписал *Указ об охране здоровья населения и окружающей среды*, содержащий задачи по обеспечению доступа к чистому воздуху и воде; наказанию загрязнителей окружающей среды, и в первую очередь тех, кто «непропорционально вредит цветным и общинам с низким уровнем дохода». Неделью спустя он же подписал *Указ о борьбе с климатическим кризисом*. По всей видимости, в течение четырёх лет климатическая повестка будет находиться в центре внимания Белого дома, федеральных агентств и Конгресса. Очевидно также, что изменения в экологической политике потребуют от компаний анализа негативных последствий для ОС их операций и конкретных мер по устранению экологического неравенства.

29 марта 2021 г. Белый дом назначил членов нового консультативного совета по экологической справедливости, который будет работать с другими группами в Администрации США. В его состав вошли: социолог Р. Буллард, лидер «Движения за экологическую справедливость» и противник «экологического расизма», Л. Адамс, основательница религиозной организации чернокожих американцев «Чёрные миллениалы» (*Black Millennials*), М. Пауэр из Массачусетской экологической группы «Зелёные корни» (*Green Roots*) и др. [5].

Повышенное внимание Байдена к климатической повестке отразилось в назначении своим специальным посланником по вопросам климата бывшего госсекретаря США Джона Керри, пообещав, что для администрации США состояние окружающей среды станет «определяющим при планировании внешней политики». Кандидатом на пост главы Агентства по охране окружающей среды был выдвинут Майкл Риган, главный экологический регулятор Северной Каролины, получивший высокую оценку за свою работу по продвижению экологической справедливости и последовательную политику в области защиты окружающей среды. Кроме того, президент собрал в Белом доме команду экспертов по климату: Б. Мэллори, эксперта по экологическому праву, которая возглавит Совет по качеству окружающей среды (CEQ), С. Мартинес, назначенной на должность старшего директора по вопросам экологической справедливости в этом Совете и Д. Маккарти, назначенной на должность национального советника по климату [3].

РЫНОК ПРИРОДОСБЕРЕГАЮЩИХ ТЕХНОЛОГИЙ

В свете означенных задач приобретает всё большее значение производство и широкое применение дружественных природе технологий, направленных не только на сокращение объёма углеродной экономики, но и на её глубокую перестройку в будущем. Американский рынок новых технологий включает переработку промышленных и бытовых отходов, новые способы обеспечения безопасной и доступной пищи и воды, бытовые системы кондиционирования, средства

защиты от загрязнения атмосферы, домашних и офисных помещений, почв, рек и океанов, использование принципиально новых видов топлива. Дополнительный толчок развитию «зелёных» технологий придала пандемия коронавируса. США, вслед за странами ЕС, намерены реализовать жёсткие программы минимизации вредных эмиссий, подтвердив стремление включить экологические составляющие в пакеты постковидного экономического восстановления [6].

Становится популярной в США идея циклической экономики (повторное вовлечение в оборот после утилизации бытовых и промышленных отходов). Предполагается, что уже более чем достаточно извлечено ресурсов из недр Земли, и теперь необходимо научиться ими грамотно распоряжаться. Это означает, что любой образующийся отход должен стать сырьём для производства новых товаров, максимально оставаясь в материальном цикле. На производство и использование технологий рециркуляции планируется затратить немалые средства, так как в США сегодня это направление одно из основополагающих в плане обеспечения сохранности ресурсов и уменьшения отходов на полигонах (зачастую выгоднее использовать именно вторсырьё, так как энергозатраты на производство из него конечного продукта снижаются на 50–80%).

Хотя США представляют лишь 4% мирового населения, на их долю приходится 12% глобального производства твёрдых бытовых отходов (ТБО), прежде всего пластика. При этом их рециркуляции сегодня подвергаются лишь 17% (к 2025 г. Агентство по охране окружающей среды планирует довести рециркуляцию отходов до 25%). Между прочим, доказано, что для производителей бороться с пластиком экономически выгодно, поскольку государство готово снизить налоговые ставки для «зелёного» бизнеса. Прирост образования ТБО в США произошёл ввиду повышательной динамики промышленного производства, роста потребления и высокого уровня урбанизации. По данным Всемирного банка, в 2019 г. уровень городского населения страны достиг 82,5% (271,4 млн человек), тогда как в 1960 г. горожане составляли 70% численности населения.

Наиболее опасным, прежде всего, для фауны рек, озёр и океанов является массовое использование в производстве товаров пластмассы, особенно, упаковок из жёсткого пластика (*Rigid Plastic Packaging Containers*). Если срок разложения органических отходов занимает в среднем 5 лет, то пластика – от 200 лет и больше. Свыше 80% мусора попадает со свалок в Мировой океан. Если бумага, металлы, остатки продуктов и текстиль тонут или быстро разлагаются, то пластик остаётся дрейфовать на поверхности. Неконтролируемое производство и безудержное потребление пластиков привели к образованию в Мировом океане огромных мусорных континентов, их площадь постоянно растёт, отравляя океаническую фауну и создавая экосистемы автономного биоценоза. Люди повсеместно употребляют в пищу токсичные морепродукты. Проблему усугубляет микропластик, остатки которого учёные обнаруживают в питьевой воде и тканях живых существ. Если сейчас в Мировой океан сбрасывается 11 млн метрических тонн мусора, то к 2040-му этот показатель может возрасти до 30 млн метрических тонн.

Сегодня бизнесу, который на 70% является источником экологических проблем, отводится едва ли ни главная роль в их технологическом решении. В 2020 г. в американской индустрии по сбору отходов работало более 12 тыс. предприятий с числом занятых свыше 200 тыс. человек. Одной из крупнейших компаний по управлению отходами является «Вейст Менеджмент» (*Waste Management Inc.*, штат Техас) - на её долю приходится более 1/4 общего объёма отходов на американских свалках. В 2020 г. компания завершила приобретение услуг по утилизации отходов на сумму 4,6 млрд долл. (для этого она должна была ликвидировать 15 свалок, 37 перевалочных станций, 29 пунктов транспортировки и более 200 маршрутов сбора отходов в 10 штатах) [7].

Другая компания — «Репаблик Севисес» (*Republic Services*) построила в штате Невада оснащённый современными смарт-технологиями центр по утилизации и переработке отходов пластика. На производственной площади в 10 тыс. кв. м применяются новейшие технологии переработки, в их числе 5 оптических сортировщиков, 2D- и 3D-технологии по разделению материалов. Операции по определению типа пластика по заданным параметрам занимают миллисекунды. Компания располагает 66 центрами по утилизации на территории США и обрабатывает около 5 млн т отходов пластика. Около 88% энергоресурсов экономится компанией при производстве полимерных изделий из вторичного полиэтилена, — значительно больше, чем при использовании сырья в виде нефти и газа. Компания располагает учебным центром, который знакомит население с видеороликами, демонстрирующими сортировку отходов.

В сегменте ТБО наблюдается рост объёма упаковки из полиэтилентерефалата (ПЭТ). Фирмой, которая занимается вопросами его рециклинга, является «ЭкоСтар» (*EcoStar*, штат Висконсин). Поскольку переработка ПЭТ существенно экономит энергию и сокращает выбросы ПГ, «ЭкоСтар» приступила к выпуску гранул и листов из переработанных ПЭТ-отходов. Фирма работает с широким кругом клиентов по всему миру в сфере продуктов питания, медицины и розничной торговли, уделяя основное внимание североамериканским рынкам. Дружественной природе заявила о себе и «Проктер энд Гэмбл» (*Procter&Gamble, P&G*), транснациональный производитель средств гигиены и косметики, прежде неоднократно подвергавшийся критике со стороны экологических организаций. Продукция компании, продаваемая в 70 странах, достигла прогресса в области защиты окружающей среды, отмеченного внедрением технологии по замене пластика из нефтепродуктов, на экопластик, полученный из сахарного тростника, который полностью разлагается, не причиняя ущерба природе и потребителю. «Проктер энд Гэмбл» упаковывает в экопластик продукцию из нескольких своих линеек, включая «Пантин про-ви» (*Pantene Pro-V*), «МаксФактор» (*Max Factor*), «Джилет» (*Gillette*). «Проктер энд Гэмбл» вместе с «Кока-кола» (*Coca-Cola*), «Хайнц» (*Heinz*), «Найк» (*Nike*) и «Форд» (*Ford*) создала группу *Plant PeT Technology Collaborative (PTC)*, занимающуюся исследованиями, разработкой и внедрением в производство растительных ПЭТ.

Американская компания «Эковативный дизайн» (*Ecovative Design*), специализирующаяся на разработке различной продукции из грибов, презентовала уникальный биоразлагаемый пластик *Mushroom Materials*. Он включает отходы сельскохозяйств (кукурузные стебли, шелуху семян) и мицелий грибов, который за счёт связующих свойств используется как природный клей. Следует также отметить наблюдаемое в США снижение объёма целлюлозно-бумажного мусора в виду дигитализации офисного сектора и газетного бизнеса, где необходимую информацию пользователи получают через электронные устройства.

За последние годы сократились цены ветровой и солнечной энергетики до 5,6 цента и 1,4 цента за 1кВт/ч соответственно, тогда как стоимость газовой и угольной – снизилась до 6,1 и 6,6 центов. Если ещё десять лет назад возобновляемая энергетика считалась нерентабельным бизнесом и её противники предсказывали, что суммарная мощность солнечных электростанций к 2020 г. не превысит 72 ГВт, считая их «дорогой игрушкой, неспособной к реальной конкуренции с производством энергии от сжигания угля», то уже к концу 2018 г. мощность солнечных установок в мире достигла 100ГВт. В США в апреле 2019 г. впервые ВИЭ выработали больше энергии, чем угольные электростанции. В начале февраля 2020 г., как и весной 2019 г., американские электростанции на основе ВИЭ, произвели энергию в большем объёме, чем угольные электростанции. Ранее подобного не случалось никогда, учитывая повышенное потребление энергии в зимний период. Согласно последней инвентаризации электрогенераторов Управления энергетической информации США, разработчики и владельцы электростанций планируют в 2021 г. ввести в промышленную эксплуатацию 39,7 ГВт новых генерирующих мощностей. Наибольшая их доля будет приходиться на солнечную и ветряную виды энергии (39% и 31% соответственно). И лишь около 3% новой мощности будет производить новый ядерный реактор на электростанции в штате Джорджия [8]. Лидерами корпоративного спроса на ВИЭ являются компании, специализирующиеся на информационных технологиях: «Майкрософт» (*Microsoft*) «Эппл» (*Apple*), «Гугл» (*Google*), «Фейсбук» (*Facebook*). Объясняется это тем, что им требуются большие объёмы электроэнергии для обеспечения центров обработки и хранения данных и сервисов облачных вычислений. Помимо IT-компаний на ВИЭ переходят автопроизводители «Дженерал моторс» (*GM*), «Тесла» (*Tesla*), производители товаров повседневного спроса «Проктер энд Гэмбл» и медицинских препаратов.

В 2020 г. росла стоимость акций американской компании «НекстЭра Энерджи» (*NextEra Energy*), крупнейшего производителя альтернативной энергии совокупной мощностью в 55 ГВт, из которых 50% вырабатывают солнечные и ветровые генераторы. Компания продаёт электроэнергию в 27 американских штатах и пяти провинциях Канады. Для снижения выбросов CO₂ она приступила к переводу на ВИЭ личный и общественный транспорт, котельные и здания. Несмотря на спад выработки в этой отрасли энергетики США на 2,9% к концу 2019 г., у этой компании она увеличилась на 15%. Ветровые проекты добавили

23,3 ГВт мощности. У компании портфель заказов в период пандемии продолжал расти, соответственно увеличивалась и капитализация.

Клиентская база компании насчитывает 5,5 млн коммерческих и частных потребителей и состоит из трёх филиалов: Флорида Пауэр & Лайт (*Florida Power & Light (FPL)*), Некст Эра Ресорсес (*Next Era Energy Resources*) и Галф Пауэр компани (*Gulf Power Co.*). Флорида Пауэр & Лайт занимается производством и продажей электроэнергии во Флориде, ставшей одной из ведущих локаций для трудовых мигрантов с высокими доходами на фоне быстрого развития хайтек-фирм. В 2020 г. миграция во Флориду усилилась из-за оттока американцев из крупных северных городов после перехода в условиях распространения пандемии на дистанционную работу. Для сохранения лояльности клиентской базы *FPL* филиал предлагает привлекательные тарифы, сохраняя при этом высокую рентабельность. В 2019 г. его средний розничный счёт *FPL* равнялся 100,45 долл. за 1000 кВт/ч, в сравнении с 114,72 долл. в среднем по штату и 141,56 долл. в среднем по стране [9].

Операционная деятельность ВИЭ может подвергаться воздействию непредсказуемых природно-климатических явлений, наносящих ущерб здоровью жителей и создающих риски для зелёных компаний-производителей. Так, аномальное похолодание в феврале 2021 г. вывело из строя ветрогенераторы и газовые трубы в нескольких штатах американского юга (например, в Техасе 23% электроэнергии вырабатывается с помощью ветрогенераторов, не приспособленных к работе при морозах). Другими словами, при аномальных погодных явлениях электрогенераторы на базе ВИЭ не могут действовать без чередования с системой углеродной электрогенерации, поскольку легко выходят из строя, тогда как традиционные ТЭС способны генерировать мощности при любой погоде, в том объёме и в то время, когда это нужно потребителям. В ряде случаев электрогенераторы на базе ВИЭ взаимодействуют с традиционными добывающими компаниями. Например, в конце 2019 г. «ЭксонМобил» (*Exxon Mobil*) подписала два контракта на 12 лет с датской энергетической компанией «Эрстед» (*Ørsted A/S*), которая должна будет обеспечивать энергией на базе ВИЭ добычу нефти в Техасе.

Вместе с тем, ВИЭ имеют неоспоримые преимущества: во-первых, нет необходимости добывать и закупать топливо; во-вторых, покупка электроэнергии солнечных и ветровых станций по долгосрочным контрактам снимает риск изменения на них цен (цены 20-летних контрактов на их поставку могут быть ниже 2 центов за один кВт/ч); в-третьих, «зелёная» энергетика служит сохранению здоровья населения и экономии на медицинских расходах; в-четвёртых, запуск крупномасштабного производства чистых энергоносителей, таких, например, как водород, может в предстоящие десятилетия начать вытеснять ископаемые виды топлива, используемые в настоящее время распределёнными источниками в жилых и коммерческих зданиях. Например, компания «Солен Гроуп» (*Solena Group*, штат Пенсильвания) построила завод по производству «зелёного» водорода, получаемого путём паровой конверсии метана при условии его улавливания и хранения, что даёт примерно двукратное сокращение его выбросов. Водород давно является одним из самых перспективных видов зелёного топлива, и

поэтому в компании решили хранить его излишки при помощи борогидрида натрия, способного впитывать водород подобно губке, а затем по необходимости высвобождать его обратно.

На сегодня в сфере производства топлива считается перспективным выращивание водорослей: из одной их тонны можно получить до двухсот литров масла для производства биодизеля, других ценных органических веществ: триглицеридов, жирных кислот, углеводов, этанола, спирта и целлюлозы. Доказана экономичность получения биотоплива из водорослей в сравнении с его получением из рапса, кукурузы и пальмовых плодов: оно производится с помощью солнечной энергии, отпадает необходимость занимать площади для выращивания водорослей, так как процесс производства легко масштабируется, а цены конечной продукции не превышают цен обычного топлива. Важным обстоятельством, побуждающим производить и использовать биотопливо, служит и то, что ресурсы ископаемого топлива постепенно истощаются, а добывать их становится всё дороже, а объёмы потребления постоянно растут.

В последнее время нефтегазовые компании США проявляют интерес к внедрению технологий по улавливанию, утилизации и хранению карбонового диоксида в скальных породах (*technologies for capturing, utilizing and storing carbon – TCUSC*), который продиктован тем, что технология становится для бизнеса императивом, поскольку новая администрация США намерена ограничить максимально допустимый объём выбросов CO₂ и превышение их норм будет приводить к штрафам и необходимости покупать дополнительные квоты на выбросы. Данная технология – один вариант снижения атмосферных концентраций ПГ [10].

В апреле 2019 г. университет штата Аризона и компания «Силикон Кингдом Холдингс» (*Silicon Kingdom Holdings*) заключили соглашение о внедрении технологии очистки воздуха от CO₂ с помощью разработанных профессором К. Лакнером устройств, которые, работая как «механические деревья», улавливают молекулы углерода и позволяют их сохранять для повторного использования. «Механические деревья» поглощают углерод без механического всасывания воздуха, требующего энергоёмких устройств, а именно путём фильтрации естественных потоков воздуха, на которые реагируют заполненные сорбентом диски. Эта технология предлагает наиболее дешёвый способ улавливания CO₂ – менее 100 долл. за тонну, и её планируют внедрять кластерами, каждый из которых состоит из 12 «деревьев», способных удалять CO₂ в объёме до одной тонны в сутки. Систему протестируют на экспериментальной ферме, мощность которой составит до 100 тонн CO₂ в сутки. В дальнейшем планируется построить несколько ферм, мощность каждой из которых составит до 3,8 млн т углерода в год. В компании оценили такой метод улавливания углерода как наиболее эффективный: 1200 «деревьев», которые будут в будущем установлены в США, смогут удалять ежегодно выбросы с 8 тыс. автомобилей либо 36 500 метрических тонн углекислого газа.

В последние годы усилия учёных направлены на совершенствование биологических поглотителей ПГ. Проблема их накопления с каждым годом всё в большем объёме возможно будет разрешена с открытием молекулы, способной

их поглощать. Речь идёт о генетически модифицированных бактериях, назначение которых – «отлавливать» CO_2 . Пока проводились только тестовые запуски, завершившиеся успешно.

Если ещё десять лет назад переход на виды топлива, альтернативные традиционным, вызывал в США критику и сомнения, то сегодня он становится трендом, что иллюстрирует пример производства усовершенствованных батарей для электромобилей: появились устройства, увеличивающие их пробег до 1,5 млн км. Если раньше батарей хватало на 200–300 тыс. км, то сейчас, с уменьшением стоимости новых батарей в 7–8 раз, электромобили становятся чистым и наиболее экономичным видом транспорта, ниже оказываются эксплуатационные расходы, так как электромобили гораздо меньше нуждаются в ремонте и сервисном обслуживании, что позволяет ускорить их распространение.

ОТНОШЕНИЯ КОМПАНИЙ СО СТЕЙКХОЛДЕРАМИ

Одной из проблем, стоящей перед советом директоров компании – взаимодействие с целевыми аудиториями или *стейкхолдерами*. Чтобы добиться успеха в быстро меняющейся рыночной конъюнктуре, фирмам необходимо гибко выстраивать отношения с четырьмя видами стейкхолдеров: *нормативные* – государство, акционеры; *функциональные* – персонал фирмы, поставщики, инвестиционные фонды, банки, дистрибьюторы, фондовая биржа, сервисные организации, маркетинговые агентства и консалтинговые фирмы; *диффузные* – НКО, журналисты, юристы, движения «зелёных», социальные работники; наконец, *потребители*. Корпоративный менеджмент вовлечён в систему отношений взаимовлияющего характера с разными типами стейкхолдеров, отличающихся в своих запросах и проявляющих интерес к разным аспектам деятельности и разделам отчётов компаний: если, к примеру, государственные органы интересуют юридическая сторона их деятельности, то потребителей – информация о качестве и экологичности продукции.

Степень давления на американские компании стейкхолдеров варьирует: около 30% фирм не ощущают сколько-нибудь значительного давления со стороны кого-либо, в то время как для 19% оно достаточно сильно исходит от регулирующих органов и экологических организаций (регулятор является основным источником давления на небольшие компании); 61% финансовых директоров компаний с годовым доходом от 1 млрд долл. и выше испытывают ощутимое давление от трёх и более типов стейкхолдеров, а 70% финансовых директоров, главным образом, от потребителей [11]. В США главным задающим тренды потребителем является поколение миллениалов (от 19 до 34 лет), которое, будучи заинтересовано в сохранении окружающей среды, отдаёт предпочтение продукции компаний, приносящих пользу общине штата: предоставляют средства на обустройство городских парков, организацию охраны животных и природоохранные мероприятия, внедряют экологически чистые технологии. По информации консалтинговой компании «Коун Роупер» (Cone/Roper), 78% амери-

канских потребителей предпочитают покупать продукцию компаний, отвечающих данным требованиям.

СТАНДАРТЫ НЕФИНАНСОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ОТЧЁТАХ КОМПАНИЙ

На объём раскрываемой публичной компанией нефинансовой информации оказывают сильное влияние институциональные инвесторы. Используя предусмотренное Сводом федеральных правил США (*Code of Federal Regulations, CFR*) §240 (14a-8) право выступить с предложением о раскрытии нефинансовой информации в отчёте компаний, они стимулируют их к обнародованию важных фактов. Для составления нефинансовых отчётов публичные (портфельные) компании используют критерии, выработанные Советом по стандартам бухгалтерского учёта в области устойчивого развития (*Sustainability Accounting Standards Board*), Глобальной инициативы отчётности (*Global Reporting Initiative, GRI*), Советом по стандартам раскрытия информации о климате (*Climate Disclosure Standards Board*). В дальнейшем собранная в отчётах компаний информация направляется в Комиссию по ценным бумагам и биржам США.

Первые стандарты рекомендательного характера в области нефинансовой отчётности фирм (*GRI*) были разработаны в 1997 г. в Бостоне (штат Массачусетс). Концепция Глобальной инициативы отчётности выстроена по принципу «трёх корзин», то есть включает комбинацию критериев в областях экономики (устойчивый рост и производство качественной продукции), экологии (защита и возобновление природных ресурсов) и социальной деятельности. Стандарты, разработанные американским экономистом Д. Элкингтоном, вошли в практику нефинансовых отчётов более 23 тыс. компаний. Эти отчёты используются не только в США: в 2017 г. из 250 крупнейших европейских и азиатских корпораций 74% оперировали в соответствие с её стандартами [12]. Означенного стандарта придерживаются также более 200 зарубежных банков, в их числе – Азиатский банк развития, ЕБРР, Банк Америки, Европейский инвестиционный банк, Государственный банк развития Китая.

Стандарты Глобальной инициативы отчётности включают в отчёты о маркировке потребительских товаров, состоянии охраны труда и техники безопасности на предприятиях, об инвестициях в человеческий капитал, о благотворительной деятельности, защите прав коренных жителей стран приёма и количестве деловых операций, по которым заключены контракты с местными сообществами, о ресурсо-и энергосбережении, безопасности сточных вод и мн. др. За годы существования в рамках глобальной учебной программы создана сеть из почти 100 сертифицированных партнёров по обучению в 64 странах более чем 4 тыс. посетителей курсов по изучению стандартов Глобальной инициативы отчётности, не считая курсов электронного обучения [12].

С 2012 г. в США функционирует Совет по стандартам бухгалтерского учёта в области устойчивого развития (*SASB*). Эти стандарты интегрированы в форму

10-K, которая подаётся компаниями в Комиссию по ценным бумагам и биржам США. Основная миссия Совета — установление отраслевых стандартов раскрытия информации по экологическим, социальным и управленческим метрикам, ЭСУ (*Environmental, Social, Governance ESG*), облегчающим обмен полезной информацией между компаниями и инвесторами. В ноябре 2020 г. Совет объявил о публикации первого в мире сборника стандартов Устойчивого развития для 77 различных отраслей. Эти стандарты используются компаниями в различных формах и каналах раскрытия информации, включая годовые отчёты, финансовые документы и веб-сайты. Американские компании публикуют полные версии своих отчётов только на сайтах, а на бумажных носителях – небольшие мини-отчёты, адресованные аудиториям, которой удобнее получать информацию именно в такой форме. Ориентация на онлайн-аудиторию, творческое использование возможностей современных мультимедийных каналов позволяет компаниям быть ближе к стейкхолдерам.

СПРОС ИНВЕСТОРОВ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПАНИЙ НА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ МЕТРИКИ

Долгое время среди экономистов господствующим было мнение, что социо-экологическое ответственное инвестирование – это просто красивая идея, что инвесторы никогда не станут жертвовать доходностью портфеля, отбирая только «правильные» компании. Эта точка зрения была верной для 70-х годов XX века. Тогда в корпоративных программах практически отсутствовали пункты о сохранности природных ресурсов. Об этом свидетельствует следующий факт: в 1975 г. Федеральная комиссия по ценным бумагам и биржам США отказалась обязать компании раскрывать информацию о влиянии их операций на окружающую среду в ответ на петицию «Совета по защите природных ресурсов». Своё решение Комиссия обосновала тем, что, по её данным, только 0,005 активов в управлении имеют связь с экологическими показателями. За последние годы ситуация изменилась: в 2018 г. инвесторы вложили более 30 трлн долл. в зелёные инвестиции на пяти основных рынках (включая американский), отслеживаемых Глобальным альянсом устойчивых инвестиций. Годом ранее 400 ведущих инвесторов подписали международную Инициативу «Климатические действия 100+» (*Climate Action 100+*) с целью давления на корпоративных эмитентов ПГ. Инициатива координируется американской некоммерческой организацией Церера (*Ceres*), которая, после разлива в 1989 г. у побережья Аляски нефти из танкера «Эксон Вальдес», принадлежавшего компании «Эксон Шипинг» (*Exxon Shipping Company*), объявила о создании «Принципов Вальдеса», кодекса корпоративного экологического поведения, азиатской Группой инвесторов по изменению климата (*Asia Investor Group on Climate Change*), британской Группой институциональных инвесторов по изменению климата (*Institutional Investors Group on Climate Change*) и др. Эти организации объединили усилия для расширения

практики инвестиций в соответствие с экологическими, социальными и управленческими метриками во всём мире как норму. Инициатива рассчитана на пять лет, в течение которых инвесторы будут взаимодействовать с корпорациями, отвечающими за 85% общих глобальных выбросов ПГ.

Сегодня американские банки требуют от крупных заёмщиков наличия перечня экологических показателей, а страховщики – предоставления деклараций о выявленных экологических рисках и управлении ими. Использование компаниями факторов экологического, социального и корпоративного управления повышает их эффективность и устойчивость. За девять месяцев 2020 г. компании с высоким рейтингом устойчивости демонстрировали лучшие финансовые результаты в сравнении с теми, которые занимали средние и низкие позиции в рейтинге. Всё больше компаний рассматривают экологическое, социальное и корпоративное управление как ключевой компонент бизнес-стратегии, и интерес к такому инвестированию, продолжая расти, обещает стать мейнстримом не только среди институциональных, но и среди частных инвесторов.

Таблица 1

Факторы экологического, социального и корпоративного управления в инвестировании

экологические	социальные	корпоративные
изменение климата выбросы парниковых газов	условия труда (включая рабовладение, детский труд)	вознаграждение топ-менеджмента налоговая стратегия;
истощение природных ресурсов (в том числе нехватка питьевой воды)	местные сообщества	политическое лобби
отходы и загрязнение	охрана здоровья	пожертвования
обезлесивание	гендерный состав	взяточничество и коррупция
		структура и гендерный состав совета директоров
		налоговая стратегия

Составлено автором на основе данных [13].

Показательно, что для компаний с низкими метриками ЭСКУ (экологического, социального и корпоративного управления) банки устанавливают более высокие ставки по кредитам. Компании, занявшие высокие места в рейтингах, рационально используют ресурсы, имеют наилучшие показатели человеческого капитала, наиболее конкурентоспособны и применяют высокие стандарты контроля несистемных рисков [14]. По данным британской аудиторской фирмы Делойт (*Deloitte*), доля инвесторов, применявших такие метрики к 1/4 своих портфелей, выросла с 48% в 2017 г. до 75% в 2019 году.

Таблица 2

**Примеры проявлений ответственного инвестирования
по экологическим, социальным и управленческим метрикам (ЭСУ)**

Limited partners (LP) – пенсионные фонды, страховые компании, эндаументы	General partners (GP) – управляющие капиталом (управляющие компаний, инвестиционные менеджеры)	Stocks Exchanges – фондовые биржи	Portfolio companies (PC) – те, кто привлекает инвестиции для развития бизнеса (публичные компании)
включают ЭСУ ESG метрики в стратегию и политику ответственного инвестирования; включают ESG ЭСУ метрики в процесс мониторинга действий управляющих компаний; включают ESG ЭСУ метрики в соглашения с генеральными партнерами, вводя ограничения на отрасли; включают условия отчетности ESG по ЭСУ о критических рисках; отслеживают ЭСУ ESG инциденты фондов и отдельных компаний под управлением генеральных партнеров	включают ESG ЭСУ метрики в стратегию и политику ответственного инвестирования; анализируют риски портфельных компаний относительно ESG ЭСУ до инвестирования, во время и после выхода из управления активами; включают ESG ЭСУ метрики в формальные соглашения с пенсионными фондами и страховыми компаниями (условия фонда); включают параметры ответственного инвестирования в тренинги для своих менеджеров и аналитиков	включают ESG ЭСУ метрики в добровольные или обязательные требования к отчетности публичных компаний; регулируют требования к размещению активов, включая ESG ЭСУ ориентированные ценные бумаги (акции, облигации); отслеживают ESG ЭСУ инциденты публичных компаний	включают ESG ЭСУ метрики в стратегию устойчивого развития, систему целей; отчитываются перед фондовыми биржами и инвесторами об управлении ESG ЭСУ рисками; налаживают связи между отделами коммуникаций, экологической и пожарной безопасности, охраны труда и социальных программ

Составлено автором на основе данных [13].

В списке топ-15 устойчивых инвестиционных фондов, акции которых торгуются на бирже, доминируют фонды интеграционно-смешанного подхода экологического, социального и корпоративного управления к устойчивому инвестированию (*Exchange Traded Funds, ETF*). Среди ориентированных на экологические, социальные и управленческие метрики заслуживает внимания высоколиквидный фонд *Инвеско Солар (Invesco Solar)*, работающий с акциями компаний в сфере альтернативной энергетики, показывающих рост с начала 2021 г. Портфель фонда на 82% состоит из бумаг американских компаний. Фонд инвестирует в электромобили и смарт сети электроснабжения [15]. Популярностью среди инвесторов пользуется также Фонд корпорации «Клин Энерджи» (*Clean Energy Corporation*), Фонд Глобэл Импэкт (*MSCI Global Impact*) и целый ряд других фондов, ориентирующихся в своей стратегии на индекс Эс энд Пи500 (*S&P500 ESG*) [16]. Глобэл Импэкт инвестирует фирмы, которые получают 50% своих доходов от продуктов и услуг, отвечающих Целям устойчивого развития.

Существует два ключевых подхода к ответственному инвестированию: негативный и позитивный скрининг. В первом случае инвестор стремится исключить из своего портфеля активы компаний, связанных с добычей полезных ископаемых, производством вооружений, игровым бизнесом, производством табака и алкоголя. Позитивный скрининг пытается максимизировать воздействие на компании, которые стремятся держать акции с хорошей экологической, социальной и управленческой практикой.

МЕРЫ АМЕРИКАНСКИХ БАНКОВ В ОБЛАСТИ РЕСУРСО- И ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИЯ

Коммерческие банки играют всё большую роль в «зелёном» строительстве. Первый в США Зелёный банк (*Connecticut Green Bank, CGB*) был создан Генеральной Ассамблеей в штате Коннектикут в июле 2011 года. Банк поддерживает энергетическую стратегию губернатора и законодательного органа, направленную на достижение более чистых, менее дорогих и надёжных источников энергии при одновременном создании рабочих мест и поддержке местного экономического развития. С момента своего создания банк и его частные инвестиционные партнёры направили более 1,9 млрд долл. на проекты чистой энергетики по всему штату. Проекты, зарегистрированные до 2019 фин. г., показывают, что на каждый доллар государственных средств, выделенных Зелёным банком, приходится дополнительно 6 долл. частных инвестиций в экономику [17].

Началом обращения других американских банков к зелёному строительству стало принятие в 2014 г. Конгрессом США Билля о «Зелёных банках». В 2017 г. два американских финансовых гиганта – Морган Чейз (*JPMorgan Chase*) и Ситигроуп (*Citigroup*) объявили о полном переходе на чистую энергетику. Зелёные банки имеются в штатах Калифорния, Нью-Йорк, Род-Айленд и на Гавайях. Аналитики американского издания *Бэнк Текнолоджи Ньюс* определили четвёрку наиболее эффективных по экологическим показателям банков: Фест Грин Бэнк

(*First Green Bank*), Хандингтон Нэшнл Бэнк (*Huntington National Bank*), Ситигроуп и ЮС Бэнк (*US Bank*). Новая штаб-квартира Фест Грин Бэнк (штат Флорида) площадью 1,1 тыс. кв. м почти в 3 раза больше площади прежнего помещения, однако общее потребление энергии осталось на прежнем уровне.

В Хандингтон Нэшнэл Бэнк (штат Огайо) в целях сокращения расходов на энергосбережении запущен проект по оснащению центра обработки данных (ЦОД) солнечно-световыми батареями. В штате не бывает слишком много солнца, но специалистам удалось внедрить специальную технологию, ориентированную на потребление не только солнца, но и дневного света для подзарядки батарей, обеспечивающих электроэнергией работу ЦОД. Руководством Хандингтон Нэшнэл Бэнк *HNB* принято решение сократить в будущем на 95% использование бумаги всеми его подразделениями, а с целью снижения транспортных расходов запланировано применение видеоконференций. По проекту установлена аппаратура и оборудование компаниями «Сиско» (*Cisco*) и «Майкрософт» *Microsoft* для проведения видеоконференций с высокой разрешающей способностью. Благодаря применению данной аппаратуры в банке намерены ежегодно экономить до 20% на транспортных расходах. Заслуживает внимания и ЮС Бэнк *USBank*, использующий в своих операциях энергосберегающие технологии. В помещении банка оборудован специальный информационный стенд, который на широком дисплее отображает количество затраченной электроэнергии. Банк резко сократил потребление энергоресурсов за счёт уменьшения числа серверов и другой техники.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Зелёный» курс и климатическая повестка новой администрации США обещают стать драйверами спроса на инновации, реализуемые в области экологической модернизации. И хотя ещё преждевременно оценивать результаты этого курса, планируемого на десять лет, на сегодня имеются достаточно убедительные доводы в пользу его развития: получает широкое признание во многих американских штатах и городах стимулирующий эффект зелёных инвестиций в системах водо-, тепло-, электроснабжения и канализации, экологического транспорта и строительства; возрастает инновационная активность рыночных субъектов. В последние годы в США широко применяются в формате циклической экономики разного типа и назначения энерго- и природосберегающие технологии, расширяется рынок новейших устройств по рециркуляции отходов, заметно продвижение в технологических решениях улавливания, хранения и переработки CO₂, расширяется производство электрических смарт-сетей и автотранспорта на электротяге, совершенствуются способы предоставления энергетических услуг с учётом ресурсосбережения. В структуре топливно-энергетического комплекса США будет возрастать компонент ВИЭ и с учётом истощения в перспективе углеродов, что потребует их замещения. Однако при аномальном похолодании ещё будут сохранять своё значение традиционные производители топлива и электроэнергии. Всё

большее влияние на акционерную стоимость компаний оказывает способность управления рисками, связанными с климатическими и антропогенными факторами. Выполнение компаниями и финансовыми учреждениями экологических норм приносит им как осязаемые, так и неосязаемые выгоды. К первым относятся экономия затрат, материальных и энергетических ресурсов на единицу произведённого продукта и возможности расширения рынка его сбыта; ко вторым — завоевание репутации в глазах инвесторов и потребителей.

ИСТОЧНИКИ

1. Bote J. After years of improvement US air quality has gotten worse since 2016. USA TODAY. November 3, 2019. Available at: <https://www.usatoday.com/story/news/nation/2019/11/01/us-air-quality-worse-since-2016-after-years-improvements-report/2499356001/> (accessed 05.05.2020).
2. UN: COVID-19 lockdowns slashed pollutants, not Co2 levels. Geneva. November 23, 2020. Available at: <https://apnews.com/article/europe-climate-change-coronavirus-pandemic-united-nations-87a2fb64201a69e94510e60552bc886b> (accessed 07.01.2021).
3. Loller T. Biden administration promises focus on environmental justice. Boston. 2021. Available at: <https://www.boston.com/news/politics/2021/02/28/biden-administration-promises-focus-on-environmental-justice> (accessed 04.02.2021).
4. Connor M., Jacobson R., McHugh C. Environmental Justice in the Biden Administration. JDSUPRA. February 4, 2021. Available at: <https://www.jdsupra.com/legalnews/environmental-justice-in-the-biden-8816655/> (accessed 03.03.2021).
5. Budryk Z. White House names members of environmental justice panel. *The Hill*. March 29, 2021. Available at: <https://thehill.com/policy/energy-environment/545419-biden-administration-names-environmental-justice-advisory-council> (accessed 01.04.2021).
6. Большие надежды. Сделки M&A в возобновляемой энергетике. KPMG. Май, 2018. Available at: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2018/05/ru-ru-renewables-report-full-year-data-2017.pdf> (accessed 03.09.2020).
7. Tiseo I. Waste Management in the U.S. Statista. New York. December 2, 2020. Available at: <https://www.statista.com/topics/2630/waste-management-in-the-united-states/> (accessed 01.02.2021).
8. Electricity Generation: Renewables and Coal. Energy Information Administration. January 11, 2021. Available at: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=46416> (accessed 01.03.2021).
9. Чистая энергия NextEra Energy обуславливает биржевую премию. ФИНАМ. Октябрь 30, 2020. Available at: <https://www.finam.ru/international/imdaily/chistaya-energiya-nextera-energy-obuslavlivaet-birzhevuyu-premiyu-20201030-114841/> (accessed 06.03.2021).
10. Mets B., Coninick H. IPCC Special Report on Carbon dioxide Capture and Storage. Published for the Intergovernmental Panel on Climate Change. Cambridge University Press, New York, 2005. Available at: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2018/03/srccs_wholereport-1.pdf (accessed 07.02.2020).

11. Coppola M., Krick T., Blohmke J. Companies are under pressure on climate change and need to do more. Deloitte Insights. December 12, 2019. Available at: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/topics/strategy/impact-and-opportunities-of-climate-change-on-business.html> (accessed 05.01.2020).

12. Sustainable Decisions. Sustainability Disclosure Database. GRI Annual Report 2016-2017. Available at: https://ungc-production.s3.us-west-2.amazonaws.com/attachments/cop_2018/463974/original/GRI_Annual_Report_2016-2017.pdf?1527595484 (accessed 09.01.2020).

13. ESG факторы в инвестировании. PwC. МИРАБИС. Июнь 2019. Available at: <https://www.pwc.ru/ru/sustainability/assets/pwc-responsible-investment.pdf> (accessed 05.03.2020).

14. Gierre G., Lee L.E. Foundations of ESG Investing: How ESG affects Equity Valuations, Risk and Performance. *The Journal of Portfolio Management*, Vol. 45 No.5, July 2019. Available at: <https://www.msci.com/documents/10199/03d6faef-2394-44e9-a119-4ca130909226> (accessed 08.01.2020).

15. Hicks C. 15 Best ESG Funds for Responsible Investors. *Kiplinger*. April 20, 2021. Available at: <https://www.kiplinger.com/slideshow/investing/t041-s001-15-best-esg-funds-for-responsible-investors/index.html> (accessed 27.04.2021).

16. Sustainable Investing 2020 Review: Sustainable ETFs and ETNs. Available at: <https://www.sustainableinvest.com/2020-review-sustainable-etfs-and-etns/> (accessed 15.03.2021).

17. Changing Connecticut for the Greener. 2021 CT GREEN BANK. Available at: <https://www.ctgreenbank.com/about-us-2019/> (accessed 27.04.2021).

REFERENCES

Agyeman J. 2005. Sustainable Communities and the Challenge of Environmental Justice. New York University Press. P. 245.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ШЛИХТЕР Алексей Артемьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН РФ. Российская Федерация, 1177997 Москва, ул. Профсоюзная 23	Alexey A. SHLIKHTER, Cand. Sci- ence (History), leading researcher of the IMEMO RAS. 23 Profsoyuznaya st., 1177997 Mos- cow, Russian Federation
---	---

Поступила в редакцию / Received 22.04.2021

Поступила после рецензирования / Revised 28.04.2021

Принята к публикации / Accepted 30.04.2021

УДК 327.8

DOI: 10.31857/S268667300015221-3

Пандемия *COVID-19*: вызовы и возможности для публичной дипломатии России и США

У.З. Артамонова

*Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук
(ИМЭМО РАН)*

Российская Федерация 117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23

ORCID: 0000-0003-1825-9291 e-mail: uliana.artamonova@sciencespo.fr

Резюме: Одно из ключевых направлений кризиса российско-американских отношений – противостояние в информационной сфере, реализуемое через публичную дипломатию. Фактор пандемии изменил мир во многих аспектах. Автор ставит перед собой цель определить, насколько пандемия ковид-19 повлияла на публичную дипломатию России и США. Для реализации поставленной цели решаются несколько задач. Прежде всего, выявляются динамика и основные фазы развития конфликта между двумя странами в информационном поле. Во-вторых, анализируется состояние публичной дипломатии обеих стран, текущее соотношение возможностей и основных трендов в их политике «мягкой силы». Автор рассматривает два ключевых направления активности: гуманитарную помощь и разработку вакцины, используя материалы опросов общественного мнения, данные статистических исследований, интервью государственных деятелей, доклады государственных органов, пресс-релизы международных организаций, законодательные акты, а также опираясь на научные труды авторитетных российских и иностранных учёных по тематике публичной дипломатии. В результате проведённого исследования делаются следующие выводы: пандемия ковид-19 не стала поворотным моментом в информационном противостоянии России и США; соответствующий фактор лишь проявил уже существующие тенденции в публичной дипломатии обеих стран. Имиджевые дивиденды от инициатив периода пандемии оказались более существенными для России, чем для США. При сохранении текущей динамики в российской публичной дипломатии можно ожидать сохранения положительного тренда. Динамика в американской публичной дипломатии будет полностью определяться тем, насколько активную политику по реформированию институтов публичной дипломатии будет проводить демократическая администрация. Усиление антироссийской риторики со стороны США под лозунгом спасения либеральной демократии в мире интенсифицирует противостояние двух держав в информационной сфере и может стать серьёзным вызовом для российской публичной дипломатии. Полученные выводы дают возможность прогнозировать подходящую стратегию для развития российской публичной дипломатии.

Ключевые слова: публичная дипломатия, «мягкая сила», информационная война, российско-американские отношения, пандемия ковид-19, гуманитарная помощь, вакцины, реформы

Для цитирования: Артамонова У.З. Пандемия ковид-19: вызовы и возможности для публичной дипломатии России и США. *США & Канада: экономика, политика, культура* 2021; 51 (6) 89-110. DOI: 10.31857/S268667300015221-3

Благодарности: Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

COVID-19 Pandemic: Challenges and Opportunities for Russian and American Public Diplomacy

Uliana Z. Artamonova

*Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences
(IMEMO RAS)*

23, Profsovnaya street, Moscow, 117997 Russian Federation

ORCID: 0000-0003-1825-9291 e-mail: uliana.artamonova@sciencespo.fr

Abstract: The article examines to what extent did the COVID-19 pandemic affect Russian and American public diplomacy. Author analyzes the informational dimension of relationship crisis between Russia and the U.S. as well as the state of their respective national public diplomacy systems, identifying stagnation of American public diplomacy after the end of Cold War and revival of Russian public diplomacy in 2000s. Significant part of the article is dedicated to analysis of new aspects of public diplomacy, which have occurred during pandemic: international humanitarian aid against coronavirus and vaccine's race. Author examines how both Russian and American public diplomacies were able to exploit those aspects. In addition, article studies the reforms of public diplomacy institutions that took place in 2020. Author analyzes various data: public opinion polls, statistical researches, interview with politicians, public departments' reports, press-releases of international organizations, acts of national laws, scientific works of Russian and international experts on international relations and public diplomacy. Article draws several conclusions. First, the COVID-19 pandemic has not changed relationship between Russia and the U.S. in terms of their rivalry in the global informational sphere. Pandemic as a factor has only highlighted already existing trends in the public diplomacy of both countries: positive dynamics for Russia and negative dynamics for the USA. Thus, in terms of image-improving Russian public diplomacy has gained more from opportunities related to pandemic, than American public diplomacy. If the trend remains, Russian public diplomacy has positive future prospects. American dynamics will directly depend on the activity of the new administration in reforming public diplomacy institutions. The reinforcement of anti-Russian rhetoric in the framework of global promotion of liberal democratic values might become a serious challenge for Russian public diplomacy.

Keywords: public diplomacy, soft power, informational war, Russian-American relations, pandemic, COVID-19, humanitarian aid, vaccines, reforms

For citation: Artamonova U.Z. COVID-19 pandemic: challenges and opportunities for Russian and American public diplomacy. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture* 2021; 51 (6) 89-110. DOI: 10.31857/S268667300015221-3

Acknowledgments: this research is funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant agreement number № 075152020783)

ВВЕДЕНИЕ

Пандемия *COVID-19* стала беспрецедентным событием в современной истории, влияние которого на все аспекты жизни общества учёные, вероятно, будут изучать ещё много лет. Однако некоторые аспекты международных отношений остались, по сути, неизменны.

Охлаждение отношений России и США в последние годы часто сравнивают с эпохой биполярности и даже называют «новой холодной войной» [Legvold R. 2016], «странной холодной войной» [Безруков А.О. и Сушенцов А.А. 2020]. Рост напряжённости во взаимоотношениях двух государств является прямым следствием того, как окончилась холодная война 1946–1990 гг. и как каждая из стран выстраивала свою внешнеполитическую стратегию впоследствии. В то время как США продвигали идею западноцентричного миропорядка, основанного на американском доминировании (Шаклеина Т.А. 2019), Россия постепенно перешла от стремления интегрироваться в западный мир (Богатуров А.Д. 2007) к попыткам выстраивать независимую внешнеполитическую линию (Журавлёва В.Ю. 2017). Эти взаимоисключающие векторы развития спровоцировали взаимное разочарование и растущее недоверие, которые во многом создали почву для нового обострения. Последующие столкновения геополитических интересов либо разное видение глобальных проблем и путей их разрешения (кризис на Украине, война в Сирии) [Войтоловский Ф.Г. 2015] ускорили деградацию двусторонних отношений, финальным аккордом которой стали обвинения РФ во вмешательстве в американские президентские выборы 2016 г., кризис системы контроля над вооружениями, установление санкционного режима в отношении России.

На фоне обострения противоречий и ухудшения российско-американских отношений основным «полем боя», где обе страны стремятся отстоять свою точку зрения (и правоту) в глазах мирового сообщества, стала информационная сфера. Именно здесь сегодня формируется имидж государства, его восприятие участниками международных процессов, а значит и его возможности повлиять на поведение других. Одновременно именно информационное поле даёт возможность установить, какой эффект оказала пандемия на публичную дипломатию России и США и каким образом это может повлиять на существующий кризис в их взаимоотношениях.

Гипотеза автора заключается в том, что коронавирус не оказал существенного влияния на данный аспект политики России и США. Все риски и возможности, образовавшиеся для публичной дипломатии каждого из этих государств, являются логическим следствием того состояния, в котором находились национальные системы публичной дипломатии в последние десятилетия, и тех тенденций по изменению международного имиджа России и США, которые можно было наблюдать в последние годы.

Для обоснования выдвинутой гипотезы ставится ряд задач: изучить роль публичной дипломатии в российско-американских отношениях в период кризиса; проанализировать состояния национальных систем публичной дипломатии после окончания холодной войны и выявить динамику; очертить спектр

влияния пандемии на публичную дипломатию; выявить новые направления деятельности государств, вносящие вклад в укрепление их международного имиджа; оценить, насколько внушительные репутационные дивиденды получили Россия и США от инициатив по борьбе с коронавирусом; соотнести полученные данные с институциональными преобразованиями в сфере публичной дипломатии каждой из стран и сделать вывод о степени влияния пандемии на соответствующие реформы.

Данное исследование представляется значимым, так как позволяет рассмотреть достаточно хорошо изученные вопросы сквозь новую и актуальную призму пандемии, и полезным с точки зрения изучения и прогнозирования динамики российско-американских отношений (особенно с учётом начала нового президентского цикла в США), а также тенденций в трансформации миропорядка.

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ПЕРВАЯ ЛИНИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Несмотря на активные усилия США по созданию негативного имиджа России на международной арене, позиции двух стран в глазах мировой общественности за пять лет конфликта серьёзно сблизились. По данным проведённого Институтом Гэллапа исследования оценки общественным мнением стран мира политического руководства ведущих мировых держав, уровень глобального одобрения России за последние годы повысился – с 22% в 2014 г. до 30% в 2019 г., тогда как аналогичный показатель в отношении США снизился – с 48% в 2016 г. до 33% в 2019 г. [1].

Текущим ухудшением международного имиджа США во многом обязаны экс-президенту Д. Трампу. Но тренд на снижение имиджевых позиций был заложен задолго до прихода этого неapolиткорректного бизнесмена в Белый дом. И во многом это прямой эффект затянувшегося кризиса американской публичной дипломатии [Snow N. 2020]. Последние изменения в системе публичной дипломатии были связаны с расформированием в 1999 г. Информационного агентства США (*United States Information Agency*, ЮСИА), в котором были консолидированы все инструменты публичной дипломатии страны, и распределением его функций между Государственным департаментом и Агентством США по глобальным медиа (*United States Agency for Global*) – правительственной структурой, ответственной за такой элемент американской публичной дипломатии как иновещание.

Американская публичная дипломатия хронически страдает от недофинансирования, недостаточной межведомственной координации, отсутствия единой комплексной стратегии и недостатка квалифицированных кадров [2]. Это неизбежно сказывается на международном имидже страны: пребывающая в кризисе система публичной дипломатии оказалась просто неспособна ни предотвратить, ни оперативно нивелировать несколько крупных всплесков антиамериканизма за последние 20 лет. Наиболее яркие из них последовали после вторжения США в Ирак в 2003 г. [3] и избрания Д. Трампа президентом США в 2016 году [4].

В России система институтов публичной дипломатии начиная с 1990-х годов, также переживала непростые времена. С распадом СССР государственная система публичной дипломатии, тесно переплетённая с советской идеологией, фактически прекратила своё существование. Активное становление институтов, из которых складывается современная система российской публичной дипломатии, началось только к концу первого десятилетия 2000-х годов параллельно со сменой внешнеполитической доктрины государства [Артамонова У.З. 2019]. В этот период произошёл ребрендинг основного инструмента иновещания – канала РТ (RT), сменившего фокус своей работы со знакомства мировой аудитории с российскими реалиями на освещение глобальных событий и представление иностранной аудитории российского взгляда на них [5]. В 2007 г. был основан фонд «Русский мир» – одна из ключевых НПО, занимающихся продвижением русского языка и русской культуры за рубежом. В 2008 г. создано Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и организация по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) – ключевой государственный институт в системе публичной дипломатии России [Velikaya A., Simons G. 2020]. При этом российская публичная дипломатия развивается не только путём увеличения числа соответствующих институтов, но и за счёт роста зарубежной аудитории: Россотрудничество, например, открыло новые загранпредставительства, увеличив своё присутствие за рубежом с 2009 г. на треть [6].

С началом обострения российско-американского противостояния публичная дипломатия стала первой линией обороны и нападения для обоих государств.

В 2014 г. на радио «Свобода/Свободная Европа» (РСЕ/РС) и «Голос Америки», находящимися в юрисдикции Агентства США по глобальным медиа была запущена программа «Настоящее время», которая в 2016-2017 гг. переросла в отдельный русскоязычный телеканал, ориентированный на Россию и постсоветское пространство. Декларируемая миссия телеканала – продвижение демократических ценностей и институтов, прав человека, обеспечение доступа к новостям без цензуры [7]. Своей целью канал называет «предоставление альтернативы спонсируемым Кремлем СМИ» для русскоязычной аудитории и донесение до неё «правдивых и реальных» новостей [8]. Данный шаг стал реакцией американской публичной дипломатии в первую очередь на кризис на Украине и воссоединение Крыма с Россией. Постоянной темой для США стали обвинения России в организации кампаний по дезинформации и пропаганде, в центре которых оказывались ключевые институты российской публичной дипломатии, реализующие иновещание, – агентства РТ и «Спутник». За каждым столкновением геополитических интересов стран на международной арене следовала очередная вспышка обвинений в адрес российских каналов иновещания. В 2014-2015 гг. была предпринята попытка создать в структуре Госдепартамента специальное подразделение для противодействия «дезинформации российского правительства», но соответствующая группа была распущена через восемь месяцев после его создания [9]; [10]. В 2016 г. президент Б. Обама подписал закон «О противодействии иностранной пропаганде и дезинформации», при этом сенаторы, продвигавшие законопроект,

апеллировали именно к российской угрозе в этой области. В результате принятия закона в структуре Госдепа был создан Центр глобального взаимодействия (в подчинении у заместителя госсекретаря по публичной дипломатии и связям с общественностью) [11]. Он призван координировать усилия всех правительственных структур, направленные на разоблачение иностранной пропаганды и дезинформации, нацеленной на Соединённые Штаты и/или их союзников, а также на противодействие соответствующей деятельности других государств. В докладе разведки США о «вмешательстве России в американские президентские выборы 2016 г.», опубликованном 6 января 2017 г., были упомянуты телеканал РТ и агентство «Спутник» в качестве элементов «российской государственной пропагандистской машины» [12]) как часть «кампании дезинформации», направленной на то, чтобы повлиять на результат выборов [13]. В сентябре 2017 г. Министерство юстиции США обязало РТ Америка (*RT America*) зарегистрироваться в качестве иностранного агента, то есть по американскому законодательству как «организация, которая по заданию и при финансовой поддержке иностранного государства оказывает влияние на общественное мнение внутри США». 13 ноября 2017 г. это требование было выполнено. За этим последовало такое же указание Минюста и в отношении агентства «Спутник». Закон США требует от организаций, зарегистрированных в качестве иноагента, каждые полгода предоставлять в Минюст отчёт о поступивших на их счета средствах и расходах. Также материалы, публикуемые иноагентом, должны маркироваться как распространяемые «от имени иностранного субъекта» [14].

В качестве ответных мер 25 ноября 2017 г. в России был принят закон № 327-ФЗ, вводящий понятие «СМИ-иноагент». Иностранцами СМИ, выполняющими функции иностранного агента, по российскому законодательству, могут быть признаны те из них, которые получают денежные средства и/или иное имущество от иностранных государств, их государственных органов, международных и иностранных организаций, иностранных граждан [15]. Соответствующие СМИ должны регистрироваться в Министерстве юстиции РФ, отчитываться о получаемых финансовых средствах и расходах, а также маркировать свои материалы. Помимо этого, распространять информацию они могут только через учрежденные ими российские юридические лица. В декабре 2017 г. в реестр российского Минюста были включены «Голос Америки», «Радио Свободная Европа/Радио Свобода» (РСЕ/РС), различные медиапроекты Русской службы РСЕ/РС и телеканал «Настоящее время». Российские средства инновещания также не оставили обвинения в свой адрес без ответа, развернув осенью 2017 г. рекламную кампанию, высмеивающую эти обвинения (разместив на рекламных щитах или билбордах фразу «Застрыл в пробке? Проиграл выборы? Обвини в этом нас!» и аналогичные) [16]. Ещё одним шагом со стороны России в этой войне на информационном фронте стало принятое в 2014 г. российским правительством решение о прекращении участия российских школьников в программе Госдепартамента по обмену (*Future Leaders Exchang, FLEX*) (программа действовала с 1993 г.), которая являлась наряду с инновещанием одним из ключевых инстру-

ментов американской публичной дипломатии [17]. Поводом стало невозвращение несовершеннолетнего россиянина на Родину вопреки основополагающему принципу не только данной программы, но и большинства обменных инициатив, реализуемых под эгидой американского правительства.

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ПЕРЕД ЛИЦОМ ПАНДЕМИИ

Пандемия *COVID-19*, представляя собой беспрецедентный вызов для всех государств и международного сообщества в целом, тем не менее не оказала существенного влияния ни на взаимоотношения России и США, ни на сферу публичной дипломатии каждой из стран. Коронавирус не стал «общим противником», ради победы над которым государства были бы готовы отложить свои геополитические противоречия и споры относительно видения миропорядка. Генеральный секретарь ООН Антонио Гутерриш в обращении к Совету Безопасности 24 сентября 2020 г. констатировал, что пандемия была «тестом на способность к международному сотрудничеству, который мы в сущности провалили» [18].

Переломный момент не состоялся. Более того, этот новый фактор, который представляет собой пандемия, создал множество возможностей для публичной дипломатии по укреплению международного имиджа государств и новые направления в конкуренции за симпатии мирового общественного мнения. Можно выделить два основных аспекта, которые сквозь призму пандемии, стали играть значительную роль в создании международного образа государства и, соответственно, стали более или менее активно использоваться национальными системами публичной дипломатии, в том числе российской и американской, в частности, в контексте соперничества за международное общественное мнение: 1) оказываемая другим странам гуманитарная помощь в рамках борьбы с коронавирусом и 2) разработка и распространение вакцины.

Гуманитарная помощь, в целом, как правило, служит внешнеполитическим целям государства, которое её оказывает, играя роль не только жеста доброй воли, вызывающего благодарность и симпатию в краткосрочной перспективе, но и демонстрации возможностей и достижений [Великая А.А. 2020], внося вклад в долгосрочный процесс конструирования международного образа государства. Английская газета «Гардиан», освещая международную гуманитарную помощь, оказываемую для борьбы с коронавирусом Сербии, ввела термин «коронавирусная дипломатия», подчёркивая, что первыми помогли Сербии Китай и Россия, а Европейский Союз, несмотря на внушительность помощи в финансовом эквиваленте, из-за своего промедления вряд ли получит внушительные репутационные дивиденды в сербском общественном мнении [19]. Достаточно резонансным шагом стала российская помощь Италии. Причём значимую роль для российского зарубежного имиджа сыграл не столько сам факт помощи, сколько контекст: Россия, как и Китай, и Куба, оказалась в числе первых стран, оказавших помощь Италии в борьбе с коронавирусом весной 2020 г. в момент, когда ситуация в этой стране была наиболее тяжёлой. Италия начала получать помощь от России 22 марта 2020 г, при том, что вплоть до начала апреля Евросоюз

не оказывал этой стране никакой существенной поддержки. Напротив, ЕС закрыл границы с Италией, что привело к задержке поставок необходимого медицинского оборудования, за что 1 апреля 2020 г. председатель Еврокомиссии принесла Италии извинения от имени ЕС [20]. Это вызвало противоречивую реакцию в иностранных медиа, в которых помощь РФ Италии [21], как и поставка российского гуманитарного груза в США (по первоначальным данным, половина была оплачена РФПИ, а другая половина – американской стороной, тогда как более месяца спустя РФПИ заявил, что оплатил груз полностью, а американская сторона в ответ оплатила отправку аналогичной помощи в Россию [22]; [23]), были рассмотрены и с точки зрения поиска скрытых и корыстных мотивов российского политического руководства [21]; [24]. Однако даже критиками было отмечено, что Россия (наряду с Китаем) является одним из самых активных игроков на данном поле в условиях разворачивающейся пандемии коронавируса. Причём резонанс был вызван не только тем фактом, что на момент оказания помощи в Италии и в США фиксировались рекордные показатели по уровню заражений, но и тем, что в доставке грузов были задействованы самолеты военной авиации России, таким образом, совершавшие полёты в страны НАТО.

В целом, несмотря на то что приоритетными реципиентами российской гуманитарной помощи на фоне пандемии оказались страны ближнего зарубежья, а также аналогичные действия производились в отношении ряда стран других регионов (Латинской Америки, Ближнего Востока, Африки) [Шакиров О.И., Петросян М.К., Соловьев Д.Б. 2020], случаи, подобные итальянскому и американскому как наиболее резонансные, имеют наибольшее значение для укрепления положительного имиджа государства за рубежом и, соответственно, обеспечения поддержки иностранным общественным мнением определённых позиций и взглядов соответствующего государства.

Об этом свидетельствуют и данные исследования общественного мнения о России в 14 развитых странах, проведённого исследовательским Центром Пью в конце 2020 г., которые показали, что и Италия, и США относятся к небольшой группе стран, количество опрошенных в которых с позитивным мнением о России выросло по сравнению с 2019 г. соответственно на 5% и 1% [25].

С точки зрения взаимосвязи гуманитарной помощи в условиях пандемии и усилий российской публичной дипломатии также примечателен запуск в 2020 г. цифрового портала «Гуманитарная карта», созданного командой проекта «Гуманитарный монитор» в апреле 2020 г. российскими экспертами-международниками и отражающего в режиме реального времени на карте информацию о различных видах и формах помощи, которую Россия оказывает другим странам [26]. Данный проект был презентован российским агентством публичной дипломатии Россотрудничество.

США с имиджевой задачей при оказании гуманитарной помощи в условиях пандемии справились хуже. Несмотря на известность Агентства США по международному развитию (АМР) в качестве одного из значимых инструментов американской публичной дипломатии и «мягкой силы», многими экспертами

отмечается, что именно по вопросу о гуманитарной помощи, оказываемой иностранным государствам, США в соревновании в рамках «коронавирусной дипломатии» практически отсутствовали в отличие от других крупных международных игроков [19]. Речь идёт не о том, что Соединённые Штаты не предоставляли гуманитарную помощь другим странам (по заявлениям Госдепартамента, США являются лидером по предоставлению гуманитарной помощи в глобальной борьбе с COVID-19 [27]), а о том, что американская система публичной дипломатии не смогла использовать этот факт для получения имиджевых дивидендов и укрепления потенциала национальной «мягкой силы». По мнению бывшего высокопоставленного сотрудника Госдепартамента Назанин Эш, недостаток участия АМР в мировой борьбе с коронавирусом оставил «зияющую пустоту» [28], Джереми Конындык, занимавший пост директора Управления **по оказанию** помощи при стихийных бедствиях (*Office of Foreign Disaster Assistance*) в АМР при администрации Б. Обамы, комментируя международную гуманитарную помощь на фоне эпидемии, заявил, что «его сердце разбито из-за того, что США практически не присутствуют на данном фронте» [29].

Одна из причин такого положения дел кроется в том, что, хотя Конгресс США одобрил выделение внушительных сумм на оказание американской гуманитарной помощи, непосредственное предоставление этих денег нуждающимся странам было задержано бюрократическими проволочками на несколько месяцев [28]. Более того, летом 2020 г. руководству АМР было направлено письмо от более чем двух десятков различных международных групп, занимающихся оказанием помощи, в котором они выразили «исключительное беспокойство» тем, что «находящиеся на передовой линии борьбы с пандемией практически не получили американской гуманитарной помощи», несмотря на «долгие месяцы обещаний» [29]. Другая причина недостаточной эффективности реакции США на соответствующем направлении может крыться на системном уровне и касаться непосредственно положения дел в АМР. За период президентства Д. Трампа многие квалифицированные профессионалы внутри агентства были заменены на политических аппаратчиков, а постоянные (хотя и безуспешные попытки) президентской администрации сократить выделяемый бюджет на 20-30% «драматически подорвали» [30] роль США как крупнейшего игрока на мировой арене в сфере международной помощи.

Не менее значимыми для публичной дипломатии России и США на фоне пандемии оказались усилия обеих стран **по разработке соответствующих вакцин**, а также их последующему распространению. Круг стран – производителей вакцин постепенно расширяется: по данным ВОЗ на май 2021 г. проводились клинические испытания 100 вакцин от COVID-19 [31], причём Россия и США находятся среди наиболее активно и быстро проявивших себя в этой области (как и Китай). Именно Россия стала первой страной, зарегистрировавшей вакцину (на данный момент в РФ зарегистрированы три вакцины), и она вошла в число стран, которые первыми начали вакцинацию населения от COVID-19, опередив, в том числе, Соединенные Штаты [32]; [33].

Из используемых в США для вакцинации населения наиболее известны вакцина *Pfizer/BioNTech* совместного производства американской фирмы «Пфайзер» (*Pfizer*), германской «БиоЭнТек» (*BioNTech*) и китайской «Фосун фармасьютикл» (*Fosun Pharmaceutical*), а также *mRNA-1273*, разработанная американской компанией «Модерна» (*Moderna*). В декабре 2020 г. в США для вакцинации населения стали применять вакцину компании «Пфайзер», а затем и «Модерна». По данным агентства Блумберг на 16 мая 2021 г., в США было провакцинировано (одним из двух названных выше препаратов) более 270 млн человек [34]; [35]; [36].

В целом можно отметить: в том, что касается сравнения достижений России и США в области разработки вакцин от коронавирусной инфекции и публичной дипломатии этих стран картина достаточно позитивна для обоих участников. Для международного имиджа США безусловно весьма положительным является тот факт, что вакцина, произведённая при участии американской компании, стала первой одобренной к применению западной вакциной, первой вакциной, получившей одобрение ВОЗ. Это согласуется с продвигаемым в мире лежащим в основе американской публичной дипломатии образом США – глобального лидера. Также значимым элементом американской публичной дипломатии в контексте пандемии является то, что большинство развитых стран отдало предпочтение вакцинам компаний «Пфайзер» и «Модерна». Кроме того, Соединённые Штаты демонстрируют впечатляющие темпы вакцинации: агентство Блумберг ставит их на второе место по количеству вакцинированных жителей в мире по абсолютным числам. Данный положительный фактор, однако, несколько нивелируется тем, что и по количеству заражённых и умерших от коронавируса в мире США также являются лидером [37]. По данным Университета Дж. Хопкинса, на 16 мая 2021 г. количество заражений в США составило 32,9 из 162,6 млн человек по всему миру, то есть приблизительно 20% общемировых заражений), а число умерших от коронавируса – 585 729 человек (в мире соответственно 3 371 597), то есть примерно 17% всех смертей от вируса в мире.

Таким образом, с одной стороны, достижения американских учёных и фармацевтических компаний безусловно имеют положительный эффект для имиджа США за рубежом. С другой – на фоне высоких показателей заболеваемости эти успехи могут быть недооценены иностранным общественным мнением, так как от глобального лидера всегда будут ожидать наилучших показателей по всем параметрам, а каждый промах судить особенно жёстко.

Для российской публичной дипломатии достижения отечественных учёных в области разработки и распространения вакцины имеют ещё большее значение. В первую очередь, российская вакцина «Спутник-V» обладает статусом первой в мире зарегистрированной вакцины от COVID-19, и эти достижения российских учёных в сфере разработки вакцины признаются на международном уровне: исполнительный директор англо-шведской компании «АстраЗенека» (*AstraZeneca*), являющейся одним из ключевых игроков в гонке производства вакцин от COVID-19. Паскаль Сорио поздравил учёных Института им. Гамалеи с разработкой «первой в мире вакцины» в ходе видеоконференции по случаю

подписания меморандума о сотрудничестве, в рамках которого в феврале 2021 г. начались совместные клинические испытания комбинации российского «Спутника V» и препарата AZD1222, разработанного «АстраЗенека» и Оксфордским университетом [38]. Журналист «Нью-Йорк таймс» Э. Крамер, сделавший себе прививку в России, в своей статье охарактеризовал первоначальную предвзятость западных медиа в отношении российской вакцины как результат политизированности и назвал «Спутник V» «неподдельным достижением российских учёных», продолжившим давнюю традицию производства (и последующих поставок в страны третьего мира) вакцин в советскую эпоху [39]. Аналогичный «вотум доверия» российской вакцине также в начале января 2021 г. выразило агентство Блумберг, чей журналист, специализирующийся на аналитике фармацевтической тематики, Сэм Фазели отметил: «как ни удивительно», российские производители вакцин находятся на пятом месте в рейтинге агентства по количеству предзаказов, что «впечатляюще» для вакцины, результаты третьей фазы испытаний которой ещё не были опубликованы [40]. После публикации промежуточных результатов третьей фазы испытаний количество положительных отзывов о российской вакцине в международном информационном пространстве увеличилось: агентство Блумберг назвало «Спутник» «фаворитом в борьбе с пандемией» [41]; «Уолл-стрит джорнел» – «значительной победой Владимира Путина в глобальной гонке вакцин» [42], а Радио Канада – «научным и политическим триумфом для России» [43]. В этом контексте также значимым был жест со стороны Германии в январе 2021 г.: канцлер Ангела Меркель в телефонном разговоре с В.В. Путиным предложила помощь Института разработки вакцин и биомедицинских лекарственных средств имени Пауля Эрлиха (PEI) в усилиях по регистрации российской вакцины «Спутник V» в ЕС [44].

Таким образом, несмотря на изначальный скептицизм в глобальном информационном пространстве относительно вакцины российского производства [45], данный аспект стал одним из элементов стратегии российской публичной дипломатии, которые стали доступны на фоне пандемии. Кроме того, вакцина российского производства стала одной из трёх в мире с эффективностью выше 90%. По показателю заявленной эффективности российская и американская вакцины близки друг к другу: 95% вакцина компании «Пфайзер» (в начале апреля компания-разработчик объявила о понижении до 91,3%), 94% – «Модерна» и 91,6% эффективности изначально демонстрировала российская вакцина «Спутник», а в апреле 97,6% [46]; [47]. В то же время «Спутник» по сравнению с вакцинами компаний «Пфайзер» и «Модерна» имеет преимущество по таким параметрам, как заявленная стоимость и температура хранения. По данным «Вашингтон пост», средняя стоимость вакцины *Pfizer/BioNTech* для американцев составляет 19,5 долл., а для европейцев – 14,76 долл., стоимость вакцины «Модерны» – от 10 до 50 долл. [48] за дозу, при этом первые 100 млн доз для американцев были закуплены по 15 долл., а для европейцев – до 25 долл. за дозу. Глава Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ) К. Дмитриев в ходе презентации вакцины в рамках мероприятия на полях специальной сессии ГА ООН за-

явил, что цена вакцины «Спутник» будет единой для всех стран и составит менее 10 долл. за дозу [49]; [50]. Значительно – в разы – отличается и необходимая для хранения температура западных вакцин от российской.

Данные преимущества делают российскую вакцину (потенциально, обе вакцины) более привлекательными, в частности, для развивающихся стран. В октябре 2020 г. британская исследовательская организация «ЮГов» (*YouGov*), специализирующаяся на исследовании глобального общественного мнения и анализе рынка, провела исследование общественного мнения по заказу РФПИ в 11 странах мира по вопросам вакцинации от новой коронавирусной инфекции. В опросе приняли участие жители Бразилии, Вьетнама, Египта, Индии, Индонезии, Малайзии, Мексики, Нигерии, ОАЭ, Саудовской Аравии и Филиппин. Совокупное население этих стран составляет более 30% населения планеты. У опрошенных наибольшее доверие среди производителей вакцин вызывает Россия (21%), опережая США (15%) и Китай (13%) [51]. Данный фактор также особо значим для российской публичной дипломатии, так как выводит её на позиции одного из активных игроков на рынке вакцин, хотя и преимущественно для категории развивающихся стран. Тем не менее, это вносит определённый вклад в формирование положительного международного имиджа России. Помимо этого, для публичной дипломатии России имеет значение и тот факт, что её учеными было разработано три вакцины разного типа: на основе аденовируса человека, искусственно синтезированных пептидов коронавируса и инактивированного коронавируса. Для сравнения: обе вакцины, применяемые в США, являются препаратами одного типа.

ИНСТИТУТЫ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ РФ И США НА ФОНЕ ПАНДЕМИИ

В 2020 г. в обоих государствах наметились реформы в области публичной дипломатии. Нельзя в полной мере рассматривать их в качестве ответа на вызов пандемии, так как они являются последовательным логическим продолжением уже проделанной работы и согласуются с тем, как развивалась публичная дипломатия в каждом из них в последние десятилетия. Тем не менее, инициированные преобразования отвечают тем недостаткам публичной дипломатии, которые подчеркнула пандемия и тем возможностям по укреплению международного имиджа государства, которые стали заметны на её фоне. Знаковым событием для российской публичной дипломатии стала смена главы Россотрудничества летом 2020 г. Руководителем был назначен Е.М. Примаков, и он сразу анонсировал реформу российского подхода к «мягкой силе» и деятельности Агентства. По словам Е.М. Примакова, обновлённое Россотрудничество будет работать с общественным мнением за рубежом и фокусироваться на гуманитарной деятельности в широком смысле, включая культурные, образовательные, а также социальные и правовые аспекты [52]. Также было подчеркнуто, что агентство будет уделять особое внимание выстраиванию долговременных взаимоотношений с иностранной

аудиторий, в частности, путём образовательных программ. Акцент на гуманитарном направлении российской публичной дипломатии – это логичный шаг в направлении конструирования позитивного международного имиджа государства. Соответствующие инициативы относятся к инструментам публичной дипломатии, рассчитанным на долгосрочную перспективу.

И гуманитарная помощь, и активная работа над безопасной и доступной вакциной от коронавируса, проводимая в максимально сжатые сроки, стали важными аспектами российской публичной дипломатии во время пандемии, внося вклад в создание и поддержание образа «созидателя», державы с глобальной ответственностью, которая реализует её не через использование военной силы, а через оказание поддержки тем, кому это необходимо в решении глубоких проблем. Подобная логика полностью соответствует заявленным преобразованиям в системе публичной дипломатии, ориентированным на работу с общественным мнением в долгосрочной перспективе, улучшение международного имиджа не может принести дивиденды в полном объёме в краткосрочной перспективе.

В свою очередь, в США изменения в системе публичной дипломатии затронули иновещание – инструмент, оказывающий немедленное воздействие, рассчитанный на краткосрочную перспективу. Летом 2020 г. был назначен новый глава Агентства США по глобальным медиа – М. Пэк. Предпринятые им шаги, включающие замену руководства каналов вещания и администрации, внутреннюю проверку и пересмотр личных дел сотрудников, а также устранение барьеров между руководством и журналистами, были нацелены на централизацию управления иновещанием, сокращение дистанции между президентом и институтами публичной дипломатии, а также на повышение эффективности соответствующей деятельности [Артамонова У.З. 2020]. Соответствующие трансформации в системе американской публичной дипломатии продолжают реформы, инициированные ещё при президенте Б. Обаме. Именно тогда были предприняты первые шаги в направлении централизации: была учреждена должность генерального директора Агентства США по глобальным медиа, ему были переданы все полномочия по руководству агентством, а осуществлявший руководство до этого Совет управляющих был распущен. Данные изменения нацелены на мобилизацию ресурсов публичной дипломатии США.

Наибольших успехов в соответствующей сфере Соединённые Штаты добились в годы холодной войны (Cull N.J. 2012), когда управление всеми инструментами публичной дипломатии было максимально централизовано и все функции были консолидированы внутри одного правительственного агентства, руководитель которого тесно взаимодействовал с президентом США. В своих заявлениях о повышении эффективности иновещания М. Пэк обращался к таким понятиям как «национальная безопасность» и «национальные интересы», что демонстрирует тенденцию усиления политизированности американской публичной дипломатии в целом, и таким образом подчёркивается её роль как инструмента достижения внешнеполитических целей [Артамонова У.З. 2020]. Период наибольшей политизированности американской публичной дипломатии последний раз можно

было наблюдать при президенте Р. Рейгане [Tuch H.N. 1990], который дал новый импульс идеологическому противостоянию с Советским Союзом.

Перечисленные шаги вполне соотносятся с теми обстоятельствами, в которых оказалась американская публичная дипломатия на фоне пандемии. Именно иновещание должно было в первую очередь максимизировать положительный эффект от оказываемой США международной помощи и от достижений в сфере производства и распространения вакцин, чтобы статус мирового лидера укрепился за США в сознании международной общественности на фоне нового глобального вызова. Однако пока остаётся неясной линия администрации Дж. Байдена, во многом нацеленная на избавление от политического наследия Д. Трампа во всех сферах, включая и публичную дипломатию. М. Пэк стал первым, кто был отправлен в отставку, его кадровые решения в Агентстве США по глобальным медиа были отменены, уволенные сотрудники восстановлены, проверки прекращены. При этом, до сих пор не назначены ни новый постоянный глава агентства, ни заместитель госсекретаря по вопросам публичной дипломатии и связям с общественностью – ключевые лица в данной сфере.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В период трансформации миропорядка информационная сфера и публичная дипломатия играют одну из ключевых ролей в процессах мировой политики. Как Россия, стремящаяся занять позицию одного из центров силы в полицентричном мироустройстве, так и США, нацеленные на сохранение своих позиций в качестве глобального лидера, испытывают потребность в современной и эффективной системе публичной дипломатии. Более того, соответствующая область становится ещё одной ареной, иногда просто для соперничества, а иногда и для открытого противостояния двух государств.

Новый вызов, которым является *COVID-19*, мало что изменил в данном вопросе. Начало пандемии не стало сигналом к объединению перед общей угрозой. Однако в информационной сфере Россия и США несколько отвлеклись от противостояния друг с другом, больше уделяя внимание демонстрации мировой общественности того, как каждое из них справляется с новым вызовом. В исследовании, проведённом в июне 2020 г. Европейским советом по международным делам, в среднем у 57% опрошенных из девяти европейских стран ухудшилось мнение о США за время коронавирусного кризиса [53]. Исследование международного общественного мнения, проведённое исследовательским Центром Пью, результаты которого были опубликованы в сентябре 2020 г., показывает, что международное общественное мнение о США значительно ухудшилось в 2020 г. (показатели в некоторых странах самые низкие за последние 20 лет). В среднем, лишь 15% опрошенных посчитали, что ответ США на данный вызов заслуживает положительной оценки [54].

Россия также не смогла похвастаться значительным улучшением своих позиций на фоне пандемии - уровень симпатий иностранного общественно мнения

в среднем остался неизменным относительно показателей последних десяти лет [25]. Между тем согласно рейтингу устойчивости стран к коронавирусу, составленному агентством Блумберг для выявления стран, которые наиболее эффективно справляются с пандемией с наименьшими социальными и экономическими последствиями, показатель США составляет 65,3 пункта, а России – 60,9 пунктов [55]. В исследовании, проведенном Высшей школой экономики об эффективности реакции правительств разных стран на пандемию, Россия помещена на 7-е место, тогда как США – на 18-е. Данные из 48 стран, задействованных в исследовании, сравнивались по трём критериям: здравоохранение, социальная и экономическая поддержка [56].

Таким образом, пандемия как «лакмусовая бумажка» проявила изношенность американской системы публичной дипломатии; российская публичная дипломатия продемонстрировала постоянную нацеленность на завоевание новых позиций. Дальнейшее развитие событий, как представляется, будет зависеть не столько от успешности стран в использовании имиджевых дивидендов от борьбы с пандемией, сколько от системных изменений в их публичной дипломатии.

В последние годы в США был предпринят ряд шагов, направленных на реформирование системы публичной дипломатии, в первую очередь в иновещании, однако представляется маловероятным, что будет достигнут прорыв в этой сфере в кратко- и среднесрочной перспективе. Американская публичная дипломатия нуждается в комплексной реформе, охватывающей институциональное обеспечение, стратегическое целеполагание и принципы руководства во всех направлениях. На сегодняшний день определённые трансформации затронули только иновещание, но и они могут оказаться полностью нивелированными стремлением администрации Дж. Байдена уничтожить политическое наследие Д. Трампа. Демократическая администрация, вероятно, рассчитывает на улучшение международного имиджа США именно за счёт ухода Д. Трампа, поскольку именно с его избранием в 2016 г. был связан один из всплесков антиамериканизма в мировом общественном мнении, а также благодаря возвращению к политике продвижения демократических ценностей в отношениях с другими странами и в мировой политике в целом. Однако если руководство США решит ограничиться сменой риторики, в лучшем случае оно сможет рассчитывать на краткосрочное улучшение американских позиций в международной информационной сфере.

Россия, в свою очередь, на текущем этапе сосредоточила свое внимание на повышении эффективности инструментов публичной дипломатии, рассчитанных на долгосрочную перспективу, – культурных, образовательных, гуманитарных инициативах. Соответствующие направления публичной дипломатии нацелены на выстраивание долгосрочных взаимоотношений с народами других стран, это инвестиции в будущее иностранное общественное мнение и будущую поддержку со стороны мирового сообщества. В случае последовательности в соответствующих преобразованиях и отсутствия форс-мажорных факторов, способных коренным образом переменить тенденцию, представляется логичным рассчитывать на дальнейшую положительную динамику в этой сфере.

Тем не менее не следует недооценивать потенциально негативное воздействие на международный имидж России и, соответственно, на её успехи в сфере публичной дипломатии усиливающегося информационного противостояния с Соединёнными Штатами. При администрации Дж. Байдена Россия с большой вероятностью станет основной мишенью информационных кампаний, нацеленных на восстановление международного имиджа США, по нескольким причинам. Во-первых, не стоит забывать об активно продвигаемом с 2016 г. демократами дискурсе относительно предполагаемого вмешательства России в американские выборы. Показательно, что 4 февраля 2021 г. нынешний советник президента по национальной безопасности Дж. Салливан на брифинге в Белом доме заявил о намерениях США призвать Россию к ответу «за ряд предпринятых ею злонамеренных действий» [57]. В условиях, когда официальная риторика Белого дома во многом строится на противопоставлении Трампу и его наследию, культивация негативного образа России и соответствующих стереотипов – очевидное решение. Во-вторых, учитывая доминирование во внешнеполитической повестке администрации Дж. Байдена нарратива, связанного с демократическими ценностями и правами человека, Россия скорее всего станет жертвой соответствующих обвинений, тем более что подобный подход уже был опробован администрацией Б. Обамы. Госсекретарь Э. Блинкен уже резко раскритиковал ситуацию с несогласованными митингами в России в январе 2021 г [58]. Показателен и тот факт, что Дж. Байден восстановил должность руководителя российского направления в Совете национальной безопасности (чего не было в период президентства Д. Трампа). Помимо этого, в своём первом телефонном разговоре с В.В. Путиным, по информации, предоставленной Белым домом, Дж. Байден предъявил претензии российскому президенту по ряду вопросов, начиная от хакерских атак и заканчивая «предполагаемым» отравлением А. Навального [59].

Не иначе, как демонстративно «строгая» риторика США в отношении Москвы призвана укрепить их пошатнувшиеся позиции в международном информационном пространстве и восстановить глобальный авторитет, особенно в рамках повестки объединяющих демократических ценностей и противостояния глобальной угрозе, которую, в том числе, олицетворяет Россия. Соответственно, для сохранения положительной динамики российская публичная дипломатия должна будет не только успешно продвигать положительный имидж России, но и уравнивать соответствующую негативно-окрашенную риторику противной стороны.

ИСТОЧНИКИ

1. Rating World Leaders Report. 2020. Gallup. Available at: <https://www.gallup.com/services/182771/rating-world-leaders-report-download.aspx> (accessed: 16.05.2021).
2. Comprehensive annual report on public diplomacy and international broadcasting. 2019. US Advisory Commission on Public Diplomacy. Available at: <https://www.state.gov/2019-comprehensive-annual-report-on-public-diplomacy-and-international-broadcasting> (accessed: 16.05.2021).

3. Blumenthal P. The Largest Protest Ever Was 15 Years Ago. The Iraq War Isn't Over. What Happened? 2018. The Huffington Post. February 15. 2018. Available at: https://www.huffpost.com/entry/what-happened-to-the-antiwar-movement_n_5a860940e4b00bc49f424ecb (accessed: 16.05.2021).
4. Trump's International Ratings Remain Low, Especially Among Key Allies. 2018. Pew Research Center. Available at: <http://www.pewglobal.org/2018/10/01/trumps-international-ratings-remain-low-especially-among-key-allies/> (accessed: 16.05.2021).
5. Рутенберг Дж. RT, Sputnik и новая российская теория войны. 2017. The New York Times. 2017, 13 сентября. Available at: <https://www.nytimes.com/2017/09/13/magazine/rt-sputnik.html> (accessed: 16.05.2021).
6. Интервью с главой Россотрудничества Элеонорой Митрофановой. 2018. РБК. 12.09.2018. Available at: <https://rs.gov.ru/ru/news/34439> (accessed: 16.05.2021).
7. Current Time Available at: <https://www.currenttime.tv/about> (accessed: 16.05.2021).
8. Current Time network launches real news, for real people, in real time. 2017. USAGM official webpage. February 06. Available at: https://www.usagm.gov/2017/02/06/current-time-network-launches-real-news-real-people-real-time/?_ga=2.5978099.1111320608.1608049085-1898063101.1603096153 (accessed: 16.05.2021).
9. Schindler J.R. Obama Fails to Fight Putin's Propaganda Machine. 2015. Observer. May 11. 2015. Available at: <https://observer.com/2015/11/obama-fails-to-fight-putins-propaganda-machine/> (accessed: 16.05.2021).
10. Porter T. How US and EU failings allowed Kremlin propaganda and fake news to spread through the West. 2016. International Business Times. November 28. 2016. Available at: <https://www.ibtimes.co.uk/how-us-eu-failings-allowed-kremlin-propaganda-fake-news-spread-through-west-1593071> (accessed: 16.05.2021).
11. Global Engagement Center. Archived content of the Official website of the US Department of State for the period of 2009-2017. Available at: <https://2009-2017.state.gov/r/gec//index.htm#:~:text=The%20Global%20Engagement%20Center%20is,Obama%20on%20March%2014%2C%202016.> (accessed: 16.05.2021).
12. Layne N. U.S.-based Russian news outlet registers as foreign agent. 2018. Reuters. February 18. 2018. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trump-russia-propaganda/u-s-based-russian-news-outlet-registers-as-foreign-agent-idUSKCN1G201H> (accessed: 16.05.2021).
13. Wilson M. R. Russian news outlet Sputnik registers with DOJ as foreign agent. 2017. The Hill. November 17. 2017. Available at: <https://thehill.com/business-a-lobbying/business-a-lobbying/360912-russian-news-outlet-sputnik-registers-with-doj-as> (accessed: 16.05.2021).
14. The Foreign Agents Registration Act. The US Department of Justice. Available at: <https://www.justice.gov/nsd-fara> (accessed: 16.05.2021).
15. Федеральный закон от 25 ноября 2017 года № 327-ФЗ "О внесении изменений в статьи 10.4 и 15.3 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и статью 6 Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации". 2017. Российская газета. Федеральный выпуск № 268(7434). 27.11.2017. Available at: <https://rg.ru/2017/11/25/fz327-site-dok.html> (accessed: 16.05.2021).

16. «Реклама, которой они хвалятся»: Хиллари Клинтон отреагировала на плакаты RT в лондонском метро. 2017. RT. 16.10.2017. Available at: <https://russian.rt.com/world/article/440113-reklama-rt-hillari-klinton> (accessed: 16.05.2021).

17. Ошаров Р. Россия отменила участие школьников в программе обмена с США. 2014. VOA. 01.10.2014. Available at: <https://www.golosameriki.com/a/ro-on-flex-termination/2468626.html> (accessed: 16.05.2021).

18. Secretary-General Highlights 'Essential' Failure of International Cooperation, in Address to Security Council Meeting on Post-Coronavirus Global Governance. 2020. UN Meetings Coverage and Press Releases. September 24. 2020. Available at: <https://www.un.org/press/en/2020/sc14312.doc.htm> (accessed: 16.05.2021).

19. Walker S. Coronavirus diplomacy: how Russia, China and EU vie to win over Serbia. 2020. The Guardian. April 13. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/13/coronavirus-diplomacy-how-russia-china-and-eu-vie-to-win-over-serbia> (accessed: 16.05.2021).

20. Брюссель извинился перед Италией. 2020. Euronews. April 16. 2020. Available at: <https://ru.euronews.com/2020/04/16/eu-parliament-ursula-corona> (accessed: 16.05.2021).

21. Ellyatt H. From Russia with love? Why the Kremlin's coronavirus aid to the West is controversial. 2020. CNBC. April 07. 2020. Available at: <https://www.cnbc.com/2020/04/07/why-the-kremlins-coronavirus-aid-to-the-west-is-controversial.html> (accessed: 16.05.2021).

22. В МИД рассказали, кто оплатил медицинский груз для США. 2020. ТАСС. 02.04.2020. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/8143379> (accessed: 16.05.2021).

23. РФПИ оплатил 100% груза с медоборудованием для США, Штаты оплатят ответный груз для РФ. 2020. РИА Новости. 19.05.2020. Available at: <https://rdif.ru/fullNews/5191/> (accessed: 16.05.2021).

24. Braw E. Beware of Bad Samaritans. 2020. Foreign Policy. March 30. 2020. Available at: <https://foreignpolicy.com/2020/03/30/russia-china-coronavirus-geopolitics/> (accessed: 16.05.2021).

25. Huang C. Views of Russia and Putin remain negative across 14 nations. 2020. Pew Research Center. December 16. 2020. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/12/16/views-of-russia-and-putin-remain-negative-across-14-nations/> (accessed: 16.05.2021).

26. Гуманитарная карта. О проекте. Available at: <https://www.russianassistance.ru/about/> (accessed: 16.05.2021).

27. The United States is Leading the Humanitarian and Health Assistance Response to COVID-19. 2020. U.S. Mission Russia. May 12. 2020. Available at: <https://ru.usembassy.gov/us-leading-assistance-covid-response/> (accessed: 16.05.2021).

28. Jakes L. Despite Big Promises, U.S. Has Delivered Limited Aid in Global Virus Response. 2020. The New York Times. July 07. 2020. Available at: <https://www.nytimes.com/2020/06/07/us/politics/coronavirus-humanitarian-aid-united-states.html> (accessed: 16.05.2021).

29. Anna C. Aid groups 'alarmed' by little US coronavirus assistance. 2020. Associated Press. June 13. 2020. Available at: <https://apnews.com/article/e8502c6c8556ed5ff3ca84e48b198753> (accessed: 16.05.2021).

30. Rigby J. et al. How Trump undermined US aid - but still spent billions in 'transactional' approach. 2020. The Telegraph. October 31. 2020. Available at:

<https://www.telegraph.co.uk/global-health/climate-and-people/trump-undermined-us-aid-still-spent-billions-transactional/> (accessed: 16.05.2021).

31. Draft landscape and tracker of COVID-19 candidate vaccines. WHO. Available at: <https://www.who.int/publications/m/item/draft-landscape-of-covid-19-candidate-vaccines> (accessed: 16.05.2021).

32. Овчинникова О. "Ничего страшного нет": как проходит вакцинация от COVID-19 в Москве. 2020. РИА Новости. 05.12.2020. Available at: <https://ria.ru/20201205/vaktsinatsiya-1587816320.html> (accessed: 16.05.2021).

33. РФПИ подал заявку на регистрацию "Спутника V" в ЕС 29 января. 2021. ТАСС. 09.02.2021. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/10655495> (accessed: 16.05.2021).

34. Регулятор США одобрил вакцину против коронавируса от Pfizer и BioNTech. 2020. РБК. 12.12.2020. Available at: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5fd437539a7947710cae4bd> (accessed: 16.05.2021).

35. Statement from NIH and BARDA on the FDA Emergency Use Authorization of the Moderna COVID-19 Vaccine. 2020. US National Institutes of Health. 18 December 2020. Available at: <https://www.nih.gov/news-events/news-releases/statement-nih-barda-fda-emergency-use-authorization-moderna-covid-19-vaccine> (accessed: 16.05.2021).

36. Covid-19 Tracker. Bloomberg. Available at: <https://www.bloomberg.com/graphics/covid-vaccine-tracker-global-distribution/> (accessed: 16.05.2021).

37. Dong E, Du H, Gardner L. An interactive web-based dashboard to track COVID-19 in real time. *Lancet Inf Dis.* 20(5):533-534. Available at: <https://gisanddata.maps.arcgis.com/apps/opsdashboard/index.html#/bda7594740fd40299423467b48e9ecf6> (accessed: 16.05.2021). DOI: 10.1016/S1473-3099(20)30120-1.

38. Начались испытания комбинации "Спутника V" и AstraZeneca. 2021. РИА Новости. 20.02.2021. Available at: <https://ria.ru/20210220/vaktsina-1598299215.html> (accessed: 16.05.2021).

39. Kramer A.E. Why I Got the Russian Vaccine. 2021. The New York Times. January 08. 2021. Available at: <https://www.nytimes.com/2021/01/08/world/europe/russian-vaccine.html> (accessed: 16.05.2021).

40. Fazeli S. Would You Take Russia's Covid-19 Vaccine? 2021. Bloomberg. January 08. 2021. Available at: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2021-01-08/how-does-russia-s-covid-19-vaccine-compare-with-pfizer-moderna> (accessed: 16.05.2021).

41. Meyer H. Putin's Once-Scorned Vaccine Now Favorite in Pandemic Fight. 2021. Bloomberg. February 06. 2021. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-02-06/putin-s-once-scorned-vaccine-is-now-a-favorite-in-pandemic-fight?srnd=premium-europe> (accessed: 16.05.2021).

42. Kantchev G. Russian Covid-19 Vaccine Was Highly Effective in Trial, Boosting Moscow's Rollout Ambitions. 2021. The Wall Street Journal. February 02. 2021. Available at: https://www.wsj.com/articles/russian-covid-19-vaccine-was-highly-effective-in-trial-study-finds-boosting-moscows-rollout-ambitions-11612269047?mod=searchresults_pos2&page=1 (accessed: 16.05.2021).

43. Alteresco T. Le Spoutnik V est en orbite: un triomphe scientifique et politique pour la Russie. 2021. Radio-Canada. 13.02.2021. Available at: <https://ici.radio-canada.ca/nouvelle/1770386/spoutnik-v-pandemie-russie-poutine-scientifique> (accessed: 16.05.2021).

44. Ковалева Д. Меркель предложила Путину помощь в регистрации вакцины "Спутник V" в ЕС. 2021. Российская газета. 21.01.2021. Available at:

<https://rg.ru/2021/01/21/merkel-predlagala-putinu-pomoshch-v-registracii-vakciny-sputnik-v-v-es.html> (accessed: 16.05.2021).

45. Berkeley Jr. L. Scientists worry whether Russia's Sputnik V' coronavirus vaccine is safe and effective. 2020. CNBC. August 11. 2020. Available at: <https://www.cnbc.com/2020/08/11/scientists-worry-whether-russias-sputnik-v-coronavirus-vaccine-is-safe-and-effective.html> (accessed: 16.05.2021).

46. Воронин Н. Гонка вакцин от коронавируса. Мы их сравнили, и вот что получилось. 2020. BBC. 17.11.2020. Available at: <https://www.bbc.com/russian/features-54963792> (accessed: 16.05.2021).

47. Эффективность "Спутника V" достигла 97,6%. ТАСС. 19.04.2021. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/11188213> (accessed: 16.05.2021).

48. Birnbaum M. et al. Europe is paying less than U.S. for many coronavirus vaccines. 2020. The Washington Post. December 19. 2020. Available at: https://www.washingtonpost.com/world/eu-coronavirus-vaccines-cheaper-than-united-states/2020/12/18/06677e34-4139-11eb-b58b-1623f6267960_story.html (accessed: 16.05.2021).

49. Cao S. COVID-19 Vaccine Prices Revealed From Pfizer, Moderna, and AstraZeneca. 2020. Observer. November 23. 2020. Available at: <https://observer.com/2020/11/covid19-vaccine-price-pfizer-moderna-astrazeneca-oxford/> (accessed: 16.05.2021).

50. Единая стоимость вакцины "Спутник V" для всех стран будет менее \$10. 2020. Прайм. 02.12.2020. Available at: <https://1prime.ru/society/20201202/832482245.html> (accessed: 16.05.2021).

51. Россия пользуется высоким доверием как производитель вакцин, почти половина респондентов в 11 странах осведомлена о «Спутник V», свидетельствует опрос YouGov. Пресс-релиз. 2020. Российский фонд прямых инвестиций. 17.11.2020. [Электронный ресурс]. Available at: <https://rdif.ru/fullNews/6041/> (accessed: 16.05.2021).

52. Ключевые тезисы по итогам пресс-конференции Е.А.Примакова на тему работы обновленного Россотрудничества. 2020. Российский центр науки и культуры в Париже. 17.11.2020. Available at: <https://crsc.fr/kljuchevye-tezisy-po-itogam-press-konferencii-e-a-primakova-na-temu-raboty-obnovlennogo-rossotrudnichestva/?lang=ru> (accessed: 16.05.2021).

53. Together in trauma: Europeans and the world after covid-19. 2020. European Council on Foreign Affairs. June 29. 2020. Available at: https://www.ecfr.eu/publications/summary/together_in_trauma_europeans_and_the_world_after_covid_19 (accessed: 16.05.2021).

54. U.S. Image Plummet Internationally as Most Say Country Has Handled Coronavirus Badly. 2020. Pew Research Center. Available at: https://www.pewresearch.org/global/wp-content/uploads/sites/2/2020/09/PG_2020.09.15_U.S.-Image_FINAL.pdf (accessed: 16.05.2021).

55. Chang R. et al. The Covid Resilience Ranking: The Best and Worst Places to Be in Covid: U.S. Sinks in Ranking. 2020. Bloomberg. December 21. 2020. Available at: <https://www.bloomberg.com/graphics/covid-resilience-ranking/> (accessed: 16.05.2021).

56. Russia Is Among the Leaders of the Global COVID-19 Pandemic Response Efficiency Index. 2020. National Research University Higher School of Economics. 20.07.2020. Available at: <https://www.hse.ru/en/news/research/381045220.html> (accessed: 16.05.2021).

57. США заявили о позволяющей «эффективно противостоять РФ» новой внешней политике. 2021. Известия. 04.02.2021. Available at: <https://iz.ru/1120802/2021-02-04/ssha-zaiavili-o-pozvoliaiushchei-effektivno-protivostoiat-rf-novoi-vneshnei-politike> (accessed: 16.05.2021).

58. Blinken criticizes Putin for crackdown on Navalny protesters. 2021. NBC News. February 01. 2021. Available at: <https://www.nbcnews.com/politics/politics-news/blinker-criticizes-putin-crackdown-navalny-protesters-n1256312> (accessed: 16.05.2021).

59. Liptak K. Biden confronts Putin over several issues in first call, White House says. 2021. CNN. January 26. 2021. Available at: <https://edition.cnn.com/2021/01/26/politics/biden-putin-russia-phone-call/index.html> (accessed: 16.05.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артамонова У.З. 2019. Эволюция институтов российской публичной дипломатии. *Россия и Америка в XXI веке*. № 3. DOI: 10.18254/S207054760006903-0

Артамонова У.З. 2020. Реформа иновещания на фоне системного кризиса американской публичной дипломатии. *Россия и Америка в XXI веке*. № 4. DOI: 10.18254/S207054760013295-1

Безруков А.О. и Сушенцов А.А. 2020. Российско-американские отношения: «Странная холодная война» / *Россия и США в XXI веке. Особенности*. Под ред. Т.А. Шаклеиной, с. 319-337.

Богатуров А.Д. 2007. Три поколения внешнеполитических доктрин России. *Международные процессы*. Т. 5. №13. С. 54-69.

Великая А.А. 2020. Роль гуманитарной помощи в позиционировании страны на примере зарубежного содействия Сербии в борьбе с COVID-19. *Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer*. №7 (336). С.53-63.

Войтоловский Ф.Г. 2015. Российско-американские отношения в контексте украинского кризиса: тенденции и перспективы. *Пути к миру и безопасности*. № 1(48). С. 67-84.

Журавлева В.Ю. 2017. Россия и США: размышляя над конфликтом. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 61. № 5. С. 5-13. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-5-5-13

Шакиров О.И., Петросян М.К., Соловьев Д.Б. 2020. Гуманитарная помощь против коронавируса. Кому и как помогала Россия во время пандемии COVID-19? Москва: ЦПУР. 17 с.

Шаклеина Т.А. 2019. «Дилемма Америки» в формировании современного мирового порядка. *Международные процессы*. Т. 17. №4(59). С.36-48. DOI: 10.17994/IT.2019.17.4.59.3

REFERENCES

Artamonova U. 2019. Evoliutsiia institutov rossiiskoi publichnoi diplomatii [The evolution of the Russian institutions conducting public diplomacy] (In Russ.). *Russia and America in the 21st Century*. (3). DOI: 10.18254/S207054760006903-0

Artamonova U. 2020. Reforma inoveshchaniia na fone sistemnogo krizisa amerikanskoi publichnoi diplomatii [International broadcasting reform in the light of US public diplomacy systemic crisis] (In Russ.). *Russia and America in the 21st Century*. (4). DOI: 10.18254/S207054760013295-1

Bezrukov A.O., Sushentsov A.A. (2020) Rossiisko-amerikanskii otnosheniia: «Strannaia holodnaia voina» [Russian-American relations: "Strange cold war"]. In: Shakleina T.A. (eds.) *Rossiia i SSHA v XXI veke. Osobennosti otnoshenij* [Russia and the US in 21st century: relationship's particularities] (In Russ.), pp. 319-337..

Bogaturov A.D. 2007. Tri pokoleniia vneshepoliticheskikh doktrin Rossii [The generations of Russia's foreign policy doctrines] (In Russ.). *Mezhdunarodnye processy*. Vol. 5. №13. P. 54-69.

Cull N. J. (2012) *The Decline and Fall of the United States Information Agency*. Palgrave Macmillan. 257 p.

Kelley J. R. (2009) Between 'Take-ofs' and 'Crash Landings': Situational Aspects of Public Diplomacy / In: Snow N. and Taylor P. (eds.) *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. New York: Routledge. P. 72-85.

Legvold R. (2016) *Return to Cold War*. Cambridge: Polity. 208 p.

Shakirov O.I., Petrosyan M.K., Soliviyov D.B. 2020. Gumanitarnaya pomoshch' protiv koronavirusa. Komu i kak pomogala Rossiya vo vremya pandemii COVID-19? [The humanitarian aid during coronavirus pandemic. Who did Russia help during COVID-19 pandemic and how?] (In Russ.). Moscow: CPUR. P.17..

Shakleina T.A. 2019. «Dilemma Ameriki» v formirovaniy sovremennogo miroporiadka. [“American dilemma” in the forging of a new world order] (In Russ.). *Mezhdunarodnyye processy*, Vol. 17. №4(59). P.36-48. DOI: 10.17994/IT.2019.17.4.59.3.

Snow N. (2020) Rethinking Public Diplomacy in the 2020s. In.: Snow N. and Cull N. J. (eds.) *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. Abingdon: Routledge, p. 3-12.

Tuch H.N. (1990) *Communicating with the World: U. S. Public Diplomacy Overseas*. Palgrave Macmillan. 244 p.

Velikaya A. A. Rol' humanitarnoi pomoshchi v pozitsionirovaniy strany na primere zarubezhnogo sodeystviya Serbii v bor'be s COVID-19 [The humanitarian aid in nation branding the case of foreign assistance to Serbia in the fight against COVID-19] (In Russ.). *Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel' – Observer*. №7 (336). P. 53-63.

Velikaya A. and Simons G. (2020) Introduction. In: Velikaya A. and Simons G. (eds.) *Russia's Public Diplomacy: Evolution and Practice*. Palgrave Macmillan, p. 1-25. DOI: 10.1007/978-3-030-12874-6.

Voitolovsky F. G. 2015. Rossiisko-amerikanskije otnosheniya v kontekste ukrainskogo krizisa: tendentsii i perspektivy [Russian-American relations in the context of the Ukrainian crisis: trends and prospects] (In Russ.). *Puti k miru i bezopasnosti*. № 1(48). P. 67-84.

Zhuravleva V. Rossiya i SSHA: razmyshleniya nad konfliktom [Russia and the US: reflecting on the conflict] (In Russ.). *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. Vol. 61. № 5. P. 5-13. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-5-5-13.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АРТАМОНОВА Ульяна Звиадиевна, младший научный сотрудник Центра североамериканских исследований Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (ИМЭМО РАН).
Российская Федерация 117997 Москва, ул. Профсоюзная д. 23.

Uliana Z. ARTAMONOVA, Junior research fellow, Center for North American studies, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS).
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997.

Поступила в редакцию / Received 9.04.2021

Поступила после рецензирования / Revised 15.04.2021

Принята к публикации / Accepted 19.04.2021

УДК 327

DOI: 10.31857/S268667300015222-4

Место США и коллективного Запада во внешнеполитических приоритетах России

А.С. Степанов

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН),

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок, д 2/3

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8270-9774>

e-mail: astepano89@gmail.com

Резюме: Вниманию читателя предлагается рецензия вышедшей в 2021 г. в издательстве «Аспект-Пресс» книги о внешнеполитических приоритетах России, в том числе в отношении стран так называемого коллективного Запада, возглавляемого Соединёнными Штатами Америки, в которой представлены мнение и взгляды эксперта в области дипломатии и внешней политики, кандидата исторических наук А.К. Боброва, старшего преподавателя кафедры дипломатии МГИМО МИД России. Рецензент постарался продемонстрировать подходы автора книги к исследованию самой темы концептуализации внешней политики России, рассказать о её отличительных особенностях, а также уделить особое внимание отражению российско-американских отношений в авторском прочтении российских доктринальных документов.

Ключевые слова: Российская Федерация, внешнеполитические приоритеты, концептуальные основы внешней политики, российско-американские отношения.

Для цитирования: Степанов А.С. Место США и коллективного Запада во внешнеполитических приоритетах России. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2021; 51 (6) 111-118. DOI: 10.31857/S268667300015222-4

The United States and the Collective West in Russia's Foreign Policy Priorities

Alexey S. Stepanov

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences.

2/3, Khlebyny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8270-9774>

e-mail: astepano89@gmail.com

Abstract: The readers' attention is drawn to the review of a book on Russia's foreign policy priorities, including those in relation to the countries of the so-called collective West, led by the United States of America, published in 2021 by the "Aspect-Press" publishing house. The book presents opinions and views on the subject of A.K. Bobrov, candidate of historical sciences, senior lecturer at the Department of Diplomacy, MGIMO, Ministry of Foreign Affairs of Russia, who is an expert in the field of diplomacy and foreign policy. The reviewer tried to demonstrate the author's approaches to the study of conceptualization of Russian foreign policy, to describe in the author's reading of Russian doctrinal documents.

Keywords: Russian Federation, foreign policy priorities, conceptual framework of foreign policy, Russian-American relations.

For citation: Stepanov A.S. The United States and the Collective West in Russia's Foreign Policy Priorities. *USA & Canada: Economics Politics, Culture*, 2021; 51 (6) 111-118. DOI: 10.31857/S268667300015222-4

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время Российская Федерация находится в центре ряда глобальных процессов, оказывающих значительное влияние как на её будущее, так и многих других стран. а также всей системы международных отношений. При этом внешняя политика России, вызывая большой интерес зарубежных экспертов и наблюдателей, включая высшие должностные лица этих стран, одновременно встречает непонимание или ощущение непредсказуемости. В нашу высокотехнологичную эпоху государственным деятелям, принимающим политические решения, а также тем, кому по тем или иным причинам необходимо знать, на каком языке «разговаривает» современная Россия в международной политике, очень важно, принимая эти решения, основываться на фактах и объективном анализе эмпирических данных. Однако нередко возникает ощущение, что выводы, касающиеся России, делаются на основе информации в СМИ и мнений частных лиц разного ранга и невысокого уровня компетенции, не всегда выносящих обоснованные оценочные суждения. В отличие от западных стран, прежде всего США, Россия не имеет длительной традиции публикации доктринальных документов, отражающих различные аспекты её внешней политики. Тем не менее, начиная с образования Российской Федерации как независимого государства, основные положения её внешнеполитического курса стали формулироваться в виде концептуальных документов, которые публикуются по настоящее время и сохранили значительную степень преемственности.

ОСОБЕННОСТИ МОНОГРАФИИ

В монографии «Концептуальные основы внешней политики России» А.К. Бобров даёт авторское определение термина «концептуальные основы», под которым понимает изложение основных событий и тенденций международных отношений, описание подходов Российской Федерации к актуальным проблемам, возникшим на протяжении её новейшей истории, целей её внешней политики, которые предполагается достигнуть, стоящих за ними ценностей и

базовых установок, а также формулирование задач, которые необходимо решить для достижения этих целей. Концептуальные основы внешней политики автор подразделяет на шесть групп, которые определяют структуру книги: ключевые подходы к вопросам стратегического характера, к решению глобальных проблем, к участию в институтах многосторонней дипломатии, а также региональные направления внешней политики развитие двусторонних отношений и позицию России по поводу главных региональных кризисов и конфликтов.

Стержнем рассматриваемой работы служит авторский комплексный подход к периодизации внешнеполитического курса России, основанный на смене политических тенденций, а также руководящих лиц, ответственных за принятие внешнеполитических решений (не только президентов, но в некоторых случаях и министров иностранных дел). В связи с этим автор подразделяет историю внешней политики России на четыре временных периодов: 1991–1996 гг., 1996–2008 гг., 2008–2012 гг., 2012 г. – по настоящее время. Обосновывая свою систему периодизации, автор рассматривает и другие варианты на иных основах – опубликование новых редакций «Концепции внешней политики», конституционные президентские сроки, политические тенденции – и выявляет их недостатки.

В своей книге А.К. Бобров делает справедливый, на мой взгляд, вывод о том, что российская концепция внешней политики и вытекающие из неё практические шаги носят *реактивный характер* и во многом корректируется в зависимости от текущей конъюнктуры. Так, он пишет, что «выработка внешнеполитического курса и формулирование позиции России по ключевым вопросам международной повестки дня происходят практически на ежедневной основе в зависимости от тех ключевых событий, которые влияют на международные отношения» [Бобров, 2021: 7]. В этой связи автор подчёркивает отличие российского подхода к внешнеполитической стратегии от подхода США и некоторых других стран, формулирующих свою внешнеполитическую повестку более проактивно. Ещё одна особенность, которую выделяет автор, – это подчёркнутая *деидеологизованность представлений о внешней политике*, отражённая в «Концепции».

Что касается структуры книги, то в её первых шести главах автор рассматривает непосредственно документы «Концепция внешней политики» России и анализирует сначала положения каждого из них, а затем исследует особенности практического их применения во внешнеполитической деятельности. При этом А.К. Бобров уделяет внимание как преемственности доктрин, так и их различию. Например, указывается, что задачи внешней политики, перечисленные в первом концептуальном документе 1993 г., сохраняют актуальность и по сей день, однако деление внешнеполитических приоритетов на глобальные и региональные там отсутствует. Существующая структура документа сохраняется со времени принятия документа 2000 года.

На рубеже веков внешняя политика России начала приобретать такие современные черты, как «дуализм» в отношениях с Западом и акцент на формировании многополярной системы международных отношений. Характерной чертой «Концепции» 2008 г, опубликованной при президентстве Д.А. Медведева

автор называет упоминание верховенства международного права и роль правительства РФ (председателем которого в те годы был В.В. Путин) в формировании и реализации внешней политики. В «Концепции» 2013 г., например, в списке региональных приоритетов разделение на США и Европу сменилось единым термином «Евро-Атлантический регион».

Отдельная глава в монографии посвящена региональным приоритетам внешней политики России. В документе 1993 г. они строились следующим образом: страны СНГ, США, Европа, АТР, Южная и Западная Азия, Ближний Восток, Африка, Латинская Америка. В документе 2000 г. Европа переместилась с третьего на второе место; АТР, Южная и Западная Азия были объединены в понятие «Азия», а Латинская Америка разделена на Центральную и Южную. Окончательно нынешняя система региональных приоритетов сложилась к 2013 г. В ней Европа и США преобразовались в Евро-Атлантический регион, Азия – в Азиатско-Тихоокеанский регион. В этой же главе автор приводит свою собственную концепцию региональных направлений внешней политики, в состав которых входят постсоветское пространство (бывшие республики СССР за вычетом прибалтийских, а также Абхазия и Южная Осетия), Евро-Атлантический регион (государства, являющиеся частью «геополитического Запада»), Азиатско-Тихоокеанский регион (государства, имеющие выход к Тихому Океану плюс Центральная и Южная Азия), Ближний Восток (куда включены и государства Северной Африки, а также Турция и Иран), Латинская Америка (включая страны Карибского бассейна) и Африка (южнее Сахары).

Все эти региональные направления в дальнейшем рассмотрены автором в отдельных главах. Кроме того, он даёт собственное определение критериям, по которым регион занимает то или иное место в иерархии внешнеполитических приоритетов. Так, выделяются политико-дипломатические, экономические, а также географические и гуманитарные факторы. По мнению автора, необходимо принимать в расчёт все их в совокупности. Иерархии стран по каждой их вышеперечисленных факторов иллюстрируются в книге в виде весьма любопытных таблиц, отражающих, например, интенсивность политико-дипломатического диалога РФ с иностранным государством, где автор вводит понятие «коэффициент интенсивности диалога» [Бобров, 2021: 104-106], или отражающих процент стран с безвизовым режимом для граждан РФ в том или ином регионе [Бобров, 2021: 108].

Заслуживает внимания проделанная автором работа по дефиниции широко используемых в международных исследованиях понятий. Так, автор определяет понятие «геополитический Запад» как «США, их союзников в рамках НАТО (за исключением Турции), не входящих в Североатлантический блок стран - членов ЕС и ЕАСТ*, а также международные институты ... созданные без участия Москвы и в которых доминирующую роль играют вышеперечисленные государства» [Бобров, 2021: 15]. Сюда же можно отнести и упомянутое выше определение «кон-

* Европейская ассоциация свободной торговли

цептуальных основ внешней политики», часто встречающегося и редко конкретизирующегося в дипломатическом и политологическом обиходе термина.

Хотелось бы также отметить список рекомендуемой литературы по теме, который автор даёт после каждой главы книги, подталкивая читателя к её самостоятельному изучению. Это увеличивает ценность монографии как учебного пособия.

Стоит отметить и представленную в книге инфографику, которая отличается информативностью и наглядностью, а также иллюстрирует подходы автора к рассматриваемым проблемам. Отдельно хочется выделить «Карту постсоветских интеграционных процессов», отражающую позицию стран касательно того или иного интеграционного объединения, взаимоотношения этих объединений, позицию постсоветских стран по отношению к России, конфликтность на постсоветском пространстве, позволяющую сделать и многие другие самостоятельные выводы. Постсоветскому пространству также посвящена подробнейшая схема трёх главных вооружённых конфликтов на его территории, где указаны границы территорий, контролируемых сторонами, отражены географические аспекты соглашений об их урегулировании, отмечены места нарушений соглашений и многое другое.

Помимо графического материала, наглядными иллюстрациями в работе служат посвящённые описываемым проблемам цитаты из выступлений и интервью лиц, ответственных за реализацию российского внешнеполитического курса: министров иностранных дел и их заместителей. Присутствуют и выдержки из международно-правовых документов, например, Минских соглашений по Украине.

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ С США И СТРАНАМИ ЗАПАДА

Отношения России с США и «коллективным Западом» в целом автор характеризует как один из главных источников противоречий во внешней политике России, вынужденной «разрываться» между желанием сотрудничать или даже стать союзником этих стран и необходимостью отстаивать свои национальные интересы, а также поддерживать статус великой державы. В монографии А.К. Боброва чётко показано искреннее стремление России к взаимодействию с США и Западом, выражавшееся в целом ряде российских предложений и инициатив, раз за разом не находившее у них понимания. На сегодняшний момент противостояние с Западом, как справедливо отмечает автор, является «системообразующим элементом нашей внешнеполитической стратегии», оказывающим влияние на все элементы концепции внешней политики РФ. Так, «нацеленность на интеграцию России в сообщество наиболее развитых стран Запада» автор называет одним из главных направлений внешней политики в «Концепции» 1993 г. Тогдашний министр иностранных дел РФ А.В. Козырев заявил, что «Демократическая Россия должна быть таким же естественным союзником демократических стран Запада, как тоталитарный Советский Союз был естественным противником Запада» [Бобров, 2021: 22].

Собственно, в течение первой половины 1990-х сотрудничество между Россией и США было насыщенным и разноплановым. Взаимодействие в сфере контроля над вооружениями включало в себя выполнение Договора СНВ-1 и подписание дополнительного Лиссабонского протокола к нему, согласно которому Украина, Казахстан и Белоруссия согласились перевезти имевшиеся у них запасы ядерного оружия на территорию России и присоединились к ДНЯО в качестве безъядерных государств. В свою очередь, реализация протокола на практике была бы невозможной без участия США в рамках программы Нанна - Лугара. Кэмп-Дэвидская декларация, согласно которой стороны согласились не рассматривать друг друга в качестве потенциальных противников, послужила эффективным инструментом снижения взаимной напряжённости в сфере безопасности, а создание комиссии Гор - Черномырдин позволило наладить сотрудничество в сфере экономики. При содействии США, как отмечает автор, Россия смогла присоединиться к различным международным организациям, таким как Группа 7-и, Совет НАТО, Совет Европы; начался процесс присоединения к ВТО и ОЭСР. В 2006 г Россия председательствовала в Группе 8-и. Россия и США сотрудничали и по вопросам региональных конфликтов, в том числе на начальном этапе урегулирования конфликта на территории бывшей Югославии, а также в палестино-израильском конфликте, конфликтах в Приднестровье и Нагорном Карабахе. Также Россия и США принимали участие в Шестисторонних переговорах по ядерной программе КНДР.

Наряду с тенденциями к сотрудничеству автором отмечены и камни преткновения в этом процессе. Начиная с 2000-х годов РФ стала подвергаться постоянной критике со стороны США и европейских стран в связи с ситуацией в области прав человека и демократии. Кроме того, США оказали поддержку ряду неконституционных государственных переворотов в странах постсоветского пространства, в частности в Грузии и на Украине, в результате которых к власти пришли политические силы, продвигавшие курс на сближение и интеграцию своих стран с НАТО.

Во время президентства Д.А. Медведева и либерализации внешней политики Россия и США предприняли попытку перезагрузки двусторонних отношений. На практике это привело, в частности, в продолжение сотрудничества в области контроля над вооружениями и подписание Договора СНВ-3. Кроме того, стороны начали переговоры по системам ПРО в Европе. Россия согласилась не размещать комплекс «Искандер» в Калининградской области в обмен на отказ от развёртывания третьего позиционного района ПРО США. Кроме того, Россия выдвинула предложение о совместном использовании европейской системы ПРО на основе «секторального подхода». Автор также отмечает сотрудничество между двумя странами по вопросу укрепления боеготовности армии Афганистана. Россия также поддержала США на голосованиях по различным резолюциям СБ ООН, например №1929 о введении санкций против Ирана, и отказалась от поставки Ирану комплексов С-300, а также не голосовала против резолюции №1973, санкционировавшей военное вмешательство в Ливии.

Однако, несмотря на это, как показывает автор, возникли проблемы, фактически приведшие к сворачиванию нормализации отношений с США и странами Запада. Они касаются как Европы: развёртывание элементов системы ПРО США в Европе, провал инициативы подписания Договора о европейской безопасности, тупик в процессе реформирования ОБСЕ и переговорах о базовом соглашении между Россией и ЕС, так и Ближнего Востока – события в Ливии и развитие «арабской весны». Кроме того, кризису в отношениях способствовало и нагнетание антироссийской истерии в западных СМИ посредством раздувания скандалов, например, о предполагаемом вмешательстве России в выборы в США в 2016 г. и деятельность демократических институтов других западных стран, или допингового скандала с российскими спортсменами.

Автор монографии подробно разбирает подоплёку конфликта на Украине, а также классификацию введённых против России санкций.

Возобновление активности России на Ближнем Востоке в связи с ситуацией с Сирией, как показывает автор, способствовало новым эпизодам сотрудничества с США, в частности, двустороннему военному сотрудничеству в САР и взаимодействию по вопросу заключения «ядерной сделки» по иранской ядерной программе. Помимо этого, продолжается использование российских ракетных двигателей в американских космических кораблях*. В главе, посвящённой решению глобальных проблем современности, автор указывает на перспективные направления взаимодействия двух стран, такие как киберпространство (упоминается инициатива России и других стран ШОС о «Правилах поведения в интернете»), а также борьба с изменением климата.

По мнению А.К. Боброва, главной причиной двусторонних противоречий. РФ и США является вопрос о статусе: США, считающие себя гегемоном и победителем в холодной войне, отказываются воспринимать Россию, чей экономический потенциал значительно уступает американскому, в качестве равной себе державы. Поэтому Россия, представляющая для США угрозу благодаря своему военному потенциалу, используется Вашингтоном как средство консолидации американского общества, а также своих внешнеполитических союзников. Ещё один, на мой взгляд обоснованный вывод автора, состоит в том, что как только американское руководство осознает реальный масштаб угрозы со стороны Китая, США могут попытаться вывести Россию из орбиты влияния КНР и пойти на сотрудничество с Москвой, чтобы использовать её для сдерживания Пекина.

В целом, книга А.К. Боброва «Концептуальные основы внешней политики России» представляет большой научный интерес и как историческое исследование, и как учебное пособие, призванное заполнить пробелы в знаниях о внешнеполитической деятельности России, а также о её месте в текущих мировых процессах и о том, как эти процессы понимаются руководством России. Монография может послужить источником справочной информации и для студен-

* Последняя партия из шести двигателей была отправлена в США 14 апреля 2021 г.

тов, изучающих международные отношения, и для экспертов в этом вопросе, и для сотрудников государственных ведомств и частных организаций, занимающихся внешнеполитической и/или внешнеэкономической деятельностью. Стоит отметить, что высокую оценку книге дали ведущие эксперты в области международных отношений, в том числе академик РАН В.Г. Барановский, член-корреспондент РАН Ал.А. Громыко, доктор политических наук А.Д. Богатуров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобров А.К. 2021. Концептуальные основы внешней политики России. М., Издательство «Аспект-Пресс», 221 с.

REFERENCES

Bobrov A.K. 2021. Kontseptual'nye osnovy vneshnei politiki Rossii [The Conceptual Foundations of the Foreign Policy of Russia] (in Russ.). Moscow, Aspect-Press, 221 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СТЕПАНОВ Алексей Сергеевич, научный сотрудник Отдела внешнеполитических исследований Института США и Канады РАН (ИСКРАН).
Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3.

Alexey S. STEPANOV, Research Fellow, Department of Military-Political Studies, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).
2/3 Khleby pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 5.05.2021.

Статья поступила после рецензирования / Revised 12.05.2021.

Принята к публикации / Accepted 13.05.2021

УДК 323

DOI: 10.31857/S268667300014278-5

Приоритеты деятельности групп интересов в политической практике США

Сардар Алаа

Институт международных отношений и мировой истории Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (ННГУ)

Российская Федерация, 603005 Нижний Новгород, ул. Ульянова, д.2.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1359-1634>

e-mail: alaa.saradar89@gmail.com

Резюме: Важность групп интересов в американской политической системе породила теорию политики, в которой взаимодействие групп становится сущностью демократического правления. В США группы интересов являются значимым элементом политической системы, который постоянно формируется и переформируется, чтобы выразить разнообразные и меняющиеся интересы своих членов. При этом успешность их деятельности зависит от многих различных характеристик групп, таких как размер, однородность и уровень организации, а также от типа политики и существующих политических институтов. Сделан вывод, что к политическим приоритетам в деятельности групп интересов в США можно отнести практически весь спектр проблемных вопросов взаимодействия власти и общества. Однако исходя из главных заинтересованных субъектов, представляющих основные группы интересов, выделяются бизнес-интересы, профессиональные интересы и интересы общественной жизни.

Ключевые слова: политика, политическая система, власть, группы интересов, лоббизм, политическая практика, цели политики, публичная политика

Для цитирования: Сардар Алаа. Приоритеты деятельности групп интересов в политической практике США. *США & Канада: экономика, политика, культура* 2021; 51 (6) 119-126. DOI: 10.31857/S268667300014278-5

Priorities of Interest Groups in U.S. Political Practice

Alaa Sardar

The Institute of International Relations and World History

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,

603005, Russia, Nizhni Novgorod, Ulyanov St, 2

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1359-1634>

e-mail: alaa.saradar89@gmail.com

Abstract: Importance of interest groups in the American political system has given rise to a theory of politics in which the interaction of groups becomes the essence of democratic government. In the United States, interest groups are a significant unit of the political system, which will be constantly formed and reshaped to express the diverse and changing interests of their members. However, the success of their activities depends on many different characteristics of the groups, such as size, homogeneity and level of organization, as well as on the type of policy and existing political institutions. It is concluded that the political priorities in the activities of interest groups in the United States include almost the entire range of problematic issues of interaction between government and society. However, based on the main stakeholders rep-

representing the main interest groups, business interests, professional interests and interests of public life are distinguished.

Keywords: politics, political system, government, interest groups, lobbying, political practice, policy goals, public policy

For citation: ALAA Sardar. Priorities of Interest Groups in U.S. Political Practice. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture 2021*; 51 (6): 119-126.

DOI: 10.31857/S268667300014278-5

ВВЕДЕНИЕ

Как считают американские специалисты, изучающие значение групп интересов в американской политической системе, их важная роль в ней способствовала появлению теории политики, в которой взаимодействие этих групп становится сущностью демократического правления [Berry J.M. 1977]. Групповой плюрализм, возможно, является американской теорией политики, которая берёт своё начало в теории Конституции Дж. Мэдисона в 1787 г. и обеспечивает альтернативу и марксистской классовой теории политики, и индивидуалистическим теориям демократии XIX века. Эта теория управления основана на предположении, что индивиды как таковые могут практически не влиять на способы принятия решений [Golden M.M. 1998].

ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЮТ СОБОЙ ГРУППЫ ИНТЕРЕСОВ

Группы интересов в США — это организации, члены которой разделяют общие интересы и пытаются влиять на политику государства, затрагивающую их интересы. Они представляют собой один из существенных механизмов передачи своих идей, потребностей и взглядов до сведения официальных и избранных властных структур. При этом лоббирование есть один из способов, с помощью которого группы интересов формируют законодательство и доводят мнения своих избирателей до сведения лиц, принимающих решения. Американские граждане обычно могут легко найти группу интересов, которая фокусируется на их проблемах, независимо от того, насколько они специализированы. Политическая практика американских общественных объединений раскрывают невероятное разнообразие причин, по которым граждане объединяются. Однако есть по крайней мере три причины, по которым группы интересов так распространены в США.

Во-первых, в американском обществе существуют определённые расколы, обусловленные существенными различиями в доходах и занятиях, религиозным разнообразием и региональными отличиями в традициях и культуре.

Во-вторых, американская конституционная система способствует увеличению числа групп интересов, потому что существует так много точек их доступа к органам власти, которая в США распределяется на местном и национальном уровнях (федерализм) и между тремя ветвями власти. При этом, чем больше

шансов влиять на политику, тем больше организаций будут стремиться оказывать влияние.

В-третьих, слабость политических партий способствует росту числа групп интересов. В некоторых городах, где партийное влияние сильно (например, в Чикаго), влияние и формирование политики происходит через партию, тогда как в городах со слабыми партиями (как Лос-Анджелес) группы интересов имеют гораздо большее влияние на политику.

Есть два типа групп интересов, к которым американцы могут присоединиться: институциональные и членские.

Институциональные группы — это отдельные лица или организации, представляющие другие организации. Эти группы, такие, например, как Американский институт производителей хлопка, обычно сосредоточены на влиянии на политику, которая относится к их конкретным деловым интересам; другие, к примеру Торговая палата или Национальная ассоциация графств, могут влиять на политику только в тех областях, в которых их члены могут договориться.

Членские группы возникают из уникальной американской тенденции вступать в религиозные, гражданские или политические объединения. Американцы, по-видимому, обладают более сильным чувством политической эффективности, чем жители других стран, и считают, что организованная деятельность является эффективным способом воздействия на власть.

В этой связи группа интересов является значимой единицей политической системы США. Благодаря этому бесчисленные группы постоянно формируются и переформируются, чтобы выразить разнообразные и меняющиеся интересы своих членов. Такие группы представляют собой не угрозу традиционным каналам деятельности органов государственной власти, а необходимое дополнение к ним [Baumgartner F. 2010]. Эти группы выполняют функции предоставления информации об огромном спектре сложных видов деятельности, в которые вовлекаются органы власти, и выражение диапазона мнений гораздо разнообразнее, чем с этим мог бы справиться обычный механизм органов власти.

Присутствие групп интересов на различных политических аренах в США часто соответствует их типу, ресурсам и характеристикам проблемы. Тем не менее группы имеют значительную свободу в выборе стратегии. Ресурсы не обязательно ограничиваются экономическими активами, но могут быть концептуализированы как различные формы капитала: символический (например, репутация и легитимность), культурный (компетентность и знания) и социальный (сеть и отношения). Хотя финансовые ресурсы не обязательно обеспечивают влияние, они могут повысить значимость проблемы и привлечь соответствующие человеческие ресурсы и компетентность.

Однако для успешного функционирования такого типа политической системы необходимы два обстоятельства: 1) должен быть достигнут широкий консенсус относительно основ и целей общества, чтобы ни одна группа не пыталась навязать свои взгляды остальным до такой степени, что может начаться гражданская война. Этот консенсус является одной из характерных черт американ-

ской идеологической основы; 2) должен существовать комплекс политических механизмов, через которые межгрупповые переговоры могут быть проведены таким образом, чтобы можно было достичь некоторого равновесия между конкурирующими требованиями. Возможно, первое требование этой системы управления состоит в том, что она должна быть гибкой [Baumgartner F. 2010].

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПРИОРИТЕТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРУПП ИНТЕРЕСОВ

Структура требований в США постоянно меняется по мере того, как происходят новые экономические, социальные и военные события, и стабильная политическая система должна быть в состоянии их удовлетворить. Недавние исследования выявили пять факторов, определяющих приоритетность политических вопросов для групп интересов [Halpin, D.R., Fraussen B., Nownes, A.J. 2018]:

- внутренняя отзывчивость,
- политический потенциал,
- динамика ниш,
- структура политических возможностей.
- значимость проблемы.

Внутренняя отзывчивость порождает представление о том, что группы сосредотачивают своё внимание на политических вопросах, которые согласуются с интересами их основного электората или соответствуют миссии их группы. Учитывая разнообразие внутренней организации и демократический характер групп, эта внутренняя отзывчивость может принимать различные формы и относиться к многочисленным и разнообразным внутренним заинтересованным сторонам (таким, как члены, сторонники или доноры).

Политический потенциал относится к финансовым и людским ресурсам, имеющимся в распоряжении группы, включая опыт и знания персонала. Если группа ранее работала над такой темой или имеет комитеты по внутренней политике, посвящённые этой области политики, она, скорее всего, будет уделять данному вопросу постоянное внимание. Это в меньшей степени относится к темам, которые являются новыми для организации или по которым имеется ограниченный внутренний опыт.

Аспект *поиска ниши* подчёркивает то, как группы реагируют на другие группы в своей среде. Они могут искать политические ниши для специализации, подчёркивать свою уникальную природу, особенно в конкурентной среде. Это относится как к более специализированным, так и к более широким группам.

Что касается *структуры политических возможностей*, то как благоприятные, так и неблагоприятные условия могут быть важными триггерами для принятия политических мер. В то время как вероятность политической победы и наличие союзников правительства, вероятно, будут стимулировать лоббистскую деятельность, группе также может потребоваться противодействовать политическим изменениям, которые идут вразрез с их предпочтениями.

Наконец, известно, что специфические особенности проблемы, в частности её *значимость*, сильно влияют на лоббистское поведение и, следовательно, могут совместно определять процессы приоритизации. В этой связи приоритеты групп интересов можно проследить исходя из тех сфер деятельности, в которых функционируют основные группы.

Проведённый анализ позволил сгруппировать группы интересов в США в несколько широких категорий. Безусловно, к самой крупной *категории групп экономических интересов* относятся организации, представляющие крупный бизнес, такие как Торговая палата США и Национальная ассоциация производителей (*National Association of Manufacturers, NAM*), а также такие крупные лейбористы, как, например, Американская федерация труда – Конгресс промышленных организаций (*Congress of Industrial Organizations, AFL–CIO*). Крупные корпорации также имеют положение важных игроков в экономике и политике США. Поскольку избранные должностные лица несут ответственность за экономические показатели страны, они часто опасаются, что политика противодействия бизнесу нанесёт ущерб этим показателям [Smith M.A. 2000]. С другой стороны, торговые ассоциации представляют целые отрасли. Членами Американской ассоциации общественного питания (*American Pet Products Association, АППА*), например, являются муниципальные электрические компании, сельские электрические кооперативы и государственные органы власти. Профессионалы также формируют группы по интересам. Американская медицинская ассоциация (*American Medical Association, АМА*) в течение многих лет выступала против законодательства о создании организаций по поддержанию здоровья.

Учитывая структуру федеральной системы США, не вызывает удивления то, что существуют организации, которые ставят вопросы местного и государственного управления перед Конгрессом и правительством США. *Правительственные группы интересов* включают Национальную лигу городов, Национальную конференцию мэров и Национальную ассоциацию губернаторов. Одна из важнейших задач, выполняемых этими группами, заключается в том, чтобы помочь правительствам штатов и местным органам власти получить федеральные гранты. Эти фонды важны, потому что они являются центральным средством, с помощью которого штаты возвращают деньги, полученные от них через федеральные налоги. Однако по мере ужесточения бюджета эти группы всё больше стремятся к тому, чтобы увеличить контроль над местной политикой, а не к получению более крупных финансовых средств.

Ещё одна категория – *Группы с общественными интересами* – обычно не рассчитывают получить прибыль непосредственно от изменений политики, к которым они стремятся. В частности, Дж. Берри определяет группы общественных интересов как группы, которые «поддерживают цели, не приносящие прямой материальной выгоды ее членам, а скорее выражающие их ценности, относящиеся к обществу в целом» [Berry J. M. & Wilcox C. 1989]. Однако активисты, обслуживающие эти группы, получают финансовую выгоду, привлекая пожертвования от частных лиц и фондов, поддерживающих их деятельность. Как следует из

названия, группы общественных интересов пользуются имиджем беспартийности, хотя некоторые из них занимаются явно политической деятельностью. Такие группы также обычно получают непропорционально позитивное освещение в новостях, даже когда есть серьезные разногласия по поводу их политических предложений. В эту категорию попадает большое количество групп защиты прав потребителей и экологических организаций, таких как Фонд защиты окружающей среды (*Environmental Defense Fund, EDF*). Пожалуй, наиболее известной в этой категории является Лига женщин-избирателей, которая продвигает упрощённые процедуры голосования и информированный электорат, а также «Общее дело» (*Common Cause*), которая поддерживает более эффективное правительство и активно выступает с критикой других групп интересов за их чрезмерные взносы в избирательные кампании, лоббируя реформу финансирования предвыборных кампаний.

Отделение церкви от государства не исключает лоббирования *религиозных групп интересов*; действительно, можно с уверенностью сказать, что все группы этой категории в той или иной степени вовлечены в политику. Христианская коалиция (*Christian Coalition of America*), которая пользуется большой поддержкой консервативных протестантов, имеет повестку дня, которая включает требование молитвы в школах, оппозицию правам гомосексуалистов и конституционную поправку, запрещающую аборт. Это стало важным фактором в американской политике, особенно в Республиканской партии, в начале 1990-х годов.

Группы интересов в области гражданских прав, такие как Национальная ассоциация по улучшению положения цветных людей (*National Association for the Advancement of Colored People, NAACP*), Мексиканско-американский фонд правовой защиты и образования (*Mexican American Legal Defense and Educational Fund, MALDEF*), Национальная организация женщин (*National Organization of Women, NOW*) и Национальная целевая группа геев и лесбиянок (*National LGBTQ Task Force*), представляют интересы общества, которые исторически затрагивают проблемы правовой дискриминацией и во многих отношениях по-прежнему не имеют равных возможностей. Однако их действия затрагивают не только гражданские права, но и социальное обеспечение, иммиграционную политику, позитивные действия, различные гендерные вопросы и политические действия.

В свою очередь *идеологические группы интересов* рассматривают все вопросы — федеральные расходы, налоги, иностранные дела, назначения в суды и т. д. — через призму своей политической идеологии, обычно либеральной или консервативной. Их поддержка законодательства или политики зависит исключительно от того, считают ли они их идеологически обоснованной. Либеральная группа «Американцы за демократические действия» (*Americans for Democratic Action, ADA*) и Американский консервативный союз (*American Conservative Union, ACU*) оценивают выборных должностных лиц по одному и тому же стандарту.

Особую категорию представляют *группы «одного вопроса»*, которые формируются для того, чтобы выступать «за» или «против» только одного вопроса. Другие заинтересованные группы могут также иметь позицию по любому вопросу,

например «за» или «против» контроля над оружием, но для Национальной стрелковой ассоциации (*National Rifle Association, NRA*) и Национальной коалиции по запрещению огнестрельного оружия (*National Coalition to Ban Handguns*) это единственный вопрос на политической арене. То же самое относится к абортam, которые противопоставляют Национальный комитет по праву на жизнь (*National Right to Life Committee, NRLC*) Национальной лиге действий за права на аборт (*National Abortion Rights Action League's, NARAL*). Эти примеры не предполагают, что группы интересов по одной проблеме всегда порождают свою противоположность. Так, организация «Матери против вождения в нетрезвом виде» (*Mothers Against Drunk Driving, MADD*), которая выступает за ужесточение наказаний за вождение в нетрезвом виде и обязательные штрафы за первое правонарушение, не противопоставляет себя другим аналогичным организациям.

Следует отметить, что, хотя большинство групп интересов в США сосредоточены на внутренних проблемах, некоторые из них связаны с внешней политикой. Например, Американо-Израильский комитет по связям с общественностью (*American Israel Public Affairs Committee, AIPAC*) уделяет особое внимание Ближнему Востоку и отношениям между Соединёнными Штатами и Израилем.

Представление о том, что группы интересов одновременно неизбежны и непредсказуемы можно проиллюстрировать на примере недавнего движения в некоторых американских штатах за легализацию марихуаны. Традиционный подход к лечению каннабиса как незаконного наркотика уже давно доказал свою неэффективность для предотвращения его производства, распространения и потребления. «Война с наркотиками» провалилась в достижении своих целей по регулированию марихуаны и породила огромные затраты на правоприменение и множество побочных эффектов и непреднамеренных последствий, таких как насилие, банды, переполненные тюрьмы, потребление некачественной продукции и передозировки. Несмотря на эти мрачные результаты политики, которые, вероятно, не дают никакого анализа затрат и выгод, мало кто предсказывал, что США будут одной из первых стран, которые перейдут к легализации в качестве альтернативной стратегии. В ноябре 2012 г. избиратели в штатах Колорадо и Вашингтоне одобрили инициативы, легализовавшие рекреационное употребление марихуаны, создав прецедент, которому может последовать большинство других штатов и федеральное правительство. Хотя несколько других стран уже осуществили легализацию марихуаны, например, Уругвай с 2014 г., американский эксперимент должен послужить определенным фактором принятия или отторжения подобного подхода для других государств

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что к политическим приоритетам в деятельности групп интересов в США можно отнести практически весь спектр проблемных вопросов взаимодействия власти и общества. Однако, учитывая состав главных заинтересованных субъектов в основных группах

интересов, особенно выделяются бизнес-интересы, профессиональные интересы и интересы общественной жизни.

REFERENCES

- Baumgartner F. R., & Jones, B. D. (2010) *Agendas and Instability in American Politics*: University of Chicago Press. 368 p.
- Berry J. M. (1977) *Lobbying for the People: the Political Behavior of Public Interest Groups*. Princeton: Princeton University Press. 344 p.
- Berry J. M. & Wilcox C. (1989). *The Interest Group Society*: Scott, Foresman Glenview, Illinois. 397 p.
- Binderkrantz A. (2005). Interest group strategies: navigating between privileged access and strategies of pressure. // *Political Studie*. No.53 (4). P. 694–715.
- Golden M.M. (1998). Interest Groups in the Rule-making Process: Who Participates? Whose Voices Get Heard? // *Journal of Public Administration Research and Theory*. No.8. P. 245–270.
- Hall R.L, Deardorff A.V. (2006). Lobbying as Lgislative Subsidy // *American Political Science Review*. No.100 (1). P. 69–84.
- Halpin, D.R., Fraussen B., Nownes, A.J. (2018). The Balancing Act of Establishing a Policy Agenda: Conceptualizing and Measuring Drivers of Issue Prioritization within Interest Groups. // *Governance*. No.31(2). P. 215–237.
- Smith M.A. (2000). *American Business and Political Power: Public Opinion, Elections, and Democracy*: University of Chicago Press. 245 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

САРДАР Алаа, аспирантка 3-го курса, Институт международных отношений и мировой истории Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (ННГУ). Российская Федерация, 603005 Нижний Новгород, ул. Ульянова, д.2.

Alaa SARDAR, Post Graduate, The Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod 2 Ulyanov Str., Nizhni Novgorod, 603005, Russia

Поступила в редакцию / Received 9.04.2021

Поступила после рецензирования / Revised 18.04.2021

Принята к публикации / Accepted 24.04.2021

Информация для авторов

Редакция принимает материалы, соответствующие тематическому профилю журнала, отвечающие международным стандартам научных публикаций и оформленные в соответствии с установленными правилами. Рукопись должна представлять результаты оригинального авторского исследования, изложенные в научном стиле. Объём принимаемых к рассмотрению статей до 45 тыс. знаков, рецензий – до 15 тыс. знаков.

К статье должны прилагаться: информативная аннотация (200–250 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, учёное звание, должность и полное название места работы, адрес организации с индексом, e-mail). При этом аннотация представляет собой резюме, подробный пересказ содержания и выводов статьи. В аннотации следует избегать использования словосочетаний вроде «в статье рассматривается», «автор считает» и пр. Под ключевыми словами подразумеваются наиболее часто упоминающиеся в работе понятия и термины.

Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на академическом английском языке. *Бумажная версия* печатается на одной стороне листа (шрифт *Arial*, кегль 12, интервал полуторный, поля слева и справа по 3 см). Автор индексирует свою статью по Универсальной десятичной классификации (УДК). Обязательно наличие у автора цифрового идентификатора ORCID. Его можно оформить на сайте <http://orcid.org/>.

Электронная версия представляется в форматах *doc*, *docx* или *rtf*. Текст статьи и вся сопровождающая информация представляется в одном файле в следующем порядке: название статьи (русс., англ.), аннотация (русс., англ.), ключевые слова (русс., англ.), полная информация об авторе (русс., англ.), текст статьи, библиографический список.

Отсутствие библиографического списка может стать причиной отказа в регистрации статьи. Материалы для рубрик "Размышляя над прочитанным" и "Книжная полка" могут не содержать библиографический список. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте.

Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещённом после текста статьи. В список включаются ссылки на статьи из научных периодических изданий и монографии. Этот список состоит из двух частей: на русском и английском языках ("Список литературы" и "References" соответственно). Англоязычная часть содержит перевод и транслитерацию названий русскоязычных источников на английский язык (см. сайт: <http://translit.net/>). Транслитерация производится по системе Библиотеки Конгресса США (ALA-LC).

Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат фамилию автора (авторов), год издания, номера цитируемых страниц; допускается частичная замена длинных заглавий многоточием.

1. При описании книг указываются в следующем порядке: фамилия и инициалы автора, год издания, название (*курсивом*), город издания, издательство, количество страниц.

2. Если книга написана коллективом авторов, на первое место выносится её название, после года издания в круглых скобках указывается редактор, редактор-составитель и т.п.

3. При описании переводной книги следует указать сначала ссылку на оригинальное издание, а затем – на издание русского перевода (если русское издание не является оригинальным составным сборником трудов иностранного автора).

4. Ссылки на информационные, официальные и прочие источники, в том числе на интернет-ресурсы, не являющиеся научно-аналитическими материалами (законы, материалы слушаний, выступления и обращения официальных лиц, статистические источники, материалы прессы), следует приводить в разделе "Источники", который размещается после текста статьи перед списком литературы. Ссылки в этом разделе нумеруются, отсылки к ним в тексте имеют вид номера публикации в квадратных скобках.

5. Публикации в разделах "Источники" и "Список литературы/References" приводятся в алфавитном порядке.

Примеры отсылок в тексте статьи: [1] – на публикацию в разделе "Источники", [Иванов И.И. 2001: 25] – на публикацию в разделе "Список литературы".

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте. Данные, заимствованные из другого источника, сопровождаются библиографической ссылкой. Весь графический материал принимается только в редактируемом виде (не картинками!).

Все присланные в Редакцию материалы отдаются на рецензирование.

Плата за публикацию не взимается.

Дополнительные варианты оформления ссылок и библиографии авторы могут найти на страницах журнала и на сайте <http://www.iskran.ru/journal.php>.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Все статьи журнала размещаются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК). С декабря 2015 г. журнал входит в базу *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе *Web of Science*.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**
ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Лицензия на право ведения образовательной деятельности в сфере профессионального образования серия 90/01 № 0009385 от 09.08.2016 г. Свидетельство о государственной аккредитации № 3207 от 24.07.2019 г.

Осуществляет приём студентов очного (дневного) отделения по направлениям бакалавриата (срок обучения – 4 года):

- «**международные отношения**», направление подготовки: 41.03.05
- «**зарубежное регионоведение**», направление подготовки: 41.03.01

Приём проводится на основе конкурса по результатам сдачи ЕГЭ по предметам:

История России; Иностранный язык; Русский язык

по направлению **магистратуры** (срок обучения - 2 года)

- «**зарубежное регионоведение**» (**Американские исследования**), направление подготовки: 41.04.01

Приём проводится на основе конкурса по результатам сдачи экзамена по зарубежному регионоведению и по итогам собеседования.

Телефон приёмной комиссии: 8(499) 238-04-12.

Адрес факультета: 121814, Москва, переулок Хлебный, д. 2/3. (м. «Арбатская»); 109004, Москва, переулок Тетеринский, д. 12, стр. 5 (м. «Таганская»)

Сайт факультета: www.fmp.redline.ru, www.iskran.ru

Сайт ГАУГН: www.gaugn.ru

Электронный адрес: worldpolitics@mail.ru

Факультет мировой политики (ФМП) ГАУГН основан в 2000 г. на базе **Института США и Канады РАН (ИСКРАН)** – ведущего российского научного центра в области американских исследований, канадоведения, международных отношений и международной безопасности. Декан факультета – научный руководитель ИСКРАН, академик РАН С.М.Рогов. Факультет входит в структуру Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) – высшего учебного заведения, созданного благодаря сотрудничеству Российской академии наук и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Президент ГАУГН – академик РАН, профессор А.О. Чубарьян, ректор – Д.В. Фомин-Нилов. В ГАУГН действуют 10 факультетов, каждый из которых базируется в профильном институте РАН.

Учебные планы и программы обучения, составленные на основе государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования по направлениям бакалавриата и магистратуры “Зарубежное регионоведение” и “Международные отношения”, предусматривают изучение общих гуманитарных, естественнонаучных, профессиональных и специальных дисциплин, предметов по выбору студента, а также дополнительных и факультативных дисциплин.

Специфика ИСКРАН, активно участвующего в процессе формирования внешней политики России, дает студентам факультета уникальную возможность приобщиться к практике экономического и политического анализа и консультирования, ориентированных на реализацию внешнеполитических интересов России.

Основу профессорско-преподавательского состава ФМП составляют научные сотрудники Института США и Канады РАН. Многие из них имеют многолетний опыт научной и педагогической работы в МГИМО (У) МИД РФ, МГУ, МГЛУ, а также в ведущих университетах США и стран Западной Европы.

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

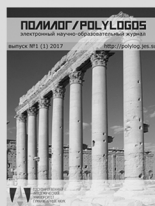
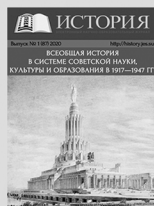
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**